

Владимирский государственный университет

**СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ,
ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

**Материалы III Всероссийской
научно-практической конференции**

10 апреля 2026 г.

Владимир 2026

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирской государственной университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Гуманитарный институт

Кафедра социологии

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ, ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Материалы III Всероссийской научно-практической конференции

10 апреля 2026 г.

Под общей редакцией кандидата экономических наук В. С. Щитко

Электронное издание

Владимир 2026

ISBN 978-5-9984-1774-0

© Коллектив авторов, 2026

УДК 316.3

ББК 60.52

Редакционная коллегия:

В. С. Щитко, канд. экон. наук, доцент (*ответственный редактор*)

В. Н. Аргунова, д-р социол. наук, доцент (*член редколлегии*)

Л. М. Баранова, канд. филос. наук, доцент (*член редколлегии*)

С. А. Орлова, лаборант кафедры социологии (*секретарь редколлегии*)

Издается по решению редакционно-издательского совета ВлГУ

Современное российское общество: новые вызовы, особенности трансформации и перспективы развития [Электронный ресурс] : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. 10 апр. 2026 г. / под общ. ред. канд. экон. наук В. С. Щитко ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Гуманитар. ин-т, Каф. социологии. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2026. – 298 с. – ISBN 978-5-9984-1774-0. – Электрон. дан. (2,92 Мб). – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: Intel от 1,3 ГГц ; Windows XP/7/8/10 ; Adobe Reader ; дисковод CD-ROM. – Загл. с титул. экрана.

Статьи, вошедшие в сборник, посвящены анализу современного состояния российского общества, выявлению основных рисков и драйверов социального развития.

Сборник предназначен для социологов, политологов, философов, педагогов, журналистов, специалистов в области рекламы и связей с общественностью, социальной работы и работы с молодежью, изучающих проблемы современного общества. Может быть полезен студентам направления подготовки 39.03.01 «Социология» для более глубокого изучения таких дисциплин, как «Общая социология», «Социология глобализации», «Социология молодежи», «Социология семьи и личности» и др.

ISBN 978-5-9984-1774-0

© Коллектив авторов, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Океанов Г. В.

**ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА
ГОРОДОВ НА ОСНОВЕ СОЦИАЛЬНОГО ЗАКАЗА,
ОБЕСПЕЧЕННОГО СТАТИСТИЧЕСКИМИ ДАННЫМИ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ** 8

Пименов В. И.

**ПРОЦЕССЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РОССИИ: ТЕМПЫ,
ВЫЗОВЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ** 16

ДОКЛАДЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Аверин К. В.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ
В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ИИ-ТЕХНОЛОГИЙ
В ПРАКТИКИ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ** 23

Ананин П. В.

**К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО
И ГРУППОВОГО УРОВНЕЙ АГЕНТНОСТИ МОЛОДЕЖИ** 32

Афанасьева О. А., Семченко И. В.

**СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ
ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ** 37

Баркар Е. О., Баранова Л. М.

**ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬ КАК ФОРМА ДЕВИАЦИИ
У МОЛОДЕЖИ** 44

Белокрылина А. А., Орлик Е. Н. 48

**РОЛЬ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОГО КОНТЕНТА
В КОНСТРУИРОВАНИИ НАДЕЖНОСТИ
МАРКЕТПЛЕЙСОВ** 48

<i>Буланов А. Н.</i> НОВАЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ.....	54
<i>Волченкова Е. В., Воронина О. А.</i> АНАЛИЗ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ У ПОДРОСТКОВ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ.....	67
<i>Воротенькина С. Е., Ефимова С. А.</i> ЦИФРОВЫЕ ПРАКТИКИ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ УЧАСТНИКОВ АНИМЕ-ФАНДОМА.....	72
<i>Гоглова П. А., Орлик Е. Н.</i> СПЕКТАКЛЬ, ВЗГЛЯД И ПЕРФОРМАНС: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ГЕНДЕРНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМЕ.....	80
<i>Гутова А. А.</i> ОТ ИДЕОЛОГИИ УСПЕХА К КУЛЬТУРЕ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ НОРМАТИВНЫХ УСТАНОВОК В ПОЗДНЕМ МОДЕРНЕ.....	87
<i>Дементьева А. И., Орлик Е. Н.</i> ЦЕННОСТИ БРАКА И СЕМЬИ В ВОСПРИЯТИИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА	99
<i>Желинская М. А.</i> ВЛИЯНИЕ УЧАСТИЯ В СТУДЕНЧЕСКИХ СПОРТИВНЫХ КЛУБАХ НА СОЦИАЛЬНУЮ АДАПТАЦИЮ МОЛОДЕЖИ.....	103
<i>Запретилова Д. Р., Аргунова В. Н.</i> КАРЬЕРНЫЕ УСТРЕМЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖЕЙ И ВУЗОВ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ВСЕРОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ	110
<i>Иванова А. Д., Аргунова В. Н.</i> ФИТНЕС ДЛЯ ИЗБРАННЫХ И ЗАПУСТЕНИЕ ДВОРОВЫХ ПЛОЩАДОК: КАК КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ СПОРТА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ УГЛУБИЛА РАЗРЫВ МЕЖДУ СЛОЯМИ НАСЕЛЕНИЯ.....	116

<i>Казаков Д. А.</i> РОССИЯ, ЗАПАД, ВОСТОК: ТОЧКИ СХОЖДЕНИЯ И РАСХОЖДЕНИЯ	121
<i>Киреев М. А., Ефимова С. А.</i> МЕТОДИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ: ЭФФЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ В УСЛОВИЯХ ДЕФИЦИТА ВРЕМЕНИ.....	130
<i>Казакова С. А., Аргунова В. Н.</i> ГОРОД КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН	136
<i>Карева М. П., Орлик Е. Н.</i> СОВРЕМЕННАЯ МЕДИЦИНА И ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ.....	142
<i>Киреев М. А., Аргунова В. Н.</i> ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ЭТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ В ДИСКУРСЕ ВЕБЕРОВСКОЙ ТЕОРИИ	147
<i>Карякин Э. А., Кленин П. В.</i> ОТ ФИЛОСОФСКИХ КАТЕГОРИЙ К ПАТРИОТИЧЕСКИМ ЦЕННОСТЯМ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ	153
<i>Князева Н. С., Нечаева И. И.</i> ВОПРОСЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛЮДЕЙ С СИНДРОМОМ ДАУНА В РОССИИ, США И ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ НА ПРИМЕРЕ ТРУДОУСТРОЙСТВА И СПОРТА	159
<i>Князьнеделин Р. А.</i> ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА: КОНЦЕПЦИЯ ЗАКРЫТОЙ ПРОЗРАЧНОСТИ И ПОЭТАПНАЯ МОДЕЛЬ ВНЕДРЕНИЯ...	168
<i>Кузнецов Д. А., Панкратова Е. В.</i> ЦИФРОВЫЕ ПРАКТИКИ САМОКОНТРОЛЯ ЗДОРОВЬЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ УСТАНОВОК РОССИЯН.....	184

<i>Куликов В. А., Щитко В. С.</i> ДОКСИНГ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ДЕВИАНТНАЯ ПРАКТИКА И КАК ФОРМА КИБЕРБУЛЛИНГА	190
<i>Молодкин А. Б., Щитко В. С.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ.....	195
<i>Нелюбина В. Ю., Орлик Е. Н.</i> СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ХАРАКТЕРИСТИК РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ.....	203
<i>Николаенко П. С., Панкратова Е. В.</i> ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ КАК АГЕНТЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ Г. ИВАНОВО)	209
<i>Орлик Е. Н.</i> ДОВЕРИЕ В КОНФЛИКТНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ.....	216
<i>Павлова С. Н., Баранова Л. М.</i> ВОЛОНТЕРСТВО КАК СПОСОБ САМОРЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ.....	226
<i>Перфилова А. С., Аргунова В. Н.</i> К ВОПРОСУ О ПОКАЗАТЕЛЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА РЕГИОНОВ РОССИИ.....	231
<i>Руднева О. О.</i> ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В МОСКВЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА	238
<i>Смирнова М. Ю.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ОБЛАСТНОМ ЦЕНТРЕ И МАЛОМ ГОРОДЕ (НА ПРИМЕРЕ ИВАНОВА И ШУИ)	242
<i>Соколова Е. А., Орлик Е.Н.</i> ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ.....	247

<i>Тримасова Д. Е., Семченко И. В.</i> РОЛЬ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	253
<i>Трофимов А. Б., Орлик Е. Н.</i> ИСТОКИ И ПРИРОДА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В ОБЩЕСТВЕ	261
<i>Трутнева А. М.</i> ЖЕНСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК ФУНДАМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	269
<i>Федотов А. Д., Аргунова В. Н.</i> ПРЕСТИЖНОСТЬ НИЗКОКВАЛИФИЦИРОВАННОГО ТРУДА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ	275
<i>Царев Д. Э., Щитко В. С.</i> РОЛЬ РУНЕТА В СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ	281
<i>Цепинов Н. А.</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ.....	285
<i>Цыбина О. И., Аргунова В. Н.</i> ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД ЧИКАГСКОЙ ШКОЛЫ: ВЛИЯНИЕ МИГРАНТОВ НА ГОРОДСКУЮ СРЕДУ	291

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

*Океанов Геннадий Вадимович,
кандидат архитектуры, главный специалист
Центральный научно-исследовательский и проектно-эксперимен-
тальный институт промышленных зданий и сооружений (ЦНИИ-
Промзданий),
г. Москва
E-mail: g.oceanov@yandex.ru*

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДОВ НА ОСНОВЕ СОЦИАЛЬНОГО ЗАКАЗА, ОБЕСПЕЧЕННОГО СТАТИСТИЧЕСКИМИ ДАННЫМИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. Фактор объективизированного общественного мнения определяет функциональность и привлекательность общественного пространства современных городов. Статистические данные относительной скорости социальных процессов в границах общественного пространства составляют доказательную базу программ комплексного развития территорий. Комфортное и безопасное общественное пространство требует совокупного решения с общественными зданиями окружающей застройки.

Ключевые слова: общественное пространство; общественное здание; общее благо; социальный заказ; комплексное развитие территорий

Обустройство общественных пространств, как универсальный показатель качества среды, выходит за рамки планировки территорий, объектовой архитектуры и организации городского хозяйства, испытывая существенное влияние современных сценариев жизни общества, политических, остросоциальных и природных процессов. Стратегия ООН по содействию устойчивому развитию населенных пунктов содержит положения о том, что общественное пространство является главной цивилизационной ценностью и общественным достоянием городов, повышает устойчивость урбанизированной среды, способствует обеспечению равенства и социальной интеграции [13].

В основе понимания универсальной городской цивилизации лежит коллективный уклад жизни населения, наряду с индивидуальными чертами быта каждого человека. Коллективный уклад проявляется преимущественно в общественном пространстве, обеспечивающем равный доступ граждан к социальным инфраструктуре, сервисам и инициативам. Это место, где человеку гарантируются гражданские права, а различия уважаются и ценятся. При этом, концепция гражданства трактуется очень широко, все пользователи признаются условными гражданами и наделяются равными правами и обязанностями в отношении общественного пространства [14].

Многочисленные определения общественного пространства исходят из положений о неограниченном доступе, публичных проявлениях социальной жизни, ограничении движения транспорта и наличии необходимой социальной инфраструктуры в пределах его границ. Современный градостроительный подход к обустройству общественных пространств ориентирован на обеспечение равного доступа к общественному достоянию и общественным благам, при ограничении возможности частного присвоения и эксплуатации, как форме социальной справедливости, что требует соответствующей политики со стороны органов государственной власти, городского управления, и законодательной базы. Качество общественного пространства определяется показателями безопасности и комфорта, в наибольшей мере демонстрирует уровень экономического развития города, и благополучие его жителей, соответствие целям устойчивого развития [8].

Необходимо выделить наиболее важные аспекты устойчивого развития в отношении общественных пространств, сформулированные в декларации ООН по окружающей среде и развитию [11].

1. Пространственное формирование городской среды в общих интересах жителей, а не только влиятельных игроков рынка, с учетом достаточной социальной инфраструктуры, транспорта и рекреации, вне зависимости от дохода, возраста, физических возможностей, как проявление заботы о людях.

2. Перспектива эволюции общественного пространства, в интересах нынешнего и будущих поколений, как право на развитие.

3. Всемерное уменьшение негативного воздействия процессов и структуры общественного пространства на городскую и природную среду.

4. Адаптация к агрессивным воздействиям среды природного, техногенного и антропогенного характера.

5. Природосообразные решения, например: зеленые насаждения для уменьшения эффекта теплового острова, система фильтрующих ландшафтов для предотвращения подтопления, зеленые кровли для улучшения теплового баланса зданий [3].

Опубликованные принципы устойчивого развития городских районов определяет необходимые условия полноценного формирования общественных пространств, приведенные ниже [10].

1. Рациональная улично-дорожная сеть, занимающая не менее 18% площади территории, не менее 18км улиц на один кв. км.

2. Высокая плотность населения, не менее 15 000 человек на кв. км, или 150 человек на гектар.

3. Разнообразное использование территории, не менее 40% площади предназначаются для хозяйственного использования.

4. Разнообразие социального состава населения, не менее 20% территории отводится для малобюджетной застройки. Каждый тип владения не должен превышать 50% общей площади.

5. Ограничения использования. Суммарная площадь блокированных участков схожего назначения не должна превышать 10%.

В силу многофункциональности и высокой социальной значимости, общественные пространства должны проектироваться и эксплуатироваться под контролем местной власти и городского сообщества, в координации с широким кругом заинтересованных лиц и организаций, представляющим, в том числе, публичных активистов, научные круги и местный бизнес. Консенсус общественного мнения неустойчив и не может оказывать прямого воздействия на программы комплексного развития территорий, и должен быть объективизирован уполномоченной группой авторитетных специалистов в области градостроительства, архитектуры и городского хозяйства, на основании статистических данных социологических исследований, исходя из приоритета общественных интересов.

Общественное мнение реализуется в алгоритмах планировки территории, согласно социальному заказу. Основой консенсуса, как правило, служат законодательные акты и нормативные документы, учитывающие международную практику и местную культурно-историческую традицию. Общественное пространство следует рассматривать в

составе парадигмы общего блага, часто трактуемого как сумма частных благ, выбранных индивидуально, исходя из их потребительских качеств, как коммунальную услугу. Однако, общее благо не может восприниматься как благо отдельных членов общества, и является следствием баланса между частными и публичными интересами [1].

Рыночные механизмы не гарантируют выполнения социального заказа в отношении пространственной организации городской среды. Обеспечение общего блага требует совместных усилий множества членов общества. В то же время, общее благо не является результатом коллективного действия, и требует уполномоченных лиц и организаций, для его производства и поддержания [5].

Сложность формирования общественных пространств возникает вследствие недостатка правового регулирования и неопределенности перспектив развития, в первую очередь, сложного состояния прав собственности и пользования, неоднозначности общественного мнения, отсутствия экспертных оценок и достоверных социологических данных.

Целью данной статьи является выдвижения ряда тезисов архитектурной организации общественных пространств, направленных на реализацию концепции общего блага в городской среде.

Исходя из предпосылки целостности среды, общественные пространства образуются, как элементы общегородской структуры, существенным элементом которой является сеть пешеходных и транспортных коммуникаций. Сложившаяся застройка, формирующая общественное пространство на прилегающей территории, зачастую препятствует оптимизации схемы пешеходного движения, в отношении устройства путей по кратчайшей траектории, их габаритов и обустройства, исходя из интенсивности движения и плотности потока.

Современный опыт показывает целесообразность и технологическую реализуемость изменения планировочного решения существующих зданий окружающей застройки, для обеспечения беспрепятственного транзитного движения пешеходов по оптимальной траектории, с учетом функционального зонирования территории общественного пространства. Адаптация остова и ограждающих конструкций позволяет привести функциональную схему в соответствие концепции открытого плана, предложенной Ле Корбюзье и Ф. Л. Райтом.

Успешными примерами подобного решения служат проекты Сони-Центра на Потсдамской площади Берлина и Каиша-Центра на авениде Прадо в Мадриде. Экспертная оценка совокупности разнообразных факторов показала архитектурную и экономическую целесообразность радикальной реконструкции существующих зданий, с последующей интеграцией их наиболее значимых фрагментов в состав новых, или изменения структуры опор на уровне земли, без существенной модификации верхних этажей. В итоге, получено многофункциональное общественное пространство, отвечающее современным задачам городской среды, обладающее идентичностью места, объединяющее общедоступные помещения зданий и прилегающую территорию как неделимое целое [7].

Новые планировочные решения обеспечили быстрое и комфортное массовое транзитное движение пешеходов по коротким линиям коммуникации в сложных затесненных условиях исторических центров европейских столиц, наряду с улучшением архитектурного качества общественного пространства, за счет замедления общего ритма публичной деятельности в их пределах, согласно концепции «медленного движения», исходящего из принципов: удовольствие превыше прибыли, человек важнее работы, неспешность приятнее суеты [9]. Приведенные принципы, в целом, согласуются с пониманием Я. Гейлом необязательной деятельности людей в общественном пространстве [2].

Дифференцированное по зонам и времени количество людей, интенсивность и средняя скорость движения транзитных и внутренних потоков пешеходного движения, общая загрузка пешеходных путей позволяют получить статистическую базу для анализа сценариев поведения публики в общественном пространстве, напрямую зависимых от их архитектурной организации. Разнообразные комплексные методы оценки качества городской среды, например, «Индекс качества городской среды», предназначены для определения приоритетов развития городов, и не пригодны для задач пространственной организации [6].

Среди бинарных оппозиций, предложенных академиком РААСН А. Л. Гельфонд в качестве основы классификации общественных пространств, только показатели присутствия и скорости движения пешеходов позволяют прогнозировать сценарии поведения людей на основе численных значений, по методу урбаниста У. Х. Уайта, включающему:

видеонаблюдение, анализ поведенческих паттернов с помощью данных GPS и мобильных устройств, тепловые карты активности, машинное зрение, алгоритмы анализа движения толпы [12].

Многолетние наблюдения за поведением публики в городской среде привели исследователей к выводам, что людям интересно наблюдать за поведением других, и свойственно выбирать короткий и удобный маршрут передвижения. Если сквозные проходы через застройку оптимизируют пешеходные пути, возрастет скорость транзитного движения и посещаемость общественного пространства. К тому же, общедоступные помещения цокольного этажа обеспечивают защиту от неблагоприятных факторов среды и размещение объектов социальной инфраструктуры.

Практика проектирования Галереи – променада с интегрированным общественным пространством в Новом Уренгое показала эффективность предложенного планировочного решения для синтетического общественного пространства в помещениях общественного здания и на прилегающих территориях [4]. Подобный подход в сложившейся застройке осложняется конфликтом интересов собственников и пользователей, и требует решения в перспективе комплексного развития территорий, основанных на концепции общего блага. Планомерная деятельность заинтересованных лиц и организаций должна приводить к изменению прав владения или обременению собственника задачами эволюции общественного пространства, исходя из общественных интересов, на взаимовыгодных условиях.

Проблема консенсуса общественного мнения не может быть решена дискуссией, она требует целенаправленных усилий специалистов в области градостроительства и архитектуры, обеспеченных научным обоснованием и административной поддержкой, направленных на выявление и популяризацию местной идентичности в литературном изложении.

Хорошая архитектурная практика формирования общественных пространств предполагает последовательную, поэтапную реализацию социального заказа, выработанного в парадигме общего блага, в форматах консенсуса общественного мнения, программы комплексного развития, мастер-плана, планировочного решения территории.

Список литературы

1. Аристов, Е. В. Понятие и концепция общественного блага // Право и современные государства. – 2015. – №5. – С.10–16. – DOI: <http://dx.doi.org/10.14420/ru.2015.5.2> сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-kontseptsiya-obschestvennogo-bлага> (дата обращения: 10.11.1025).
2. Вершинина, И. А. Концепция гуманистического планирования городов Яна Гейла. Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 2020. – т. 26. – № 1. – DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-29-45 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-gumanisticheskogo-planirovaniya-gorodov-yana-geyla> (дата обращения: 10.03.2026).
3. Демидова, Н. Что такое устойчивый город? Принципы, кейсы, проблематика. Софт Культуры. 18.03.2025. сайт. – URL: <https://softculture.cc/blog/entries/articles/resilience> (дата обращения: 10.03.2026).
4. Лейкина, Д. К., Океанов, Г.В., Мамедова, С.Р. Общественное пространство, интегрированное в многофункциональное здание // Промышленное и гражданское строительство. –2024. – №6. – С. 21–26. – DOI: 10.33622/0869-7019.06.21-26
5. Моисеев, Ю. М. градостроительная интерпретация социального заказа: Хартия общественного пространства. Архитектура и строительство России. –2015. –№10. – С. 2–11. сайт. – URL: https://asrmag.ru/new-754_Moiseev-10_2015.pdf (дата обращения: 10.03.2026).
6. Океанов, Г.В. Концепция благоприятных условий жизнедеятельности человека в архитектуре общественных зданий и пространств // Academia. Архитектура и строительство. – 2025. – № 3. – С. 43–51. – DOI: 10.22337/2077-9038-2025-3-43-51
7. Океанов, Г. В. Общее благо, как фактор архитектурного формирования общественных пространств. // Academia. Архитектура и строительство. – 2026. – № 1. – С. 43–51. – DOI: 10.22337/2077-9038-2025-3-43-51
8. Океанов, Г. В. Общественное пространство как индикатор уровня и качества жизни в российских регионах. Современное российское общество: новые вызовы, особенности трансформации и перспективы развития [Электронный ресурс] : материалы всерос. науч.-практ. конф., 28 марта 2025 г., г. Владимир / Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н.

Г. Столетовых, Гуманитар. ин-т, каф. социологии. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2025. – С. 13–22. сайт. – URL: https://socio.vlsu.ru/fileadmin/Doc/Raznoe/Konferencii/Konferencija_2025.pdf (дата обращения: 10.03.2026).

9. Оноре, К. Без суеты: Как перестать спешить и начать жить. Альпина Паблишер, 2014. – 290 с. сайт. – URL: <https://www.litres.ru/book/karl-onore/bez-suety-kak-perestat-speshit-i-nachat-zhit-8283712/chitat-onlayn/> (дата обращения: 10.03.2026).

10. Пакет программ глобального решения общественного пространства. От глобальных принципов к местной политике и практике. Программа ООН по населенным пунктам (ООН Хабитат) Найроби. – 2015. – 58 с.

11. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. 3–14 июня 1992 г. сайт. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 10.03.2026).

12. Шурупова, П., Иванов, П. История городской аналитики: 6 предпосылок современного предпроектного анализа. Софт Культура. 28.10.2025. сайт. – URL: <https://softculture.cc/blog/entries/articles/cityanalysis-history> (дата обращения: 10.03.2026).

13. Global Public Space Toolkit: From Global Principles to Local Policies and Practice. UN-Habitat. – 2024. – 150p. website. – URL: <https://unhabitat.org/global-public-space-toolkit-from-global-principles-to-local-policies-and-practice> (дата обращения: 10.03.2026).

14. The Charter of Public Space. Mastering Public Space. 18.06.2013. сайт. – URL: <https://www.masteringpublicspace.org/the-charter-of-public-space/> (дата обращения: 10.03.2026).

Okeanov Gennadii Vadimovich
PhD in architecture, chef expert
Central research and design experimental institute of industrial buildings
(TSNIIPromzdanii), Moscow
E-mail: g.okeanov@yandex.ru

**PUBLIC SPACE FORMATION BASED ON SOCIAL ORDER,
SUPPORTED BY SOCIOLOGICAL RESEARCH STATISTICAL
DATA**

Abstract. Objectified public opinion determines the functionality and attractiveness of public space in modern cities. Statistical data on the relative speed of social processes within public spaces provides the evidence base for integrated territorial development programs. A comfortable and safe public space requires a comprehensive solution with surrounding public buildings.

Key words: public space; public building; common good; social order; integrated development of territories

Пименов Владимир Игоревич
Кандидат технических наук, доцент кафедры Игровой индустрии
Российский технологический университет – РТУ МИРЭА, г. Москва
E-mail: pimenov_v@mirea.ru

**ПРОЦЕССЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РОССИИ:
ТЕМПЫ, ВЫЗОВЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ**

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления проходящей в России цифровизации. Приводятся основные цели и задачи, поставленные государственными органами власти при осуществлении цифровизации. Дается оценка той скорости, с которой она осуществляется в разных отраслях экономики и общества в целом. Подчеркиваются те особенности и вызовы, которые возникают при цифровизации и внедрении искусственного интеллекта, особенно в сфере образования. Выделяются как положительные, так и отрицательные сто-

роны цифровизации. Приводятся показатели, характеризующие цифровизацию в области осуществления государственных услуг и в сфере образования. Делаются выводы о неравномерности темпов цифровизации в российском обществе.

Ключевые слова: цифровизация; искусственный интеллект; экономика; образование, наука

В Российской Федерации ведется активная политика по цифровизации во многих отраслях экономики и государственного управления. Она основывается на Постановлениях Правительства РФ.

В целом цифровизация в России уже прошла следующие основные этапы в своем развитии:

1. Этап фрагментарных инициатив: (2000–2010);
2. Этап институционального оформления: (2010–2017);
3. Этап перехода к системному подходу и импортозамещению (2017–2022).

В 2002 г. появилась программа «Электронная Россия» (2002–2010 гг.), в 2009 г. запущен сервис gosuslugi.ru – первый массовый государственный цифровой портал.

Частный сектор экономики уже в 2000 – е годы, независимо от государства стал развивать первые площадки электронной торговли (Ozon, Yandex. Market), онлайн-банкинг, национальные цифровые системы на основе поисковиков («Яндекс», «Рамблер»), соцсетей («Вконтакте», «Одноклассники»), почтовые сервисы (Mail.ru), онлайн-библиотеки и маркетплейсы. В 2008 было создано Министерство цифрового развития, а в 2017 году правительство утвердило Программу «Цифровая экономика Российской Федерации».

Таким образом, процессы цифровизации в России идут как бы параллельно: с одной стороны, идет внедрение новых цифровых технологий со стороны частного бизнеса, а, другой, государство самостоятельно проводит собственную политику цифровизации в государственном секторе и в области управления. Кроме этого, в образовании также происходит процесс цифровизации, однако, в силу специфики этой области деятельности, процессы цифровизации и внедрения искусственного интеллекта (ИИ) имеют свои особенности и проявляются с некоторым отставанием от бизнеса и государства.

В целом можно утверждать, что цифровизация в России проходит в русле мировых тенденций развития технологий. Более того, по некоторым показателям цифровизации Россия обходит многие промышленно развитые страны.

На протяжении 2021–2024 гг. Россия является мировым лидером по темпам роста сектора электронной торговли: в 2023–2024 гг. рост составил 33% год к году. По сравнению с 6% у Японии, 5 % у южной Кореи и 4% у США [2].

За скобками данной работы остается неисследованным вопрос о том, является ли абсолютным благом сама цифровизация и внедрение элементов искусственного интеллекта (ИИ), особенно в таких чисто гуманитарных отраслях деятельности как образование, медицина, искусство. Конечно, цифровизация имеет много положительных сторон, однако явно прослеживается неравномерность ее реализации, что, вероятно, даже имеет положительный эффект вследствие имеющийся инерционности развития многих социальных и промышленных технологий.

Имеются убедительные факты о том, что параллельно успехам цифровизации растут и темпы ее негативных последствий: кибератак, взломов баз данных, киберпреступности.

По мнению аналитиков Positive Technologies, в 2026 году основное влияние на развитие экономики России будут оказывать две группы драйверов: темпы цифровизации и геополитическая обстановка. Однако новые технологии порождают и новые уязвимости, которые сложно выявить на ранних этапах внедрения, а средства защиты часто отстают. Импортозамещение усиливает риски – переход на отечественные IT-решения часто происходит в сжатые сроки без должного повышения защищенности. При этом среди объектов атак преобладают компьютеры и серверы (88%), а также физические лица (61%). Среди самых распространенных методов выделяются: использование ВПО (70%), социальная инженерия (60%) и эксплуатация уязвимостей (28%). Таким образом, получается, что наиболее уязвимыми субъектами негативных последствий цифровизации являются физические лица, а крупные корпорации, имеющие большие возможности для своей защиты, в наибольшей степени пользуются всеми благами цифровизации. Это касается и внедрения ИИ [5].

Так, по данным аналитической компании Smart Ranking, в 2024 году совокупная выручка 150 крупнейших компаний отрасли от монетизации ИИ достигла почти 1,486 трлн рублей (+25% за год), при этом 95% выручки пришлось на топ-5 компаний (Яндекс, Сбер, «Т-Технологии» («Т-Банк»), VK и «Лаборатория Касперского») [4].

В сфере образования цифровизация пока проходит не такими бурными темпами, как во всей экономике России. Это связано со спецификой самого образования, где пока не представляется экономически целесообразным переводить все формы деятельности, прежде всего сам процесс обучения в онлайн-формат. Это подтвердилось весной 2020 г., когда вынужденный перевод в дистанционный режим обучения вызвал множество негативных последствий на всех уровнях образования. На данный момент наиболее продвинулась цифровизация в системе среднего образования, особенно в г. Москве, где уже используется платформа МЭШ, которая распространяется и на уровень среднего профессионального образования. Государство также цифровизирует многие свои услуги, число их потребителей постоянно растет.

В Табл. №1 и Табл. №2 приведены основные показатели сайта «Госуслуги» [6].

Таблица 1. Рост числа зарегистрированных пользователей и числа оказываемых услуг.

Годы	2019	2020	2021	2022	2023
Учетные записи, млн.	64	76	85	100	109,7
Оказываемые услуги, тыс.	0,4	0,5	0,7	1,1	1,3

Таблица 2. Рост числа ежедневных посетителей портала «Госуслуги» и числа оказанных услуг.

Годы	2019	2020	2021	2022	2023
Ежедневная аудитория, млн чел	1,4	3,8	7,3	10,1	11
Оказанные услуги, млн	63	84	171	231	340

В табл. №3 находятся данные об основных показателях рынка онлайн – образования в России [3].

Таблица 3. Рост количества обучающихся по дистанционным программам и объема рынка образовательных технологий.

Годы/Показатели	2019	2020	2021	2022	2023
Количество обучающихся, млн чел	1,0	2,3	2,3	2,8	2,7
Объем рынка электронных образовательных технологий, млрд руб.	35	50	75	88	118

Рынок онлайн-образования России имеет пока крайне незначительную долю в общем объеме мирового рынка онлайн-обучения. Ежегодный рост онлайн-сегмента рынка образования России составил порядка 40% в среднем за период с 2016 по 2021 год. Большую часть российского рынка онлайн-образования занимают два сегмента – дополнительного профессионального образования и детского образования. Их доля составила соответственно 35% и 29%. Эти сегменты выросли в 2023 году на 27% и на 37%. Оставшаяся часть рынка пришлась на сегменты «разработчики и платформы» (доля - 13%), бизнес-образование (7%) и иностранные языки (5%) [1].

Широко внедряются новые модели организации учебной работы: например, использование личных мобильных устройств в рабочем процессе - это набирающая большую популярность модель BYOD (Bring Your Own Device). Также популярны виртуальные технологии, повышающие интерактивность учебных курсов, включающие, в частности, обучение, построенное на использовании технологий виртуальной (VR) и дополненной реальности (AR). Особенно перспективным выглядит применение симуляторов в учебном процессе, которые имитируют отдельные реальные сценарии и позволяют принимать решения, разрабатывать бизнес-стратегии и отрабатывать универсальные и профессиональные компетенции. Можно сделать вывод о том, что для многих специальностей ССПО и ВПО смешанное обучение – самая предпочтительная модель организации учебной работы, т. е. сочетание очного и онлайн-обучения.

Есть все основания полагать, что цифровизация в образовании в дальнейшем ускорится. Правительство РФ утвердило стратегические направления в области цифровой трансформации образования до 2030 года. В образовательную систему внедрят технологии искусственного

интеллекта, большие данные, облачные сервисы и т.д. На их основе создадут платформы: «Цифровой помощник ученика»; «Цифровой помощник родителя»; «Цифровой помощник учителя»; «Цифровое портфолио ученика»; «Библиотека цифрового образовательного контента».

А Минобрнауки планирует следующие проекты: «Датахаб»; «Архитектура цифровой трансформации»; «Цифровой университет»; «Единая сервисная платформа науки»; «Маркетплейс программного обеспечения и оборудования»: «Цифровое образование» и «Сервис хаб».

На основании данного исследования можно сделать обоснованный вывод о том, что процессы цифровизации в российском обществе происходят неравномерно. Для оценки скорости цифровизации предоставляются основные показатели, на основании которых видно, что впереди идет сектор госуслуг, финансовый сектор, сектор маркетплейсов и связи. В самом конце находятся сферы здравоохранения, образования. Также можно сделать вывод о том, что пока положительные последствия цифровизации преобладают над отрицательными, однако, по мере расширения процессов цифровизации, рано или поздно придется ограничивать их распространение. Иначе растущая зависимость от электронных систем связи и хранения данных может перечеркнуть все преимущества цифровизации. В сфере образования цифровизация пока не может иметь абсолютного характера.

Список литературы

1. Анализ рынка цифровых образовательных инструментов в России в 2019–2023 гг., прогноз на 2024–2028 гг. BusinesStat. Готовые обзоры рынков. сайт. URL: – https://businessstat.ru/images/demo/digital_educational_tools_russia_demo_businessstat.pdf (дата обращения: 06.04.2026 г.).

2. Национальные проекты России. Цифровизация: от комфортной жизни до обеспечения производства. Экспертный аналитический доклад, 2025. сайт. – URL: <https://национальныепроекты.рф/upload/doklad-cifra-2025/doklad-cifra-2025.pdf> (дата обращения: 04.04.2026 г.).

3. Онлайн-образование (рынок России). 20.02.2026 г. сайт. – URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Онлайн-образование_\(рынок_России\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Онлайн-образование_(рынок_России)) (дата обращения: 05.04.2026 г.).

4. Основные тренды цифровизации высшего образования. Результаты мониторинга информации о тенденциях развития высшего образования в мире и в России. ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова». Научно-исследовательский институт развития образования 2021. сайт. URL: <https://www.rea.ru/~file/76142/Выпуск+1.+Основные+тренды+цифровизации.pdf> (дата обращения: 05.04.2026 г.).

5. Тенденции и перспективы развития рынка онлайн-образования в России (аналитический обзор). 22 июля 2025. сайт. – URL: <https://habr.com/ru/articles/678080/> (дата обращения: 04.04.2026 г.).

6. Цифровизация услуг – государство для граждан. Дмитрий Чернышенко – Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации. сайт. – https://digital.gov.ru/uploaded/files/0-chernyishenko_0zg5OE2.pdf (дата обращения: 04.04.2026 г.).

Pimenov Vladimir Igorevich

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of the Gaming Industry Russian Technological University – RTU MIREA,

Moscow

E-mail: pimenov_v@mirea.ru

DIGITALIZATION PROCESSES IN RUSSIA: PACE, CHALLENGES, AND CONSEQUENCES

Abstract. The article discusses the main directions of the ongoing digitalization in Russia. The main goals and objectives set by state authorities in the implementation of digitalization are given. An assessment is given of the speed with which it is carried out in various sectors of the economy and society as a whole. The article highlights the features and challenges that arise with digitalization and the introduction of artificial intelligence, especially in the field of education. There are both positive and negative sides of digitalization. The indicators characterizing digitalization in the field of public services and in the field of education are given. Conclusions are drawn about the uneven pace of digitalization in Russian society.

Keywords: digitalization; artificial intelligence; economics; education, science

ДОКЛАДЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Аверин Кирилл Вячеславович
аспирант кафедры политических наук
Саратовский государственный университет, г. Саратов
E-mail: frogolaaaa@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ИИ-ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАКТИКИ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуется трансформация институционального доверия в условиях масштабного внедрения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в систему публичного управления Российской Федерации. Опираясь на положения неинституционального подхода, автор выявляет феномен «институционального запаздывания», при котором темпы технологического развития опережают формирование регуляторных норм. Особое внимание уделяется анализу специфических рисков: размыванию субъектности и ответственности («эффект галлюцинаций»), угрозам цифровому суверенитету вследствие использования госслужащими публичных зарубежных нейросетей, а также риску «скрытой автоматизации». Эмпирическую базу исследования составляют данные ВЦИОМ за 2024 год, позволившие зафиксировать выраженную демографическую диспропорцию в доверии к алгоритмам (70% у молодежи против 30% у старшего поколения), что интерпретируется как фактор потенциального «цифрового отчуждения» граждан. Также обосновывается необходимость перехода от декларативной этики к модели «алгоритмической подотчетности», предполагающей жесткую регламентацию деятельности органов власти и аудит применяемых ИИ-систем.

Ключевые слова: искусственный интеллект; публичное управление; институциональное доверие; неинституционализм; цифровая трансформация; скрытая автоматизация; государственная служба

Внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в систему государственного управления Российской Федерации представ-

ляет собой не только процесс технологической модернизации, но и значительный вызов для политической стабильности. В рамках неоинституционального подхода ИИ рассматривается как новый элемент системы управления, который может вступать в противоречие с существующими механизмами обеспечения легитимности и подотчетности власти. Ключевая проблема, связанная с этим, заключается в «институциональном запаздывании»: скорость развития и распространения ИИ значительно опережает возможности государства по формированию релевантных регламентов и правовых норм [1].

Трансформация институционального доверия в таких условиях усложняется рядом специфических факторов риска. Прежде всего, отмечается существенный разрыв в уровне цифровых компетенций внутри самого государственного аппарата. Ситуация, когда отдельные государственные служащие используют общедоступные нейросети для оптимизации рабочих процессов без надлежащего учета требований конфиденциальности, создает потенциальную угрозу утечки чувствительных данных на зарубежные серверы. Это, в свою очередь, может подорвать суверенитет государственных институтов [4]. Во-вторых, текущий процесс институционализации ИИ характеризуется определенным дисбалансом: если регламентация «управляемой системы», включающей граждан и бизнес, активно развивается, то «управляющая система», охватывающая процесс принятия политических решений, остается в зоне нормативной неопределенности [9].

Размывание субъектности и ответственности служит фундаментальным препятствием для формирования доверия. Феномен так называемых «галлюцинаций» ИИ в сочетании с отсутствием юридически закрепленных процедур верификации автоматизированных решений может привести к делегитимизации управленческих актов в глазах общества [2]. По данным ВЦИОМ, несмотря на общий рост осведомленности об ИИ (85% россиян), в обществе сохраняется устойчивый скептицизм относительно передачи властных полномочий алгоритмам. При этом готовность к адаптации остается высокой – 55% граждан выражают желание обучаться работе с ИИ, что может свидетельствовать о попытке рационального приспособления к изменяющимся «правилам игры» [3].

Важно дополнить, что выявленный институциональный разрыв носит не только функциональный, но и заметный демографический характер. Согласно результатам анализа поколенческих установок, в то время как до 70% представителей молодежи выражают готовность доверять алгоритмическим решениям, среди лиц старшего возраста этот показатель не превышает 30%. Подобная диспропорция создает риск "цифрового отчуждения" значительной части граждан от государства, превращая технологии ИИ в дополнительный барьер для коммуникации между властью и обществом.

Целью данной работы является анализ того, как формальные стратегии развития ИИ и этические кодексы соотносятся с реальными управленческими практиками и общественными ожиданиями, способствуя формированию новой, гибридной модели институционального доверия.

В контексте текущего этапа развития интеграция искусственного интеллекта в российскую государственную систему демонстрирует динамику, при которой нормативно-правовая база отстает от темпов технологического развития. С позиций неинституционального анализа, это формирует ряд существенных аномалий в системе государственного управления.

Современные стратегические документы, такие как Национальная стратегия развития ИИ до 2030 года, преимущественно фокусируются на цифровизации так называемой «управляемой системы», что проявляется в развитии сервисов для граждан и предпринимательского сектора. Тем не менее, «управляющая система», охватывающая аппарат государственных служащих и процессы принятия политических решений, остается институционально недостаточно оформленной [7].

Отсутствие четких регламентов по применению ИИ в деятельности органов власти приводит к фрагментации процесса внедрения технологий. В то время как некоторые должностные лица игнорируют потенциал ИИ, другие используют его в качестве «черного ящика» для подготовки аналитических материалов, при этом не располагая методологией для верификации полученных результатов.

Особую угрозу для институционального доверия представляет неравномерность уровня цифровых компетенций среди государственных служащих. Потенциальны случаи, когда сотрудники, стремясь оп-

тимизировать личную производительность, загружают рабочие данные, в том числе конфиденциальные, в общедоступные облачные нейросети.

Учитывая, что серверные мощности большинства распространенных ИИ-моделей расположены за пределами Российской Федерации, возникает ситуация так называемой «невидимой утечки» данных, которые могут оказаться в распоряжении недружественных государств [4]. Это непосредственно подрывает принципы национальной безопасности, изложенные в соответствующей Национальной стратегии, и снижает уровень доверия к государству как к надежному хранителю информации.

Фундаментальная проблема институционализации ИИ заключается в размывании субъекта ответственности. Нейросети могут демонстрировать «галлюцинации», то есть генерировать ложные, но правдоподобные данные. В обстоятельствах, когда решение принимается на основе алгоритма, возникает вопрос о том, кто несет ответственность в случае ошибки.

Если должностное лицо полагалось на ИИ без верификации результатов, то это может быть квалифицировано как управленческая халатность.

Если нормативные предписания не обязывали проверять результаты работы ИИ, это свидетельствует об институциональной недоработке.

В данном контексте особую опасность представляет игнорирование этических стандартов прозрачности. Несоблюдение принципа информирования граждан о взаимодействии с ИИ в публичном управлении ведет к феномену "скрытой автоматизации". По мнению Д. А. Репина, именно латентное, непрозрачное использование алгоритмов при подготовке государственных актов и ответов на обращения граждан выступает ключевым триггером недоверия, подрывая веру в рациональность государственных институтов [8].

Для граждан подобная неопределенность служит источником недоверия: система становится непрозрачной и лишенной «человеческого лица» ответственности [10].

Разработка суверенного искусственного интеллекта для решения политических задач требует обучения на специфических данных госу-

дарственного управления. Однако значительная часть таких данных засекречена. Попытка деблокировать эти массивы для обучения нейросетей многократно повышает риск масштабных утечек информации. Таким образом, государство оказывается в «институциональной ловушке»: для повышения эффективности необходим ИИ, обученный на секретных данных, но сам процесс обучения делает эти секреты уязвимыми.

Исследование трансформации доверия в российском обществе требует комплексного подхода, включающего сопоставление официально декларируемых государственных программ и эмпирических данных о реальных общественных настроениях, полученных в ходе социологических опросов.

В частности, Национальная стратегия развития искусственного интеллекта (редакция 2024 года) определяет формирование «доверенной инфраструктуры» и обеспечение «человекоцентричности» в качестве фундаментальных условий для достижения лидерства Российской Федерации в данной области [7]. Тем не менее, результаты исследований ВЦИОМ, проведенных в ноябре 2024 года, свидетельствуют о выраженной избирательности в институциональном доверии российских граждан.

Анализ демонстрирует наличие так называемого «сервисного доверия»: высокая степень принятия искусственного интеллекта отмечается в тех областях, где его алгоритмы функционируют предсказуемо и прозрачно. Примерами могут служить медицинская диагностика, системы навигации или бытовые роботы. В этих контекстах ИИ воспринимается преимущественно как инструмент, способный эффективно ассистировать специалистам, будь то медицинский работник или государственный служащий.

Противоположная тенденция – «институциональный скепсис» – наблюдается в сферах, где предполагается осуществление властных полномочий или принятие решений, имеющих существенные последствия для индивида. К таким областям относятся правосудие, управление человеческими ресурсами и педагогическая деятельность [3]. Данные результаты поддерживают гипотезу о неготовности общества полностью делегировать институциональную ответственность непрозрачным алгоритмическим системам.

Эмпирические наблюдения подтверждают высказанные ранее опасения относительно потенциального «размывания ответственности». Значительная доля респондентов, составляющая от 40% до 50%, указывает на невозможность привлечения искусственного интеллекта к ответственности в случае возникновения ошибки как на ключевое препятствие. С позиции неинституционального подхода, данная ситуация может быть интерпретирована как классический случай ловушки легитимности. Когда индивид сталкивается с неопределенностью относительно субъекта ответственности за некорректное функционирование системы – это может привести к трансляции недоверия на институты власти в целом [2].

Исследование динамики институционального доверия в контексте интеграции искусственного интеллекта в систему государственного управления Российской Федерации выявило ряд заключений, обладающих как теоретической, так и практической значимостью:

1. Наблюдаемая асимметрия институциональных процессов. Внедрение технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации на современном этапе характеризуется выраженным дисбалансом. В то время как цифровизация государственных услуг, предназначенных для граждан (условно именуемых "управляемой системой"), активно развивается, механизмы принятия решений внутри государственного аппарата (обозначаемые как "управляющая система") остаются в условиях нормативной неопределенности. Подобная ситуация порождает угрозу нерегулируемого применения технологий, где отсутствие систематизированных регламентов зачастую замещается индивидуальной инициативой государственных служащих. Это, с позиций неинституционального анализа, способствует ослаблению устойчивости государственных институтов [9].

2. Проблема ответственности и феномен "галлюцинаций" в работе ИИ. Ключевым препятствием для формирования общественного доверия выступает отсутствие ясности в определении субъекта ответственности. Естественная склонность систем искусственного интеллекта к генерации некорректных данных (так называемых "галлюцинаций") при отсутствии законодательно установленных процедур для верификации принимаемых решений приводит к снижению прозрачности всей системы. Данное наблюдение коррелирует с результатами

опросов ВЦИОМ, демонстрирующими повышенный уровень общественного скептицизма в тех областях, где предусматривается делегирование властных полномочий искусственному интеллекту, прежде всего, в сфере государственного управления [3].

3. Потенциальная угроза "цифровому суверенитету". Обнаруженный риск, связанный с использованием государственными служащими общедоступных зарубежных нейросетей для обработки конфиденциальной служебной информации, расценивается как латентная угроза национальной безопасности. В условиях институционального отставания в разработке соответствующих регламентов, данный процесс приобретает практически нерегулируемый характер, что прямо расходится с фундаментальными принципами Национальной стратегии развития искусственного интеллекта, декларирующей создание надежной и безопасной отечественной инфраструктуры [7].

Для нивелирования обозначенного "институционального разрыва" и содействия укреплению доверия, предлагается принять следующие меры:

Осуществить переход от исключительно декларативного применения Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта к внедрению строго регулирующих должностных регламентов для государственных служащих, которые бы исключали возможность передачи данных в несертифицированные системы [6].

Разработать и внедрить систему обязательного аудита алгоритмов, применяемых в сфере государственного управления, с целью предотвращения "алгоритмической предвзятости" и существенного снижения негативных последствий, обусловленных ошибками искусственного интеллекта.

Ответить на выраженную потребность граждан в образовании (согласно данным ВЦИОМ, 55%), предусматривая интеграцию курсов по цифровой гигиене и основам функционирования систем искусственного интеллекта в существующие образовательные стандарты и программы повышения квалификации для лиц, принимающих решения [5].

Следовательно, трансформация институционального доверия представляется осуществимой исключительно при переходе от парадигмы "технологического доминирования" к концепции "алгоритмической подотчетности". В рамках этой модели искусственный интеллект

призван функционировать не как средство замещения человеческой ответственности, но как эффективный инструмент для повышения прозрачности и общей эффективности деятельности государственных институтов.

Список литературы

1. Белый, В. А., Чугунов, А. В. Внедрение искусственного интеллекта в электронные государственные сервисы: анализ и перспективы развития // Информационные ресурсы России. – 2024. – № 2. – С. 24–38.

2. Буньков, А. В., Репин, Д. А., Щеголев П. Е. Правовые проблемы внедрения ИИ-технологий в систему государственного управления и администрирования: российский и международный опыт // Право в жизни государства и личности. – 2025. – № 3. – С. 386–396.

3. Динамика отношения россиян к ИИ: аналитический обзор ВЦИОМ. – 2024. 24 ноября. сайт. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dinamika-otnoshenija-rossijan-k-ii> (дата обращения: 10.04.2026).

4. Изотова, М. Е., Озеранская, С. С., Борисова, Е. С. Методы интеллектуального анализа данных и предсказательного моделирования в задачах управленческого обеспечения национальной безопасности // Цифровая экономика. – 2026. – № 3. – С. 382–398.

5. Киселев, А. С. Специфика, проблемы, риски и перспективы правового регулирования общественных отношений в сфере образования в условиях внедрения искусственного интеллекта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2026. – Вып. 1(71). – С. 26–55.

6. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта // Альянс в сфере ИИ. сайт. – URL: <https://a-ai.ru/code-of-ethics/> (дата обращения: 10.04.2026).

7. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (обновленная редакция 2024 года) // Альянс в сфере ИИ. – сайт. – URL: https://a-ai.ru/wp-content/uploads/2024/03/Национальная_стратегия_развития_ИИ_2024.pdf (дата обращения: 10.04.2026).

8. Репин, Д. А. Технологии искусственного интеллекта как фактор совершенствования государственного управления: вызовы и угрозы // Экономика и управление. – 2025. – № 2. – С. 139–148.

9. Тюрина, Ю. А. ИИ-технологии в государственном управлении: институциональные аспекты и риски применения // Управленческое консультирование. – 2024. – № 11. – С. 13–23.

10. Totonchi A. Artificial Intelligence in E-Government: Identifying and Addressing Key Challenges [Электронный ресурс] // ResearchGate. – 2025. сайт – URL: https://www.researchgate.net/publication/387822992_Artificial_Intelligence_in_E-Government_Identifying_and_Addressing_Key_Challenges (дата обращения: 10.04.2026).

Averin Kirill Vyacheslavovich

PhD Student of the Department of Political Science

Saratov State University, Saratov

E-mail: frogolaaaa@gmail.com

TRANSFORMATION OF INSTITUTIONAL TRUST AMID THE IMPLEMENTATION OF AI TECHNOLOGIES IN PUBLIC GOVERNANCE PRACTICES

Abstract. The article examines the transformation of institutional trust in the context of the large-scale integration of artificial intelligence (AI) technologies into the public governance system of the Russian Federation. Drawing on the tenets of the neo-institutional approach, the author identifies the phenomenon of "institutional lag," where the pace of technological development outstrips the formation of regulatory norms. Particular attention is paid to the analysis of specific risks: the blurring of agency and responsibility ("hallucination effect"), threats to digital sovereignty resulting from the use of public foreign neural networks by civil servants, and the risk of "hidden automation." The empirical basis of the study is comprised of VCIOM data for 2024, which allowed for the recording of a pronounced demographic disproportion in trust toward algorithms (70% among youth versus 30% among the older generation); this is interpreted as a factor of potential "digital alienation" of citizens. Furthermore, the study substantiates

the necessity of transitioning from declarative ethics to an "algorithmic accountability" model, which implies strict regulation of government bodies' activities and the auditing of applied AI systems.

Keywords: artificial intelligence; public governance; institutional trust; neo-institutionalism; digital transformation; hidden automation; civil service

*Ананин Павел Валерьевич
старший преподаватель кафедры
социальной работы и молодежной политики
Вятский государственный университет, г. Киров
E-mail: usr11974@vyatsu.ru*

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И ГРУППОВОГО УРОВНЕЙ АГЕНТНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье анализируется взаимосвязь индивидуального и группового уровней агентности молодежи. Автор показывает, что групповой уровень не является автономным феноменом, а представляет собой структурно усиленную форму индивидуальной агентности. Рассмотрены механизмы усиления: накопление социального капитала, коллективная рефлексия и распределение ролей в группе. Обоснована необходимость различать агентность как свойство индивида и как событие социального преобразования – это позволяет избежать методологических ошибок в исследованиях.

Ключевые слова: агентность молодежи; социальный капитал; коллективная рефлексия; групповой уровень; индивидуальный уровень

Современные исследования молодежной агентности сталкиваются с необходимостью различения двух взаимосвязанных, но не тождественных уровней ее реализации – индивидуального и группового [1]. В то время как в обыденном сознании и части научных дискурсов коллективные формы активности нередко рассматриваются как самодостаточный феномен, теоретический анализ показывает, что групповой уровень агентности представляет собой не качественно иную реальность, а структурно усиленную форму проявления индивидуальной

способности к инициативному, рефлексивному и преобразующему действию. Данное различие имеет принципиальное значение для эмпирического изучения агентности молодежи, поскольку позволяет избежать методологической ошибки – опредмечивания групповой агентности как автономного субъекта, существующего вне и помимо действующих индивидов.

Индивидуальный уровень агентности отражает способность отдельного молодого человека к осознанному, инициативному и ценностно-направленному действию. Именно на индивидуальном уровне формируются исходные предпосылки агентности, без которых коллективное действие невозможно. Как справедливо отмечалось в рамках теорий социальной активности [3; 5], активность личности не сводится к внешним формам вовлеченности, но предполагает внутреннюю готовность, «настроенность» на преобразующее действие. Эволюция понятия социальной активности в советской социологии убедительно демонстрирует, что институциональное давление и идеологические установки могут блокировать подлинную субъектность, сводя активность к формальному, дисциплинированному исполнению предписанных ролей [4].

Групповой (коллективный) уровень агентности возникает в тех случаях, когда индивидуальные агентные способности реализуются в условиях устойчивого социального взаимодействия. Принципиально важно подчеркнуть: этот уровень не представляет собой самостоятельного, автономного феномена, а выступает частным и усиленным случаем индивидуальной агентности. Усиление происходит за счет ряда факторов.

Первым и, возможно, главным механизмом усиления выступает накопление социального капитала. Как показано в работах Р. Патнэма (Putnam), участие в ассоциациях и сетях взаимодействия генерирует доверие, общие нормы и взаимные обязательства, которые впоследствии могут быть мобилизованы для достижения коллективных целей. Патнэм определяет социальный капитал как «нормы и общественные отношения, встроенные в социальные структуры общества, которые дают возможность людям координировать действия для достижения желаемых целей» [7]. Для молодежной агентности особое значение имеет различие склеивающего (bonding) и связующего (bridging) со-

циального капитала. Если первый укрепляет внутреннюю солидарность группы, то второй обеспечивает выход на внешние ресурсы и коалиции. Способность молодежи выстраивать «мосты» с другими социальными акторами (органами власти, бизнесом, некоммерческими организациями) является индикатором зрелой агентности, ориентированной на социальные преобразования, а не только на групповую автономию [4].

Вторым механизмом структурного усиления выступает коллективная рефлексия. В отличие от индивидуального рефлексивного процесса, коллективное обсуждение позволяет участникам соотносить индивидуальные интерпретации ситуации, выработать общие рамки понимания и формировать солидарность как основу согласованного действия. Этот процесс был глубоко проанализирован в рамках критико-эмансипаторной парадигмы социального участия, где подлинное участие понималось как диалогический процесс, в ходе которого сами люди определяют цели и средства вмешательства в собственное развитие. Ш. Арнштейн (Arnstein) в своей знаменитой «Лестнице гражданского участия» определила истинное участие только как такое, которое предоставляет гражданам реальные полномочия – от партнерства до полного гражданского контроля, разграничив ритуальные, «символические» формы вовлечения и подлинную способность влиять на решения [6].

Третий механизм связан с распределением ролей и функций внутри группы. Коллективное взаимодействие позволяет снизить индивидуальные издержки участия за счет специализации и кооперации. Как отмечается в теории ресурсной мобилизации [2], успешное коллективное действие требует не только внутренней мотивации, но и навыков стратегической организации, управления ресурсами и создания устойчивых институциональных форм. Групповая агентность в этом контексте предстает как осознанная, планируемая и институционально опосредованная деятельность.

Анализ взаимосвязи индивидуального и группового уровней агентности позволяет сделать ряд теоретических выводов. Групповой уровень невозможен без индивидуального: отсутствие у членов группы рефлексивных и мотивационно-ценностных оснований агентности делает коллективное действие либо невозможным, либо формальным, имитационным. В то же время групповой уровень способен усиливать

индивидуальную агентность, предоставляя доступ к ресурсам, обеспечивая социальную поддержку и снижая риски. Однако групповая динамика может и подавлять индивидуальную агентность – через давление конформности, воспроизводство внутренних иерархий или подмену подлинных целей групповой лояльностью. Именно поэтому в исследовательской практике необходимо различать агентность (а точнее субъектность) как свойство индивида (внутреннюю способность к инициативному, рефлексивному действию) и агентность как событие социального преобразования (реализацию этой способности в конкретных практиках, в том числе коллективных).

Важным следствием этого анализа становится понимание того, что агентность молодежи не может быть сведена ни к индивидуальной субъектности как таковой (которая может оставаться нереализованной), ни к коллективному действию (которое может быть результатом манипуляции или внешнего принуждения). Она представляет собой процессуальную, деятельностную и структурно ориентированную способность, возникающую в результате взаимодействия субъективных оснований и внешних условий. Групповая агентность – это не автономный феномен, а особая форма реализации индивидуальной агентности, возникающая при наличии определенных структурных условий (социальный капитал, коллективная рефлексия, институциональная поддержка) и обладающая потенциалом обратного усиления индивидуальной способности к преобразующему действию. Такой подход позволяет избежать как методологического индивидуализма, игнорирующего социальный контекст, так и холизма, наделяющего группы самостоятельной субъектностью вне составляющих их индивидов. В конечном счете именно баланс между индивидуальной инициативой и коллективной координацией, между внутренней рефлексией и внешней институциональной респонсивностью определяет реальный преобразующий потенциал молодежи в современном обществе.

Список литературы

1. Ананин, П. В. Концептуализация понятия «агентность»: перспективы феноменологического подхода / П. В. Ананин // Социология новой современности: проблемы, теория, методы: Материалы Всерос-

сийской научной конференции XIX Ковалевские чтения, Санкт-Петербург, 13–15 ноября 2025 года. – Иваново – Санкт-Петербург: ООО "ПресСто", 2026. – С. 24–27.

2. Здравомыслова, Е. П. Парадигмы западной социологии общественных движений. – СПб.: Наука, 1993. – 172 с.

3. Мордкович, В. Г. Социальная активность: некоторые методические проблемы фиксации и измерения. — М.: Яникс, 2003. – 158 с.

4. Скалабан, И. А. Общественное участие: теория и практика социального конструирования: монография. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017. – 407 с.

5. Якуба, Е. А. Методологические и методические проблемы социологических исследований социальной активности личности. — Харьков: Основа, 1991. – 65 с.

6. Arnstein, S. R. A ladder of citizen participation // Journal of the American Planning Association. – 1969. – Vol. 35, № 4. – P. 216–224.

7. Putnam, R. D. Making democracy work: civic traditions in modern Italy. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.

Ananin Pavel Valerevich

Lecturer at the Department of Social Work and Youth Policy

Vyatka State University, Kirov

E-mail: usr11974@vyatsu.ru

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN INDIVIDUAL AND GROUP LEVELS OF YOUTH AGENCY

Abstract. The article analyses the relationship between individual and group levels of youth agency. The author demonstrates that the group level is not an autonomous phenomenon but rather a structurally enhanced form of individual agency. The mechanisms of enhancement are examined: accumulation of social capital, collective reflection, and role distribution within the group. The necessity of distinguishing between agencies as an individual trait and as an event of social transformation is substantiated – this approach helps avoid methodological errors in research.

Keywords: youth agency; social capital; collective reflection; individual level; group level

Афанасьева Ольга Александровна
студентка направления подготовки Реклама и связи с общественностью

«Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород

E-mail: afanaseva_2004@mail.ru

Семченко Ирина Владимировна

к.с.н., доцент кафедры социологии и организации работ с молодежью «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород

E-mail: Semchenko@bsuedu.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В данной статье исследуется влияние социальных сетей на общественное мнение в современном российском обществе. На основании анализа научной литературы выявляется специфика социальных сетей как площадок для распространения информации и различных общественных дискуссий. Важное внимание уделяется феномену «эхо-камер» и проверке достоверности в информационном пространстве. Анализируются результаты работ современных социологов, посвященных роли социальных сетей в формировании общественного восприятия социальных проблем. Делается вывод, что социальные медиа расширяют возможности для коммуникации людей, но в то же время могут манипулировать общественным сознанием населения.

Ключевые слова: общественное мнение; манипуляция; медиа; социальные сети; информация; «эхо-камера»

В современном мире социальные сети стали неотъемлемой частью повседневной коммуникацией любого человека. Это перестраивает традиционные способы формирования общественного мнения. Старший научный сотрудник лаборатории психологии речи и психолингвистики Зачесова И. А. говорит: «В современном обществе сетевому дискурсу, охватывающему миллионы пользователей, принадлежит кардинальная роль в осмыслении острых вопросов и формировании образа реальности в индивидуальном и социальном сознании» [5].

В Рунете наблюдается стабильная тенденция к увеличению роста вовлеченности граждан в социально-медийную коммуникацию. Согласно исследованиям, социальные сети посещает каждый второй пользователь интернета в России. Аудитория ведущих платформ постепенно догоняет по своей численности аудиторию крупных интернет-порталов [3].

Актуальность темы исследования обусловлена тем фактом, что социальные медиа сейчас не просто площадка для общения, но и ключевой канал получения самой разной информации. Как отмечает И. В. Третьякова, общественно-политический контент пользуется широкой популярностью в информационном поле Рунета и востребован в не меньшей степени, чем развлекательные материалы; при этом разнообразные интернет-ресурсы, включая мессенджеры и социальные сети, играют сегодня, по меньшей мере ту же роль, что и телевидение, в рамках формирования общественно-политической повестки [9].

Для изучения влияния социальных медиа в формировании общественного мнения необходимо опираться на ряд теоретических подходов. В современной науке сформировалось несколько направлений. Структурный анализ изучает роль социальных сетей в системе различных общественных институтов. Коммуникативистика сосредоточена на каналах передачи информации, а социально-психологический подход анализирует то, как механизмы восприятия информации влияют на населения.

Сетевой подход М. Кастельса позволяет анализировать онлайн-сообщества «как часть морфологии современного общества, становящуюся агентом социальных и политических изменений» [4]. Сетевое общество порождает сетевые принципы коммуникации: горизонтальные связи между пользователями вытесняют традиционные вертикальные каналы передачи информации.

В российской социологической традиции изучили этот вопрос исследователи Н. А. Рябченко, И. В. Мирошниченко и А. А. Гнедаш. Они определили, что общественная повестка определяется не объективными социальными условиями, а коллективным самоопределением сетевых сообществ. В рамках этого подхода определенные социальные субъекты выносят собственные утверждения и пытаются сдержать их в публичном пространстве [8]. Таким образом, можно заключить, что

социальные сети – уже не просто средство распространения мнений, а их активный создатель.

Теоретический интерес представляет изучение того, как намерения пользователей формируют смысловое поле социальных медиа. И. А. Зачесова на основе анализа комментариев в социальной сети «ВКонтакте» показывает, что различия в интенциональном пространстве дискурса проявляются в соотношении объектов обсуждения, которые выходят на передний план, и преобладают среди реакций на них нейтральных, либо негативно окрашенных коммуникативных намерений [5]. Именно это и позволяет нам глубже понять психологические механизмы формирования общественных настроений и цифровой среде.

Российская часть социальных медиа имеет ряд особенностей, которые влияют на процессы формирования общественного мнения. Возьмем, к примеру, исследование А. Ю. Домбровской. Она выяснила, что: «онлайн-сообщества становятся пространством, где формируются маркеры отношения российских пользователей к социальным и политическим процессам, а также индикаторы вовлеченности граждан в реализацию социальных инициатив». Было исследовано, насколько плотно разные группы взаимодействуют друг с другом и то, что их аудитория значительно пересекается. Это говорит нам о том, что действительно существуют устойчивые коммуникативные каналы, через которые распространяются не только новости, но и различные идеи, взгляды, мнения [4].

Еще один важный момент – так называемые «эхо-камеры». Особое значение этот феномен имеет в российском сегменте социальных сетей, потому что алгоритмы рекомендательных систем настроены на удержание пользователя за счет показа информации по его предпочтениям. Это такая среда, в которой пользователи встречаются преимущественно с контентом, совпадающим с его различными взглядами, эмоциями и убеждениями. Здесь альтернативные точки зрения не особо приветствуются, они игнорируются или полностью отсутствуют. В конечном итоге создается ощущение, что «все думают так же, как и я», а какие-то другие мнения глупы или неприемлемы. В российских условиях это приводит к формированию отдельных сообществ, где диалог между различными взглядами полностью отсутствует. Это усиливает раскол в общественном мнении, с одной стороны единомышленники

сильнее сплачиваются, а с другой – альтернативные взгляды остаются за бортом [4].

Любопытен еще один факт, в нашем информационном пространстве занимают определенную нишу и зарубежные платформы. Такая ситуация дает зарубежным владельцам серьезные рычаги влияния на формирование определенных взглядов населения [9]. С другой стороны, нельзя не отметить, что в последние годы наблюдается активное развитие отечественных платформ, что также влияет на специфику становления общественного мнения. Вне зависимости от того, о какой платформе идет речь, социальные сети стали полноценной площадкой, где люди обсуждают насущные проблемы и проявляют свою гражданскую позицию. Важно добавить, что механизм формирования мнения тут часто строится вокруг блогеров и публичных деятелей, они выступают в роли «агентов влияния», формируя отношение аудитории к тем или иным событиям. Изучая практики активных сообществ, можно сделать вывод, что интерес участников бывает либо долгосрочным и устойчивым, либо ситуативным и привязанным к конкретным событиям. Это нам показывает не только ценностные ориентиры людей, но и то, как они ведут себя в публичном пространстве [8].

Нельзя игнорировать и тот факт, что социальные сети несут в себе риски для качества общественного мнения. В мире действует очень высокая скорость распространения информации, а проверяют ее слабо, это открывает дорогу фейкам и дезинформации. Ключевым фактором тут является анонимность и наличие организованных групп, которые специально распространяют определенные повестки, имитируя общественный запрос или создавая иллюзию массовой поддержки того или иного мнения. Анализ информационных потоков в медиаполе показывает, что оппозиционные группы активно пользуются Рунетом для продвижения своих идей, причем их сообщества обычно плотнее связаны, чем благонадежные сообщества [1].

Самая большая проблема выражается в кибератаках, которые приводят к большому количеству дезинформации населения. В таком случае социальные сети становятся инструментом, способным влиять на массовое сознание и дестабилизировать спокойствие и стабильность [4].

Надо учитывать, что нельзя игнорировать и позитивную силу медиа как инструмента общественного контроля. Различные сетевые сообщества могут обнаружить социальные проблемы, сфокусировать на них внимание и грамотно объединить силы для их решения. Анализ общественной повестки дня позволяет преодолеть ограничения исследования процессов и эффектов сетевой коммуникации и выявить как на деле взаимодействуют общество и власть.

Итак, проведенный анализ позволяет нам сделать вывод о том, что социальные сети имеют две стороны медали. С одной стороны, они открывают нам большие возможности для гражданской активности. У человека нет преград в обсуждении важных вопросов, коммуникация становится прямой, люди общаются друг с другом, с общественными организациями и даже с представителями власти без посредников. Реагировать на различные происшествия, локальные проблемы или нарушения можно практически мгновенно, что позволяет организованнее совершать многие процессы в мире и оперативнее решать различные проблемы. При этом повестка дня формируется не только через средства массовой информации, но и благодаря усилиям обычных пользователей, которые разными способами продвигают те или иные темы, это в свою очередь, укрепляет чувство гражданской принадлежности.

С другой стороны, существуют и риски. Алгоритмы, подбирающие контент для каждого пользователя, нередко создает эффект «эхо-камеры»: человек видит преимущественно только то, что соответствует его взглядам, а другие какие-то мнения не попадают в его инфополе. Преобладание зарубежных платформ может означать, что какие-то механизмы онлайн-коммуникации находятся вне национального контроля. Это может ограничить регулирование защиты данных.

Развитие искусственного интеллекта и других систем будет усиливать эти тенденции, поэтому задачей студенческого сообщества является продолжение мониторинга процессов формирования общественного мнения в социальных медиа и предложение пути минимизации рисков при сохранении потенциала цифровой коммуникации.

Список литературы

1. Белугина, Н. Б. Информационные потоки радикалов в Рунете накануне и после ЕДГ-2021: контексты, таргетные группы и масштаб

общественной поддержки / Н. Б. Белугина, Л. В. Рязанова // Власть. – 2022. – Т. 30. – № 1. – С. 17–24.

2. Бродовская, Е. В. Состояние и динамика русскоязычных потоков о межнациональных и межрелигиозных отношениях в Крыму и Севастополе: киберметрия и дискурс-анализ сообщений социальных медиа Рунета / Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Д. Н. Карзубов, А. В. Чередник // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2018. – № 8 (4). – С. 23–35.

3. Волков, Д. Все ушли в народ / Д. Волков // Социальные сети: новые технологии управления миром. – 2010. – С. 5–8.

4. Домбровская, А. Ю. Социально-медийная инфраструктура гражданского участия россиян: анализ графов пересечения аудитории сообществ социально-политической направленности в Рунете / А. Ю. Домбровская, Р. В. Парма, А. А. Азаров // Вестник Института социологии. – 2021. – Т. 12. – № 2. – С. 158–174.

5. Зачесова, И. А. Специфика интенционального пространства дискурса социальных медиа на площадках Рунета / И. А. Зачесова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2024. – № 11. – С. 64–67.

6. Никовская, Л. И. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития / Л. И. Никовская, И. А. Скалабан // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 6. – С. 43–60.

7. Пырма, Р. В. Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие / Р. В. Пырма // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2019. – Т. 9. – № 4. – С. 63–69.

8. Рябченко, Н. А. От «квазикритики власти» к дискурсу «соучастия и развития»: общественная повестка дня в социальных сетях Рунета (практики сетевых сообществ) / Н. А. Рябченко, И. В. Мирошниченко, А. А. Гнедаш // Южно-российский журнал социальных наук. – 2020. – Т. 21. – № 3. – С. 20–36.

9. Третьякова, И. В. Роль политического контента в рамках коммуникации в Рунете / И. В. Третьякова // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2021. – Т. 10. – № 4А. – С. 67–74.

10. Jiaxing, H. Expression and Evolution of Public Opinion in Social Network VKontakte During COVID-19 Pandemic / H. Jiaxing, C. Yixin, V. D. Takazov // Научный диалог. – 2024. – Т. 13. – № 6. – С. 209–228.

Afanaseva Olga Alexandrovna
Student, field of study Advertising and Public Relations
Belgorod State National Research University, Belgorod

E-mail: afanaseva_2004@mail.ru

Semchenko Irina Vladimirovna
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology and Youth Work Organisation

SOCIAL NETWORKS AS A TOOL FOR SHAPING PUBLIC OPINION: A THEORETICAL PERSPECTIVE

Abstract. This article examines the influence of social media on public opinion in modern Russian society. Based on the analysis, the specifics of social networks as platforms for the dissemination of information and various public discussions are revealed. Important attention is paid to the phenomenon of "echo chambers" and the verification of authenticity in the information space. The article analyzes the results of the work of modern sociologists devoted to the role of social networks in shaping public perception of social problems. It is concluded that social media expand the opportunities for people to communicate, but at the same time they can manipulate the public consciousness of the population.

Keywords: public opinion; manipulation; media; social networks; information; echo chamber

Баркар Елизавета Олеговна
студентка кафедры социологии
Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail: barkar_liza@mail.ru

Баранова Лариса Михайловна
кандидат философских наук, доцент кафедры социологии
Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail: baranovalm@yandex.ru

ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬ КАК ФОРМА ДЕВИАЦИИ У МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье рассматривается девиантное поведение как отклонение от социальных норм и ожиданий общества. Особое внимание уделяется интернет-зависимости как современной форме девиации среди молодежи. Чрезмерное погружение в виртуальное пространство может приводить к изменению поведения людей и снижению значимости реальных взаимодействий для них.

Ключевые слова: девиантное поведение; интернет-зависимость; молодежь; цифровая среда; виртуальное пространство

Каждое общество формирует свою систему норм и ожиданий, которые регулируют поведение индивидов. Данные нормы достаточно устойчивы, но они не могут быть абсолютно значимыми для всех социальных групп. Именно в этом разрыве между нормативными требованиями, предъявляемыми обществом, и реальными условиями жизни людей закладываются предпосылки девиации.

Под девиантным поведением понимается отклонение от социальных норм и ожиданий, закрепленных в конкретном обществе и его культуре. Оно формируется потому, что поведение и деятельность человека не соответствуют принятым нормам, а это может вызвать негативную оценку окружающих. Девиации являются неотъемлемым элементом социальной динамики и отражают процессы изменения норм и

ценностей в обществе, а также способствуют преодолению стереотипов [4]. Они имеют не только отрицательный характер, но и положительный.

В социологических концепциях девиантное поведение понимается как отклоняющееся от общепринятых и устоявшихся в обществе норм. Классические теории девиации представлены в работах Э. Дюркгейма, Р. Мертона, Г. Тарда. Так, Э. Дюркгейм считал, что девиация это нормальное и неизбежное явление общественной жизни, связанное с понятием аномии. Аномию он трактует как состояние запутанности и дезориентации во время каких-либо перемен и кризисов [2]. Р. Мертон связывал девиантное поведение с несоответствием между культурно одобряемыми целями и социально допустимыми средствами их достижения [5]. Г. Тард в своей концепции основывался на теории подражания. Он считал, что в человеческом поведении значимую роль играет повторение. Индивиды, по его мнению, копируют модели девиантного поведения.

Девиантное поведение существует в каждом обществе, но его проявления и формы зависят от конкретных исторических условий. В разных социумах одно и то же поведение может вызывать или не вызывать осуждение, считаться отклоняющимся или обычным.

В современных модернизирующихся обществах идет процесс трансформации традиционного представления о девиациях, чему способствует глобальное распространение информационных технологий и развитие цифровых методик [1]. Интернет перестает быть исключительно технологическим инструментом, он превращается в самостоятельное социальное пространство. Наряду с неоспоримыми преимуществами развития информационной среды, уже давно проявляются случаи чрезмерного увлечения интернетом, что может породить зависимость от него.

Наибольшему риску попадания в эту зависимость подвержена молодежь. Период становления идентичности, неопределенность социального статуса и зависимость от внешних оценок делают молодых людей особенно восприимчивыми к существующим в обществе и вокруг них девиациям.

В большинстве случаев зависимостью от интернета страдают молодые люди, которые имеют психологические проблемы, такие как

низкую самооценку, проблемы в семье, замкнутость, а также социальные проблемы, например, недопонимание в общении со сверстниками или травлю в повседневной жизни. Уход в виртуальную реальность помогает молодежи удовлетворить свои потребности, найти себе друзей и просто занять время, чтобы не думать о каких-либо проблемах [3].

Интернет-зависимость представляет собой устойчивую направленность личности на виртуальное пространство, ввиду чего реальные или «живые» взаимодействия снижают свою привлекательность и значимость. Но в отличие от девиаций, которые имеют традиционные формы, данный «современный» вид не всегда в условиях цифровой среды может восприниматься как отклонение. Это связано прежде всего с тем, что использование интернета является социально одобряемой практикой, поскольку современные реалии невозможно представить без гаджетов.

Интернет-зависимость не является однородным явлением, она проявляется в различных формах. Цифровые сервисы очень разнообразны, и это способствует формированию специфических типов зависимости. Одна из самых распространенных форм это зависимость от социальных сетей. Она проявляется в потребности постоянно отслеживать обновления, реакции других людей, комментарии. Для молодежи, особенно для самой юной, становится важным даже не само общение в интернете, а символическая значимость, которая проявляется во внимании других пользователей, количестве лайков и просмотров.

Особой популярностью в молодежной среде пользуется игровая зависимость. В данном случае человек погружается в виртуальную реальность, где присутствуют такие компоненты: правила, вознаграждения, сюжет игры, достижение статуса. Это некий иллюзорный мир, с которым взаимодействует играющий. Для некоторых пользователей возможность управления игрой становится более привлекательной, чем неопределенность реальной жизни [6]. В условиях игровых сообществ молодые люди могут также общаться с другими игроками, поддерживать контакт и сообщать о своих достижениях, что может выглядеть привлекательнее, нежели общение в живую, которое предполагает непосредственное личное взаимодействие, эмоциональную вовлеченность и соблюдение социальных норм.

Также можно выделить потребление контента, как одну из форм интернет-зависимости: это неконтрольный просмотр новостных лент,

видеоплатформ и каких-либо развлекательных ресурсов. В данном случае человек не имеет определенной цели в просмотре вышеперечисленных компонентов, у него просто срабатывает так называемый эффект «залипания». В подобных случаях интернет используется как средство ухода от повседневных проблем и эмоционального напряжения.

Еще одной распространенной формой является зависимость от онлайн-коммуникаций, это стремление к постоянному диалогу в цифровых сообществах. У молодежи виртуальное общение может восприниматься как более безопасное и комфортное по сравнению с социальными контактами, что углубляет разрыв между реальным миром и виртуальным.

Таким образом, с одной стороны, цифровая активность рассматривается как необходимый элемент профессиональной деятельности, образования и коммуникации. С другой стороны, чрезмерное погружение в онлайн-среду может приводить к снижению учебной и трудовой мотивации, к социальной изоляции молодежи, а также к размыванию границ между реальным и виртуальным мирами.

Список литературы

1. Артамонова, Я. В., Барсуков, С. С. Факторы девиантного поведения российской молодежи: теоретико-методологический и социальный анализ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2021. – № 3. – С. 206–211.
2. Дюркгейм, Э. Самоубийство. Социологический этюд / пер. с фр./ изд. подгот. Вал. А. Луков. СПб.: Союз, 1998. – 496 с.
3. Котова, С. С. Особенности интернет зависимого и аддиктивного поведения молодежи // Научный результат. Педагогика и психология образования. – Т.3. – № 1. – 2017.
4. Ларионова, С. О. Девиантное поведение: социальный, психологический и педагогический аспекты // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2011. – № 21-1.
5. Мертон, Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1966. – С. 299–313.
6. Челомбицкая, М. П. Виртуальная реальность как проявление одной из основных форм эскапизма в молодежной среде // Архивариус. – 2022. – № 1 (64). С. 36–39.

Barkar Elizaveta Olegovna

Student of the Department of Sociology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: barkar_liza@mail.ru

Baranova Larisa Mikhailovna

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

of the Department of Sociology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: baranovaalm@yandex.ru

INTERNET ADDICTION AS A FORM OF YOUTH DEVIATION

Abstract. The article examines deviant behavior as a deviation from social norms and expectations of society. Special attention is paid to internet addiction as a modern form of deviance among young people. Excessive immersion in the virtual space can lead to changes in people's behavior and a decrease in the importance of real interactions for them.

Keywords: deviant behavior; internet addiction; youth; digital environment; virtual space

Белокрылина Ангелина Алексеевна

студентка кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: angelina.belokrylina1212@gmail.com

Орлик Елена Николаевна

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: enorlik@mail.ru

РОЛЬ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОГО КОНТЕНТА В КОНСТРУИРОВАНИИ НАДЕЖНОСТИ МАРКЕТПЛЕЙСОВ

Аннотация. В рамках данной статьи нами было рассмотрено понятие «пользовательский контент» и его роль в формировании доверия

на маркетплейсах. Также были выделены основные типы пользовательского контента, уделено внимание феномену «коллективного тела» и выявлены стратегии рефлексивного доверия.

Ключевые слова: пользовательский контент; маркетплейсы; доверие; отзывы; фото-отзывы; просьюмеризм; симулякр; коллективное тело; алгоритмическое управление; ранжирование

Стремительный рост электронной коммерции в России привел к тому, что маркетплейсы стали полноценными социально-техническими системами, которые формируют повседневные практики миллионов пользователей. Однако переход покупок в цифровую среду породил противоречие – потребитель вынужден принимать решение о приобретении товара, не имея возможности его увидеть, потрогать или примерить. Так, в современном обществе потребления люди окружены объектами потребления, а на маркетплейсе эти объекты предстают в форме симулякров – фотографий, описаний, рейтингов, оценок и отзывов, образуя таким образом пользовательский контент, который играет ключевую роль в конструировании доверия, выполняя функцию «коллективного глаза» и компенсируя тем самым отсутствие личного опыта.

В офлайн-торговле функцию снижения неопределенности выполняли личные рекомендации знакомых («сарафанное радио»), консультация продавца или возможность непосредственного осмотра товара. В цифровой среде эту роль взял на себя анонимный пользовательский контент. В отличие от личных советов, он масштабируем и доступен в любой момент, но при этом уязвим для манипуляций и лишен личного доверия, основанного на эмоциональной связи. Этот переход от персонализированной рекомендации к обезличенному, но массовому свидетельству – один из ключевых изменений в поведении людей в цифровую эпоху.

Мы можем заметить, что на маркетплейсах потребитель взаимодействует не с платьем или телефоном, а с его карточкой, где показателями качества товара являются, например, фото, цена или рейтинг. Но, к сожалению, этого недостаточно для доверия. Требуется дополнительный слой – свидетельства других, которые подтверждают или опровергают истинность качества в форме отзывов.

Так, пользователь перестает быть пассивным получателем. Он активно участвует в создании ценности: пишет отзывы, снимает видео, оценивает сам товар и даже контент других. Такая активность воплощается в феномене просьюмеризма, что подразумевает под собой такую идеологию потребления, которая предполагает активное участие потребителя в создании благ и ценностей. На маркетплейсах этот «бесплатный труд» становится фундаментом системы доверия.

Анализ практик российских потребительских маркетплейсов позволяет выделить несколько типов пользовательского контента, каждый из которых по-своему конструирует надежность:

1. **Текстовый отзыв** – снижает информационную асимметрию (размер, качество, соответствие фото из карточки товара). Пример текстового отзыва: «Ткань тоньше, чем на фото, но швы ровные».

2. **Фото-отзыв** – заменяет примерку, создает «коллективное тело». Пример фото-отзыва – фото вещи на реальном человеке разной комплекции.

3. **Видео-отзыв** (видео-распаковка) – демонстрирует динамику, свет, текстуру. Пример: видео в отзывах Wildberries.

4. **Рейтинг товара** (звезды) – быстрый фильтр (высокий рейтинг = сигнал надежности). Пример: фильтр «сначала с высоким рейтингом».

5. **Ответы на вопросы** – создают диалог, снижают неопределенность. Пример: блок «вопросы и ответы» на маркетплейсах.

6. **Оценка «полезности»** – отбор наиболее достоверных свидетельств, например, через кнопку «Полезный отзыв».

Особое значение среди всех видов пользовательского контента приобретают отзывы с фотографиями. Как свидетельствуют данные исследования цифровых просьюмеристских практик, «присутствие фото в отзывах заметно увеличивает вероятность совершения покупки, так как снижает степень неопределенности и порождает иллюзию непосредственного контакта с товаром» [5]. Размещая собственное фото, покупатель конструирует симулякр своего тела, который затем становится доступен для сравнения с телом другого потребителя. Этот феномен получил название «*коллективное тело*» – это своего рода виртуальная примерочная, где чужие снимки выполняют функцию индивидуальной примерки.

Еще одним значимым механизмом выступает *вертикальная обратная связь*, реализуемая через систему рейтингов и отметок «полезно». Алгоритмы маркетплейсов автоматически поднимают в выдаче те отзывы, которые получили наибольшее число голосов «полезно» [6]. Таким образом, платформа не просто ретранслирует пользовательский контент, но и активно регулирует его видимость, что, в свою очередь, укрепляет доверие аудитории именно к отобраным свидетельствам.

Стоит отметить, что платформы не остаются нейтральными посредниками. Алгоритмическое управление включает механизмы ранжирования и «подталкивания» [4]. На Wildberries и Ozon отзывы с фото получают приоритет в выдаче, а авторы полезных отзывов могут награждаться бонусами. Это стимулирует просьюмеристскую активность и создает репутацию для продавца.

При этом стратегии работы с пользовательским контентом различаются у разных платформ. Wildberries, ориентированный на скорость принятия решения, выводит в топ короткие отзывы с яркими фотографиями, стимулируя импульсивные покупки. Ozon, напротив, поощряет развернутые тексты и видеораспаковки, формируя более «экспертную» атмосферу. Как следствие, на Ozon доверие чаще строится на детализированных аргументах, тогда как на Wildberries – на визуальной убедительности и массовости положительных оценок.

Такое ранжирование имеет двойственные последствия. С одной стороны, оно стимулирует повышение качества пользовательского контента: авторы стремятся писать более развернутые отзывы и прилагать четкие фотографии. С другой – порождает искушение прибегнуть к накруткам. Как отмечается в отраслевом обзоре «Marketplaces 2025», «из-за «поумневших» алгоритмов накрутка фиктивных отзывов перестала быть эффективной и теперь несет риски для рейтинга самих продавцов» [3]. Платформы внедряют системы обнаружения аномальной активности, однако полностью исключить возможность манипуляций пока не удается.

Отметим также, что алгоритмический контроль создает некую спорную территорию, где пользователи вырабатывают стратегии распознавания фейков [2]. На форумах и в тематических пабликах покупатели делятся приемами: обращать внимание на дату отзыва, на по-

вторяющиеся фразы, на отсутствие фото. Это превращает доверие в рефлексивный процесс – пользователь доверяет не любому отзыву, а тому, который прошел его собственную критическую проверку.

Парадокс пользовательского контента заключается в том, что он может как конструировать, так и разрушать доверие. Негативный отзыв с фотографией товара с браком способен перевесить сотню положительных. Особенно уязвимы категории одежды и обуви, где расхождение размера или цвета с заявленным вызывает резкое снижение доверия.

Важно отметить и феномен *эмоционального заражения*. Как показывают исследования потребительских эмоций [1], один эмоциональный негативный отзыв может снизить конверсию товара на 30–40%. Платформы пытаются смягчить этот эффект, выводя наверх «усредненные» рейтинги, но полностью исключить влияние сильных негативных сигналов невозможно.

Так, мы можем сказать, что:

- Пользовательский контент выполняет функцию социального посредника, замещая отсутствие прямого контакта с товаром. В условиях гиперреальности маркетплейса именно пользовательский контент становится мостом между симулякрот и реальной вещью.
- Фото- и видеоотзывы создают эффект «коллективного тела», компенсируя невозможность примерки и тактильной оценки. Это уникальный феномен цифровой эпохи, не имеющий аналогов в офлайн-торговле.
- Алгоритмы платформ активно формируют видимость «надежного» контента.
- Доверие к маркетплейсу сегодня конструируется не столько брендом платформы или описаниями продавцов, сколько подлинностью пользовательских свидетельств.

Таким образом, мы можем сказать, что пользовательский контент на маркетплейсах выполняет фундаментальную роль в конструировании доверия. В условиях цифровой среды, где товар заменен его симулякром, именно отзывы, фотографии и видео становятся тем недостающим звеном, которое связывает виртуальную витрину с реальным опытом потребления. В конечном счете, маркетплейс из простой витрины превращается в гибридное социально-техническое пространство,

где надежность товара и продавца непрерывно пересобирается самими пользователями.

Список литературы

1. Николаева, Е. М., Котляр П.С., Солдатова Н.О., Шаммазова Е.Ю. Цифровые просьюмеристские практики студенческой молодежи // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2024. – № 11. – С. 118–124.

2. Пащенко, Е. Как поведенческие факторы влияют на ранжирование товаров на Ozon и Wildberries // TenChat: 2025. сайт. – URL: <https://tenchat.ru/media/3958592-kak-povedencheskiye-factory-vliyayut-na-ranzhированиye-tovarov-na-ozon-i-wildberries> (дата обращения: 02.04.2026).

3. Bratic, H., Lindeblad, E. Understanding consumer emotions in practices of omnichannel slow fashion retail: Master's thesis. – Gothenburg: University of Gothenburg, 2022.

4. Kellogg, K. C., Valentine M.A., Christin A. Algorithms at Work: The New Contested Terrain of Control // Academy of Management Annals. – 2020. – Vol. 14, No. 1. – P. 366–410.

5. Marketplaces 2025: outdated rules and unfulfilled predictions // International Exhibition of Consumer Goods: 2025. сайт. – URL: <https://en.icf-expo.ru/tpost/jdmgdrvh61-marketplaces-2025-outdated-rules-and-unf> (дата обращения: 02.04.2026).

6. Rilinger, G. Algorithmic Management and the Social Order of Digital Markets // Theory and Society. – 2024. – Vol. 53. – P. 765–794.

Belokrylina Angelina Alekseevna
Student, Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
E-mail: angelina.belokrylina1212@gmail.com

Orlik Elena Nikolaevna
PhD, Associate Professor, Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
E-mail: enorlik@mail.ru

THE ROLE OF USER CONTENT IN MARKETPLACE RELIABILITY

Abstract. In this article, we have examined the concept of "user-generated content" and its role in building trust on marketplaces. We have also identified the main types of user-generated content, discussed the phenomenon of the "collective body," and identified strategies for building reflexive trust.

Keywords: user-generated content; marketplace; trust; reviews; photo-reviews; prosumerism; simulacrum; collective body; algorithmic management; ranking

Буланов Артемий Николаевич
аспирант
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
г. Калуга
E-mail: bulanovartemii1993@mail.ru

НОВАЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Аннотация. Переход к многополярности – явление, которое уже давно вышло за рамки теоретических дискуссий. Речь идет о трансформации, затрагивающей самые основы государственного устройства. Внешнеполитические решения сегодня напрямую влияют на повседневную жизнь граждан, на структуру экономики, на социальные настроения. Та система международных отношений, что казалась незыблемой в первые, фактически демонтируется на наших глазах.

Экономические последствия этого сдвига ощущаются особенно остро. Привычные маршруты поставок рушатся, приходится в авральном порядке искать альтернативы. Импортозамещение из популистского термина превратилось в практическую необходимость – без него многие отрасли просто останавливаются. Параллельно возникает понимание: без собственных технологий государство оказывается беззащитным перед внешним давлением. В общественном сознании тоже происходят заметные подвижки. Идея о том, что границы условны, а мир движется к единому пространству, явно утратила прежнюю убедительность. Вместо этого возвращается запрос на национальную идентичность, на защиту собственных интересов, пусть даже ценой изоляции. Вопросы обороны и безопасности, которые казались второстепенными, снова оказались в центре политической повестки. Сейчас очевидно: внешняя политика и внутренняя устойчивость связаны теснее, чем когда-либо. Государства, которые сумеют быстро перестроиться под новую реальность, получают преимущество. Те, кто будет цепляться за прежние схемы, рискуют столкнуться с серьезными проблемами.

Ключевые слова: многополярность; государственность; внешняя политика; общество; глобализация; политика; санкции; БРИКС; экономика; COVID-19

Современная внешнеполитическая реальность претерпевает тектонические сдвиги. Анализ новой международной реальности требует отказа от устаревших когнитивных парадигм.

Современная внешнеполитическая архитектура на сегодняшний день действительно переживает, пожалуй, самый серьезный структурный разлом за последние десятилетия. Если посмотреть на ключевой вектор глобального развития, становится очевидно: мы являемся свидетелями демонтажа однополярного мира. Процесс этот, судя по всему, необратим – рождается полицентричная система, которая является первым аспектом новой внешнеполитической реальности. Эпоха тотальной гегемонии США, стартовавшая после распада СССР в 1991 году, фактически исчерпала свой исторический ресурс. И здесь важно признать, что возврат к прежнему статус кво вряд ли возможен – так называемый «однополярный момент» остался в прошлом.

На сегодняшний день мировую повестку все чаще формируют альтернативные центры силы, причем основным драйвером этой

трансформации, безусловно, выступает Азия. Китай и Индия демонстрируют такую экономическую динамику, которая остается недостижимой для многих стагнирующих экономик «Группы семи» (G7). Достаточно взглянуть на статистику: по данным Всемирного банка за 2023 год, ВВП Китая прибавил 5,2%, тогда как США показали рост лишь на уровне 2,5%. При этом разрыв в реальном секторе, особенно в промышленном производстве, продолжает увеличиваться.

Как известно, экономический базис неизбежно трансформирует политическую реальность. Данные МВФ, например, фиксируют настоящий тектонический сдвиг в распределении мирового богатства. Показательно, что доля стран «Семерки» в мировом ВВП (по паритету покупательной способности) опустилась ниже психологически важной отметки в 30%. В то же время совокупный вес стран БРИКС – даже если не брать в расчет расширение 2024 года – уже превысил показатели G7, достигнув 32%. Можно констатировать, что былое экономическое доминирование коллективного Запада фактически нивелировано.

Вполне логично, что накопление ресурсов незападными игроками постепенно конвертируется в реальный политический вес. Растущая финансовая автономность позволяет этим государствам эффективнее обходить санкционное давление, что, в свою очередь, подрывает монополию традиционных институтов Бреттон-Вудской системы. Такое перераспределение потенциала объективно требует пересмотра международных норм. Старые иерархии теряют устойчивость, уступая место новым правилам игры, которые, вероятнее всего, будут базироваться на более сложном балансе интересов суверенных макрорегионов.

Процесс институционализации БРИКС является вторым аспектом новой внешнеполитической реальности, фактически он превращает объединение в консолидирующее ядро так называемого «Глобального Юга». Дело здесь не только в регулярных саммитах лидеров или встречах министров (хотя этот трек, безусловно, важен), но и в разветвленной сети профильных рабочих групп. Именно такая структура переводит координацию из режима «разовости» в системное русло, что, в свою очередь, повышает предсказуемость принимаемых решений и облегчает запуск совместных инициатив.

Расширение состава участников в 2024 году – за счет включения Египта, Эфиопии, Ирана, ОАЭ и Саудовской Аравии – кардинально сместило ресурсный баланс внутри группы. Блок пополнился не просто крупными экспортерами углеводородов, а игроками, контролирующими критически важные логистические узлы в акваториях Красного моря и Персидского залива. Если опираться на статистику ОПЕК и данные национальных ведомств, совокупная добыча в рамках БРИКС+ в последние годы колебалась у 40% отметки от общемировой. Это, очевидно, усиливает переговорный потенциал блока, особенно в контексте энергетической безопасности и хеджирования ценовых рисков.

Другой вектор активности участников – реформирование международной институциональной архитектуры, сложившейся еще в середине прошлого века. Применительно к ООН речь идет о расширении представительства развивающихся стран в Совбезе, а в случае с ВТО – об обновлении регламентов. Споры вокруг субсидий или доступа к технологиям здесь часто маркируют глубокий разрыв в экономических возможностях сторон. Цель, по-видимому, состоит не в декларациях, а в получении реального влияния на нормотворчество, которое определяет контуры мировой торговли и устойчивость цепочек поставок.

В качестве основного финансового механизма выступает Новый банк развития (НБР). При заявленном капитале до 1 млрд долларов портфель утвержденных проектов уже исчисляется десятками миллиардов, охватывая транспорт, энергетику и цифровую сферу. Примечательно, что НБР фокусируется на проектной окупаемости. В отличие от традиционных программ МВФ, здесь кредитование не увязывается с жесткими макроэкономическими требованиями вроде бюджетной консолидации, что делает этот инструмент более гибким для заемщиков.

Параллельно прорабатываются инициативы вроде BRICS Pay и переход к расчетам в национальных валютах. Эти меры направлены, прежде всего, на минимизацию транзакционных издержек: снижение зависимости от долларовых корсчетов, рисков блокировки инфраструктуры и растущих затрат на комплаенс. Подобная диверсификация не столько отменяет доллар, сколько расширяет доступный инструментарий. В конечном счете это способствует укреплению финансового суверенитета, снижая внешнюю уязвимость при управлении резервами и платежами.

Третьим же аспектом в современной внешнеполитической реальности становятся санкции, так как они фактически трансформировались из экстраординарной меры в обыденный инструмент экономического давления. Мы наблюдаем, как рестрикции становятся рутинной «дипломатией принуждения», причем механизм их действия, как правило, сводится к четырем основным элементам: перекрытию финансовых потоков, блокировке активов, жесткому экспортному контролю и запрету на передачу технологий двойного назначения. Если посмотреть на период – годов, то давление целенаправленно смещалось в сторону международных расчетов, логистических цепочек и доступа к оборудованию для ключевых отраслей – ТЭК и машиностроения.

Для России, разумеется, эти односторонние ограничения стали мощным катализатором стратегического «поворота на Восток». Экономическая карта внешней торговли перекраивается на глазах. Достаточно взглянуть на статистику Главного таможенного управления КНР: в 2023 году российско-китайский товарооборот пробил исторический максимум в \$,11 млрд. Структура этого обмена вполне предсказуема: мы экспортируем энергоресурсы, металлы и химию, а взамен получаем промышленное оборудование, автомобили и электронику.

Параллельно с этим, естественно, активизировалась политика импортозамещения. Данные Росстата за 2023 год подтверждают, что обрабатывающая промышленность росла быстрее сервисного сектора. Впрочем, нельзя игнорировать тот факт, что вынужденная автаркия несет с собой серьезные структурные издержки. Во-первых, из-за усложнения логистики неизбежно дорожают комплектующие. Во-вторых, доступ к передовым станкам и софту остается ограниченным. И, наконец, сроки модернизации производств объективно растягиваются.

Кроме того, санкционное давление подстегивает инфляцию через так называемые шоки предложения и удлинение цепочек поставок (по итогам года Росстат фиксировал уровень в 11%). Это создает вполне осязаемые риски роста социального неравенства, особенно для домохозяйств, где львиная доля бюджета уходит на продукты и базовые услуги. В такой ситуации социально-политическая стабильность будет зависеть от грамотности контрмер: насколько адресной окажется поддержка населения, останется ли бюджетная политика предсказуемой и сможет ли экономика заместить критический импорт, не потеряв при этом в производительности труда.

Четвертый аспект новой внешнеполитической реальности – это Глобализация. В современной научной дискуссии все чаще звучит тезис о том, что глобализация не столько исчезает, сколько фундаментально меняет свою структуру. Мы наблюдаем переход от всеобъемлющей, «плоской» модели к фрагментарной и дискретной. Потoki капитала и данных по-прежнему глобальны, но вот логистика и производственные цепочки все чаще замыкаются на региональном уровне. Бизнес отвечает на новые риски вполне понятным образом: переносит мощности ближе к потребителю (nearshoring) или выбирает партнеров, чьи политические системы предсказуемы (rienshoring). В этом есть своя логика – короткие маршруты менее уязвимы.

Технологический обмен никуда не исчез, но его рамки заметно сузились. Патенты продают, научные проекты реализуют совместно, однако государственный контроль над критическими технологиями достиг уровня, которого раньше не было. Взять хотя бы американские экспортные ограничения на полупроводники 2022-2023 годов – довольно красноречивый сигнал. Одновременно государства возвращаются к активной промышленной политике. Тот же CHIPS and Science Act в США (2022) – попытка вернуть производство микроэлектроники домой и снизить зависимость от внешних поставщиков.

COVID-19 тоже ускорил понимание данного факта. Пандемия показала, насколько хрупкой может быть система «открытых границ», когда речь идет о критически важных поставках. Сбои 2020-2021 годов в автопроме и медицине заставили многих задуматься.

Климатические изменения тоже перестали относиться лишь к погодным условиям. Засухи, наводнения теперь – это прямые экономические удары по сельскому хозяйству и энергетике. Когда уровень воды в реках, в которых проходят торговые суда падает, грузопоток сокращается, цены растут. Для бизнеса это уже не просто риск, а новая строка в финансовой отчетности.

Государства тоже реагируют предсказуемо – протекционизмом. Тарифы, субсидии, требования к локализации производства. Логика здесь достаточно ясна – защитить внутренний рынок и обеспечить безопасность в стратегических отраслях, от энергетики до фармацевтики.

Интересно так же, что внешняя политика и ее изменения стали даже затрагивать и культурную сферу. Вместо унификации теперь наблюдается обратное движение: усиление контроля за цифровыми

платформами, редактирование образовательных программ. Вопрос идентичности теперь рассматривают в границах национальной безопасности, поскольку он становится частью основы легитимности власти.

Теперь можно выделить один важный момент – необходимость в переосмыслении геополитических стратегий государств. Для малых и средних государств данная проблема стоит особенно остро. Им приходится лавировать в условиях высокой изменчивости мировой политики, где цена ошибки теперь практически равносильна потере суверенитета. Конкуренция между великими державами, санкции, технологические барьеры – это не просто фон, а факторы, которые напрямую влияют на доступ к рынкам, финансам и в конечном счете на национальную безопасность малых и средних государств.

Выбор между евроатлантическим курсом и сближением с новыми центрами силы, по сути, перестал быть вопросом компромисса. Отсюда и кризис многовекторности. Политика сидения на двух стульях между центрами силы становится практически не реализуемой, и на то есть три причины:

Первое это санкции и различные ограничения. Они резко сужают поле для «двойной игры», фактически блокируя возможность одновременно работать с разными блоками, особенно в финансовой и технологической сферах.

Второе это несовместимость стандартов. Военно-техническое сотрудничество с НАТО подразумевает определенные логистические цепочки, а взаимодействие с альтернативными центрами относительно НАТО делает их не реализуемыми.

Третье – экономическая нецелесообразность. Теперь поддерживать две параллельные системы стандартов – это слишком дорогое удовольствие, требующее чрезмерных ресурсов.

В сухом остатке малые и средние державы вынуждены отказываться от гибкого балансирования и переходить к жесткой расстановке приоритетов. И это уже не вопрос высокой политической риторики, а сугубо прагматичный выбор: как обеспечить доступ к базовым ресурсам – безопасности, инвестициям, энергии и критически важным технологиям.

Выделив эти пять аспектов новой внешнеполитической реальности: формирование полицентрического мира; роль БРИКС; санкционное давление и его последствия; глобализация и ее противоречия; переосмысление геополитических стратегий; можно переходить к их влиянию на трансформацию общества.

Изменение внешнеполитической ситуации, как правило, выступают мощным катализатором, заставляющим пересматривать механику внутренних процессов в государстве. Это не просто корректировка курса, а фундаментальная трансформация стимулов – как для бюрократического аппарата, так и для частного сектора. Сами «правила игры» меняются: доступ к рынкам, капиталу и технологиям становится иным, и это заставляет пересматривать приоритеты в научной и промышленной политике.

В экономике первой реакцией становится вынужденная диверсификация торговых потоков. Когда логистика и страхование резко дорожают, поиск альтернативных маршрутов и новых партнеров становится первостепенной задачей.

Технологический же суверенитет требует от государства мобилизации ресурсов через целевые субсидии, госзаказ, льготное кредитование. Одновременно ужесточаются критерии безопасности для критической инфраструктуры.

Ключевой тенденцией становится усиление контроля. Растет функционал силового аппарата, замыкаются центры принятия решений, жестко регламентируется информационное пространство.

Важен и социологический аспект. Внешняя угроза активизирует эффект «сплочения вокруг флага» (Rally 'round the flag effect), описанный Джоном Мюллером в 1970х годах. Перед лицом опасности уровень поддержки действующей власти демонстрирует кратковременный скачок. Большинство экспертов связывают это с мобилизацией общества на фоне внешнеполитического конфликта.

Такой консенсус гасит внутренние противоречия, но у него есть цена: императив стабильности начинает доминировать над конкуренцией идей. Тут важно понимать, что реакция внутренней политики на сильные внешние шоки вполне предсказуема. Эти сдвиги вполне поддаются верификации через конкретные маркеры – степень централизации власти, интенсивность работы региональных блоков и динамику общественной консолидации.

В социальной сфере влияние внешнеполитических реалий можно разбить на 3 пункта

1. Трансформация рынка труда. Именно рынок труда первым сигнализирует о появлении новых «узких мест». Когда, например, растет нагрузка на оборонный сектор, неизбежно включается мобилизационная логика: резко, скачкообразно возрастает потребность в инженерах, технологах, специалистах по контролю качества. Одновременно с этим – и опыт пандемии здесь весьма показателен – усиливается запрос на цифровые компетенции. Связь, киберзащита, работа с большими данными перестают быть просто опцией и превращаются в критически важную инфраструктуру.

Масштаб таких стресс-тестов действительно огромен. Обратимся к статистике: по данным Международной организации труда, только в 2021 году мировой объем отработанного времени сократился на величину, эквивалентную потере 55 млн рабочих мест полной занятости. Эта цифра наглядно иллюстрирует, насколько уязвима занятость перед лицом глобальных потрясений.

2. Миграция и демография. Векторы миграционных потоков меняются вслед за кризисами, что вполне закономерно. Во время пандемии COVID-19 ООН это зафиксировала: когда жесткие пограничные ограничения фактически остановили часть трудовой миграции и заставили другую часть использовать обходные пути. При конфликтах или санкциях, сразу встает еще и вопрос физической безопасности – люди начинают массово уходить из уязвимых отраслей и регионов образуя новые центры притяжения трудовой миграции.

3. Региональные диспропорции. Экономические кризисы обостряют неравенство между регионами. Капитал и высокооплачиваемые рабочие места сразу же стягиваются в точки с гособоронзаказом, крупными университетами, IT-кластерами или важными логистическими узлами. Остальные территории при этом терпят кризис, что ведет к большому росту разрыва в доходах населения и серьезно сокращает местные бюджеты.

Культурная сфера, на удивление реагирует на такие изменения даже быстрее экономики. В условиях неопределенности общество пытается найти баланс между открытостью, необходимой для развития, и

защитным традиционализмом. Традиция становится способом сохранить устойчивую идентичность, и после серьезных потрясений мы видим резкий рост интереса к ритуалам, символике, языку памяти.

Защита исторического нарратива в такие моменты часто выходит за рамки личной этики и превращается в инструмент публичной политики, иногда закрепленный на законодательном уровне. Германия с уголовным преследованием за отрицание Холокоста или польский Институт национальной памяти, действующий на государственном уровне, – наглядные примеры.

Для исследователей здесь есть вполне конкретный методологический ключ. Чтобы понять реальную глубину воздействия внешнеполитических изменений, имеет смысл смотреть не столько на декларации, сколько на три маркера: изменения в школьных стандартах, финансирование мемориальных дат и трансформацию цензурных границ в медиапространстве. Эти индикаторы точнее всего показывают, как внешнее событие перестраивает внутренний культурный код.

Список литературы

1. Белозеров, С. А., Соколовская, Е., Радиков, И. В., Яшина, А. В., Джабадари, Г. В., Денькович, М. С., Вешкурцева, У. К. Экономические санкции против России: оценка влияния, стратегия и политика противодействия. сайт. – URL: [https://pureportal.spbu.ru/ru/projects/\(57de9840-3267-40e4-86e6-3a99101ea9e4\).html](https://pureportal.spbu.ru/ru/projects/(57de9840-3267-40e4-86e6-3a99101ea9e4).html) (дата обращения 06.03.2026).
2. Гринин, Л. Е. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета // Век глобализации. Раздел: Процессы Глобализации. – 2008. – №2. – С. 86–98.
3. Ганин, О.Н. Государство в условиях глобализации // Научный журнал Фундаментальные исследования. Раздел: Молодые ученые и студенты. – 2005. – №2. – С. 91–93.
4. Деметрадзе, М. Р., Буслаев, А. В. Трансформация геополитических процессов в контексте модернизации и глобализации // Вестник Евразийской науки. Раздел: Экономика и менеджмент. – 2022. – Т.14 – №3. сайт. – URL: <https://esj.today/PDF/28ECVN322.pdf> (дата обращения: 06.03.2026).

5. Жуков, В. А., Полянская, И. В. Проблемы развития экономики России в условиях санкций // Электронный научно-практический журнал «Современные научные исследования и инновации». – 2023. – № 12. сайт. – URL: <https://web.snauka.ru/issues/2023/12/101138> (дата обращения: 05.03.2026).

6. Логачева, Е. Д. Влияние глобализации на современное российское общество // XXVII Международный конкурс научно-исследовательских и творческих работ учащихся старт в науке. Раздел: обществознание. сайт. – URL: <https://school-science.ru/27/8/63668> (дата обращения: 07.03.2026).

7. Потемкин, А. С. Санкции против России: экономические последствия, стратегии адаптации и перспективы международных отношений // Экономическая безопасность. – 2024. – Т. 7. – № 7. – С. 1947–1970. сайт. – URL: <https://1economic.ru/lib/121468> (дата обращения 08.03.2026).

8. Руденко, Л. Г. Анализ роли БРИКС в формировании многополярного мира на основе мир-системного подхода // Вестник Алтайской академии экономики и права. Раздел: Экономические науки. – 2024. – №7. – С. 134–140.

9. Соловьева, В. В. Влияние глобализационных процессов на трансформацию современного государства // Вестник Прикамского социального института. Раздел: Политические науки. – 2018. – №2. – С. 168–175.

10. Стрельцова, Ю. А. Роль БРИКС в контексте формирования многополярной международной системы: анализ стратегического взаимодействия в различных сферах // XXIII Международные Лихачевские научные чтения «Трансформации мира: проблемы и перспективы». Секция 3.: «Экономика нового многополярного мира» – 2025.

11. Тригунаят, А. BRICS-2026: значение для многополярного мира // Сетевое издание «Коммерсантъ». сайт. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8377991?erid=F7NfYUJCUneTUx3pfhUK> (дата обращения: 09.03.2026).

12. Туралина, А. Г. Влияние западных санкций на экономику России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Раздел: Экономика и управление. – 2024. – Т. 10 (76). – С. 98–104. сайт. – URL: <https://sn-ecomap.cfuv.ru/wp-content/uploads/2024/12/Туралина-1.pdf> (дата обращения: 08.03.2026).

13. Что такое глобализация, почему она происходит и к чему может привести // РБК Тренды. сайт. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/69118fef9a79472c35f42824> (дата обращения: 07.03.2026).

14. Шипоша, М. А. Политическая стабильность. Влияние западных санкций на уровень политической стабильности в России // Журнал наука без границ. Раздел: политические науки. – 2017. – № 8 (13). – С. 91–95. сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-stabilnost-vliyanie-zapadnyh-sanktsiy-na-uroven-politicheskoy-stabilnosti-v-rossii/viewer> (дата обращения: 06.03.2026).

15. Щербина, Е. А. Роль БРИКС в создании многополярного мира // Научный Журнал Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2023. – № 4 (105). – С. 15–24. сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-briks-v-sozdanii-mnogopolyarnogo-mira/viewer> (дата обращения: 10.03.2026).

16. Эфе, К. Г. «БРИКС плюс» выступает катализатором нового типа международных отношений // Интернет-портал «Российской газеты». Спецвыпуск – Китайский взгляд. – №238(9480). сайт. – URL: https://rg.ru/2024/10/22/epoha-soglasovannoj-mnogopoliar-nosti.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Falice.yandex.ru%2F (дата обращения: 05.03.2026).

17. Яковенко, А. В., Геополитический перелом и Россия. О чем говорит новая внешнеполитическая концепция. // Сетевое издание Форпост Северо-Запад. сайт. – URL: <https://forpost-sz.ru/a/2023-06-15/aleksandr-yakovenko-geopoliticheskij-perelom-i-rossiya-o-chyom-govorit-novaya> (дата обращения: 05.03.2026).

Bulanov Artemiy Nikolayevich
Graduate student
Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga
E-mail: Bulanovartemii1993@mail.ru

THE NEW FOREIGN POLICY REALITY AS A FACTOR OF SOCIETAL TRANSFORMATIONS

Abstract. The transition to multipolarity is a phenomenon that has long transcended the boundaries of theoretical discourse. It concerns a transformation affecting the very foundations of the state structure. Today, foreign policy decisions directly influence the daily lives of citizens, the economic structure, and social sentiments. The system of international relations that appeared immutable in the initial period is effectively being dismantled before our eyes. The economic consequences of this shift are felt with particular acuity. Habitual supply routes are collapsing, necessitating an urgent search for alternatives. Import substitution has evolved from a populist term into a practical necessity; without it, numerous industries simply cease to function. Concurrently, a realization is emerging: without proprietary technologies, the state finds itself defenseless against external pressure. Noticeable shifts are also occurring within the public consciousness. The notion that borders are conditional and the world is moving toward a unified space has clearly lost its former persuasiveness. Instead, there is a returning demand for national identity and the protection of sovereign interests, even at the cost of isolation. Issues of defense and security, which previously seemed secondary, have once again moved to the center of the political agenda. It is now evident that foreign policy and internal stability are more closely intertwined than ever before. States capable of rapidly adapting to the new reality will secure an advantage. Those clinging to former paradigms risk encountering serious difficulties.

Keywords: multipolarity; statehood; foreign policy; society; globalization; politics; sanctions; BRICS; economy; COVID-19

Волченкова Елена Валерьевна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры социальной работы и молодежной политики
Вятский государственный университет, г. Киров
E-mail: 11176@vyatsu.ru

Воронина Ольга Александровна
кандидат психологических наук,
доцент кафедры социальной работы и молодежной политики
Вятский государственный университет, г. Киров
E-mail: 11832@vyatsu.ru

АНАЛИЗ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ У ПОДРОСТКОВ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования семейных ценностей подростков с девиантным поведением. Выявлены особенности взаимоотношений с родителями, наличие традиций и реликвий в семьях, роль семейного фотоальбома. Охарактеризованы установки подростков на создание своей семьи в будущем, определено влияние модели родительской семьи при построении собственной.

Ключевые слова: семья; семейные ценности; семейные традиции; подростки с девиантным поведением

В Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [4], крепкая семья отнесена к одной из традиционных ценностей.

Понятие «семейные ценности» рассматривается как «культивируемая в обществе совокупность представлений о семье», то есть как некий ориентир, который одобряет общество в целом [2]. Однако эти представления влияют как на отдельного индивида, так и на семьи, определяя выбор семейных целей, способов организации жизнедеятельности, характер построения взаимоотношений [1].

Таким образом, семейные ценности – это совокупность представлений о семье, ценностей и нравственных ориентиров, которая влияет

на взаимоотношения между членами семьи, правила и нормы поведения в семье, семейные цели и способы организации жизнедеятельности семьи [3].

В подростковом возрасте на основании воспринимаемой модели родительской семьи формируется отношение к семейной жизни, образ будущей семьи, определяется место семьи в общей иерархии ценностей. У подростков с девиантным поведением зачастую нарушены детско-родительские отношения, что является фактором, отрицательно влияющим на формирование семейных ценностей.

Для выявления семейных ценностей подростков с девиантным поведением нами был проведен опрос в форме анкетирования. Цель опроса: проанализировать семейные ценности подростков с девиантным поведением.

Задачи опроса:

1. Выяснить характер взаимоотношений подростков с родителями.
2. Изучить наличие и значимость семейных традиций и обычаев в жизни подростков.
3. Определить роль семейных фотографий в восприятии подростками прошлого и настоящего своей семьи.
4. Выявить представления подростков о своей будущей собственной семье.

Опрос проводился в форме анкетирования. Респондентам предлагалось заполнить Google-форму. Анкета состояла из 21 вопроса: 19 закрытого типа, 2 открытого типа. Все вопросы можно объединить в следующие блоки: 1) отношения с родителями; 2) семейные традиции, обычаи; 3) семейные реликвии; 4) образ будущей семьи.

В качестве опрашиваемых выступили подростки с девиантным поведением в возрасте 14-17 лет обоего пола в общем количестве 50 человек, проживающие в городе Кирове и Кировской области. Опрашиваемые состоят на внутришкольном учете либо на учете в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Согласно данным опроса, большинство респондентов (52%) указали, что живут с двумя родителями (то есть в полной семье). 36% воспитываются в неполных семьях, с одним родителем, 4% – в семьях родственников. Также среди респондентов есть те, кто живет отдельно (8%).

Практически две трети респондентов указали на хорошие отношения в их семьях (70%). В семьях 18% присутствуют небольшие разногласия. 6% отметили, что в их семьях время от времени случаются конфликты и такая же часть опрошенных констатировала наличие постоянных ссор и разногласий.

При этом подростки следующим образом оценили свои отношения с родителями: 50% – хорошие, 26% – очень хорошие, 18% – нейтральные, 6% – плохие.

Согласно ответам респондентов в преобладающем большинстве семей (74%) нет традиций, обычаев, которые передаются из поколения в поколение. Среди тех, кто указал на их наличие (26%), были выделены такие, как встреча праздников в кругу семьи, украшение дома в честь праздников, а также подростки отметили совместное семейное приготовление ужина. Несмотря на то, что семьи подростков не богаты на традиции и обычаи, 68% опрошенных указали на их важность.

Своеобразными носителями семейных ценностей выступают реликвии, которые передаются от поколения к поколению. Реликвии имеют материальное воплощение и несут в себе глубокий смысл, являясь символами отдельных событий, могут отражать жизненную позицию, ценности и даже характер их хозяев. В семьях 44% участников опроса нет реликвий, 42% не знают об их существовании и только у 14% такие реликвии есть (украшения, посуда, швейная машинка, фигурка металлического чертенка).

Согласно данным опроса, большинство респондентов планируют передавать своим детям предметы искусства и старинные украшения, семейные истории и легенды, свое имя и фамилию, но есть и те, кто не собирается ничего передавать.

Скрепляющим элементом семейных отношений выступает альбом с фотографиями. По мнению 56% подростков, фотографии очень значимы, 30% считает их достаточно важными, 12% оценивают важность фотографий как невысокую и для 2% они совершенно не значимы.

Опрос показал, что 90% подростков интересно больше узнать о своей семье, 8% это неинтересно, 2% – совсем неинтересно. 70% хотели бы создать что-то памятное о своей семье, 26% не задумывались об этом, у 4% нет такого желания.

Согласно результатам опроса, практически все подростки (92%) имеют в своей семье фотоальбом. На вопрос: «Как часто вы фотографируетесь с семьей?» 60% ответили «иногда», 26% – «часто», 6% – «очень часто» и лишь 2% – «никогда». В большинстве семей (78%) фотографии хранят (чаще в электронном виде), 14% фото не хранит, 8% хранили раньше, но перестали.

Следующий блок вопросов в анкете был направлен на выявление представлений подростков о своей будущей собственной семье. 64% респондентов указали, что относятся к созданию собственной семьи положительно. Пятая часть подростков (26%) пока не задумывалась об этом. 8% не хотят свою семью. Важно, что родительская семья для большинства опрошенных является примером для подражания: 16% однозначно будет ориентироваться на нее, 44% – скорее всего будет. Для оставшейся части подростков родительская семья не является образцом для проектирования.

По результатам анкетирования сделаны следующие выводы.

1. Большинство подростков характеризуют взаимоотношения в своей семье как удовлетворительные («хорошие» или «нормальные»), однако лишь четвертая часть оценивает их как исключительно благоприятные («очень хорошие»).

2. В семьях подростков с девиантным поведением отсутствуют устойчивые и значимые традиции либо обычаи.

3. У малой части опрошенных в семьях есть предметы или вещи, передаваемые из поколения в поколение (семейные реликвии).

4. У значительной части молодых людей присутствует желание сохранить память о своей семье, однако они испытывают затруднения в определении конкретных шагов и методов достижения этой цели.

5. Большинство подростков положительно воспринимают идею создания собственной семьи в будущем.

Таким образом, полученные в ходе опроса данные свидетельствуют о том, что необходима целенаправленная работа по формированию семейных ценностей у подростков с девиантным поведением.

Список литературы

1. Акутина, С. П. Семейный уклад в воспитании духовно-нравственных ценностей школьников // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 2. – С. 51–54.

2. Николина, В. В. Дети, молодежь и духовность: ценности и цели // Воспитание ценности и цели. – Н. Новгород, 2004. – С. 6–15.

3. Селезнева, Е. А. Анализ понятий семья и семейные ценности // Проблемы современного образования. – 2021. – №5. – С. 270–280.

4. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». сайт. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 15.03.2026).

Volchenkova Elena Valeryevna

Candidate of Pedagogical Sciences,

Associate Professor of the Department of Social Work and Youth Policy

Vyatka State University, Kirov

E-mail: 11176@vyatsu.ru

Voronina Olga Alexandrovna

Candidate of Psychological Sciences,

Associate Professor of the Department of Social Work and Youth Policy

Vyatka State University, Kirov

E-mail: 11832@vyatsu.ru

ANALYSIS OF FAMILY VALUES IN ADOLESCENTS WITH DEVIANT BEHAVIOR

Annotation. The article presents the results of an empirical study of family values of adolescents with deviant behavior. The peculiarities of the relationship with parents, the presence of traditions and relics in families, the role of the family photo album are revealed. The attitudes of teenagers towards creating their own family in the future are characterized, and the influence of the parental family model in building their own is determined.

Keywords: family; family values; family traditions; adolescents with deviant behavior

Воротенькина Софья Евгеньевна
студентка кафедры социологии
Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail: sof.vorotenkina@yandex.ru

Ефимова Светлана Александровна
кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии
Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail: efimova-svetlana@inbox.ru

ЦИФРОВЫЕ ПРАКТИКИ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ УЧАСТНИКОВ АНИМЕ-ФАНДОМА

Аннотация. Статья посвящена анализу цифровых практик самоидентификации участников аниме-фандома. В работе рассматривается понятие фандома и его специфика в условиях цифровой среды. Показано, что принадлежность к аниме-фандому проявляется не только через интерес к японской анимации, но и через совокупность сетевых действий: оформление профиля, выбор никнейма и аватара, использование фандомного языка, участие в обсуждениях, публикацию фанатского контента, косплей-репрезентации и практики взаимного признания внутри сообщества. Анализируются механизмы, посредством которых цифровая активность становится формой выражения социальной идентичности и способом закрепления принадлежности к группе. Особое внимание уделяется роли сетевой коммуникации, символических маркеров и фанатского творчества в воспроизводстве коллективной идентичности аниме-фандома. Теоретическая часть статьи дополнена данными современных исследований фанатских сообществ

Ключевые слова: фандом; аниме-фандом; социальная идентичность; цифровые практики; онлайн-сообщества; самопрезентация; фанатское творчество; цифровая культура; молодежные сообщества

В условиях цифровой трансформации социальная идентичность все чаще формируется и выражается в интернет-пространстве. Онлайн-среда становится не просто каналом коммуникации, а пространством, где человек обозначает свою принадлежность к определенной группе, получает признание со стороны других участников и закрепляет собственный образ через повторяющиеся цифровые действия. Особенно

показательно это проявляется в фанатских сообществах, в которых участие строится не только на потреблении медиаконтента, но и на его обсуждении, переработке и коллективном распространении.

Особый интерес в данном контексте представляет аниме-фандом. Он объединяет пользователей, для которых важен не только интерес к японской анимации, но и публичное выражение этого интереса через профиль, ник, аватар, язык общения, мемы, фан-арт, фанфики, эдиты, косплей-публикации и участие в тематических сообществах. Исследование таких практик позволяет глубже понять механизмы формирования групповой принадлежности, символических границ и сетевой социализации молодежи [1].

Теоретические основания изучения идентичности и групповой принадлежности восходят к работам Э. Дюркгейма, М. Вебера, Г. Зиммеля и Г. Мида. Анализ субкультурного стиля и символических различий получил развитие в работах Бирмингемской школы, прежде всего Д. Хебдиджа. Для интерпретации статуса и признания внутри сообществ сохраняет значение концепция символического капитала П. Бурдьё.

В исследованиях фанатских сообществ важное место занимают работы Г. Дженкинса, который предложил рассматривать фандом как пространство активного участия, а не как совокупность пассивных потребителей медиаконтента [9]. Цифровые аспекты фанатской идентичности и внутригруппового взаимодействия рассматриваются в работах Н. Уайтмена, Д. Чадборна, П. Эдвардса, С. Рейсена [12]. Среди российских исследователей для данной темы особенно значимы работы Е. М. Четиной и Е. А. Ключевой, Ю. Л. Полупан, И. М. Быховской и И. Ю. Люлевич, Е. Г. Ним, Э. Д. Хасановой, в которых анализируются фанатские сообщества, фанфикшен, цифровая этнография и креативные практики фандомов [4]. Вместе с тем именно цифровые практики самоидентификации участников аниме-фандома как самостоятельный предмет социологического анализа остаются исследованными недостаточно полно.

В исследованиях fan studies фандом понимается не как простая совокупность поклонников определенного культурного продукта, а как социальное пространство, в котором возникают устойчивые формы взаимодействия, интерпретации, коллективного творчества и символического обмена. Такое понимание особенно важно для цифровой

среды, где фанатская принадлежность выражается не только в эмоциях по отношению к медиатексту, но и в конкретных, повторяющихся действиях. В интернете участник не просто интересуется аниме, а делает этот интерес социально видимым и распознаваемым.

Применительно к аниме-фандому это означает, что идентичность строится вокруг системы цифровых маркеров. Пользователь обозначает себя через никнейм, аватар, описание профиля, закрепленные публикации, подбор любимых тайтлов, персонажей, жанров и эстетик. Эти элементы выполняют функцию символического кода: они позволяют быстро считать принадлежность к сообществу и понять, насколько человек включен в его культурную логику. Даже минимальный набор признаков – аниме-аватар, характерный ник, цитата из известного тайтла – уже становится формой самообозначения [5].

Одной из важнейших практик цифровой самоидентификации выступает визуальная самопрезентация. Для аниме-фандома внешний вид профиля имеет не декоративный, а социальный смысл. Аватар с персонажем, баннер с кадрами из любимого аниме, эстетически оформленная страница, подбор тематических эмодзи и изображений создают цифровой образ участника. Визуальный код работает как способ различения «своих» и «чужих», а также как средство демонстрации вкуса, вовлеченности и культурной компетентности. В этом смысле оформление профиля можно рассматривать как публичную форму репрезентации фанатской идентичности.

Не менее значима и языковая практика. Аниме-фандом использует собственный набор слов, сокращений, жанровых обозначений, мемов и внутренних шуток. Употребление японских терминов, фанатского сленга, названий архетипов персонажей и меметических выражений не только облегчает коммуникацию, но и обозначает владение культурным кодом сообщества. Через язык участник демонстрирует, что он не является случайным зрителем, а включен в более широкий символический мир аниме-фандома. Таким образом, языковая компетентность становится важной частью самоидентификации [2].

Следующей ключевой практикой является производство и распространение фанатского контента. Речь идет о фан-артах, фанфиках, AMV, эдитах, мемах, переводах, подборках, обзорах, косплей-фотографиях и других формах пользовательского творчества. Здесь особенно

заметен переход от потребления к участию: участник не просто смотрит аниме, но перерабатывает исходный материал, создает собственные интерпретации и предлагает их сообществу. В результате он становится не только потребителем, но и соавтором коллективного символического пространства. Именно поэтому фанатское творчество в аниме-фандоме выступает одновременно как акт самовыражения и как способ подтверждения своей принадлежности.

Внутри цифрового фандома важную роль играют и коммуникативные практики: комментарии, обсуждения новых серий, реакции на релизы, участие в спорах о персонажах и пейрингах, рекомендации тайтлов, общение в чатах, каналах и тематических пабликах. Эти действия создают эффект постоянного присутствия в жизни сообщества. Идентичность участника в таком случае формируется не через разовое заявление «я люблю аниме», а через регулярное участие в общем потоке взаимодействий. Чем чаще человек включен в ритм коллективного обсуждения, тем устойчивее оказывается его позиция внутри сообщества [2].

Особое значение имеют практики взаимного признания. Фанатская идентичность существует не в изоляции, а в системе социальных реакций: лайков, репостов, комментариев, упоминаний, приглашений в закрытые чаты, коллабораций и рекомендаций. Через эти действия сообщество подтверждает видимость участника и признает его своим. Здесь можно говорить о своеобразном символическом капитале: выше ценятся не только длительность пребывания в сообществе, но и вклад в его жизнь – создание контента, помощь новичкам, регулярность участия, узнаваемый стиль самопрезентации. Следовательно, цифровая самоидентификация в аниме-фандоме всегда связана с механизмами внутригруппового признания.

При этом фанатская идентичность не всегда проявляется в полностью открытой форме. Для части участников аниме-фандом остается контекстной идентичностью, которая демонстрируется только в определенных онлайн-пространствах. Пользователь может иметь отдельный аккаунт для фандомной активности, использовать символику, понятную только «своим», или ограничивать выраженность интереса в публичном профиле [12]. Такая избирательная видимость показывает, что цифровая самоидентификация – это не только самовыражение, но

и управление степенью открытости, зависящее от контекста и предполагаемой аудитории.

Таким образом, цифровые практики самоидентификации участников аниме-фандома представляют собой совокупность повторяющихся действий, через которые пользователь обозначает свою принадлежность, делает ее публично считываемой и получает социальное подтверждение со стороны других участников. Никнеймы, аватары, фанатский язык, мемы, фан-арт, фанфики, косплей-публикации и обсуждения образуют устойчивую систему символических маркеров [1]. Благодаря им аниме-фандом воспроизводит свои культурные границы, внутреннюю иерархию и коллективную идентичность.

Эти выводы подтверждаются и эмпирическими данными. По материалам Anime Survey 2024, в исследовании приняли участие 1605 фанатов аниме из 70 стран; 25,1% респондентов указали, что являются поклонниками аниме-фанфикшна, 22,7% – косплеерами, а 46,8% сообщили о наличии waifu/husbando. Среди наиболее частых видов активности были просмотр официального аниме-контента, потребление фанатского медиаконтента и общение с другими фанатами [7]. В исследовании IARP 2014 3-Fandom Study были сопоставлены данные 901 участника аниме-конвента и 2283 онлайн-участников аниме-фандома; исследование показало, что примерно половина друзей фанатов тоже является фанатами, а онлайн-аниме-фаны особенно часто используют компьютер как повседневный инструмент участия в фандоме [8]. Смежные исследования также фиксируют высокую повторяемость фанатских практик: в опросе фанфикшен-сообществ University of Washington при 1888 ответах 88,8% участников хотя бы иногда оставляли комментарии и отзывы, а 46,7% делали это не реже одного-двух раз в неделю [6]. В исследовании косплея при выборке 198 респондентов средний стаж участия составил 6,77 года; 37% косплеили 3–5 раз в год, 28% – 1–2 раза, 20% – 6–10 раз [11]. Российские данные также подтверждают значимость аниме как среды самообозначения и культурного влияния: по данным А. С. Стоянова и И. Л. Поповой, при выборке 305 человек 92,8% респондентов считают, что аниме-субкультура влияет на молодежную моду, 74,1% имеют положительное отношение к аниме и аниме-субкультуре, а наиболее привлекательными чертами аниме названы стиль рисовки (82%), персонажи (66,6%) и неординарные сюжеты (58,4%) [3].

Следовательно, аниме-фандом в цифровой среде существует не только как совокупность интересов, но и как пространство повседневного производства идентичности. Через цифровые действия участники сообщают, кто они такие, какова их культурная принадлежность и какое место они занимают внутри сообщества. Интернет в данном случае выступает не просто площадкой для общения, а средой, в которой фанатская идентичность постоянно создается, поддерживается и воспроизводится.

Эмпирическую базу статьи составляют данные следующих исследований:

1. Anime Survey 2024. Выборочная совокупность: 1605 респондентов из 70 стран. Метод сбора данных: онлайн-опрос и анкетирование участников AnimeFest.

3. IARP 2014 3-Fandom Study. Выборочная совокупность: 901 участник аниме-конвента и 2283 онлайн-участника аниме-фандома. Метод сбора данных: сравнительный опрос.

4. Fanfiction Community Survey (University of Washington). Выборочная совокупность: 1888 респондентов. Метод сбора данных: онлайн-опрос участников фанфикшен-сообществ.

5. Findings from a Psychological Survey of Cosplay and Costume Wear. Выборочная совокупность: 198 респондентов. Метод сбора данных: интернет-опрос косплееров.

6. Стоянов А. С., Попова И. Л. «Аниме-субкультура как фактор формирования молодежной моды». Выборочная совокупность: 305 респондентов. Метод сбора данных: онлайн-опрос.

Список литературы

1. Быховская, И. М., Люлевич, И. Ю. Фандомы – сообщества цифровой эпохи: гибридная культура в околоспортивном измерении // Социология власти. – 2018. – Т. 30. № 2. – С. 40–54.

2. Полупан, Ю. Л. Цифровая этнография в исследованиях фанатских онлайн-сообществ // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2021. – № 2. – С. 68–72.

3. Стоянов, А. С., Попова, И. Л. Аниме-субкультура как фактор формирования молодежной моды // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2025. – № 3 (36). – С. 81–101.

4. Четина, Е. М., Ключикова, Е. А. Фандомы и фанфики: креативные практики на виртуальных платформах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2015. – Т. 7. № 3 (31). – С. 95–104.
5. Chadborn D., Edwards P., Reysen S. Displaying Fan Identity to Make Friends // *Intensities: The Journal of Cult Media*. – 2017. – No. 9. – P. 87–97.
6. Davis, R. Fanfiction Community Survey Part 1: Overview of Results // Human-Centered Data Science Lab, University of Washington. 2021. сайт. – URL: <https://depts.washington.edu/hdsl/tag/survey/> (дата обращения: 21.03.2026).
7. International Anime Research Project. Anime Survey 2024 Preliminary Results. сайт. – URL: <https://sites.google.com/site/animeresearch/past-results/anime-survey-2024-preliminary-results> (дата обращения: 21.03.2026).
8. International Anime Research Project. IARP 2014 3-Fandom Study. сайт. – URL: <https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=https://fur-science.com/research-findings/appendix-1-previous-research/iarp-2014-3-fandom-study/&ved=2ahUKEwig3ue2nZCUAхWZFRAIHу-VxKvMQFnoECAoQAg&usg=AOvVaw1oKuHChS9IyIt56NkyDGI4> (дата обращения: 21.03.2026).
9. Jenkins H. *Fandom, Negotiation, and Participatory Culture // A Companion to Media Fandom and Fan Studies*. Hoboken: Wiley Blackwell, 2018. – 112 p.
10. Jenkins H. *Textual Poachers: Television Fans and Participatory Culture*. New York: Routledge, 2013. – 56 p.
11. Rosenberg, R. S., Letamendi, A. M. Findings from a Psychological Survey of Cosplay and Costume Wear. 2013. сайт. – URL: <https://intensitiescultmedia.com/wp-content/uploads/2013/07/expressions-of-fandom-findings-from-a-psychological-survey-of-cosplay-and-costume-wear-robin-s-rosenberg-and-andrea-m-letamendi.pdf> (дата обращения: 21.03.2026).
12. Whiteman N. The De/Stabilization of Identity in Online Fan Communities // *Convergence*. – 2009. – Vol. 15. No. 4. – P. 391–410.

Vorotenkina Sophia Evgenievna
Student of the Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
E-mail: sofi.vorotenkina@yandex.ru

Efimova Svetlana Alexandrovna
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
E-mail: efimova-svetlana@inbox.ru

DIGITAL PRACTICES OF SELF-IDENTIFICATION IN ANIME FANDOM MEMBERS

Abstract. This article analyzes the digital practices of self-identification in anime fandom participants. It examines the concept of fandom and its specific features in the digital environment. It demonstrates that membership in anime fandom is manifested not only through interest in Japanese anime but also through a range of online activities: profile creation, choosing a nickname and avatar, using fandom language, participating in discussions, publishing fan content, cosplay representations, and practices of mutual recognition within the community. The mechanisms by which digital activity becomes a form of expression of social identity and a means of cementing group membership are analyzed. Particular attention is paid to the role of online communication, symbolic markers, and fan creativity in the reproduction of the collective identity of anime fandom. The theoretical part of the article is supplemented by data from modern research on fan communities.

Keywords: fandom; anime fandom; social identity; digital practices; online communities; self-presentation; fan art; digital culture; youth communities

Гоглова Полина Алексеевна
студентка кафедры социологии
Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail: polinagoglova15@gmail.com

Орлик Елена Николаевна
кандидат философских наук, доцент кафедры социологии
Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail: enorlik@mail.ru

СПЕКТАКЛЬ, ВЗГЛЯД И ПЕРФОРМАНС: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ГЕНДЕРНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМЕ

Аннотация. Статья посвящена теоретическому анализу механизмов конструирования и трансляции гендерных стереотипов в современной рекламе. В условиях перенасыщенности рекламными сообщениями реклама рассматривается не столько как инструмент маркетинговой коммуникации, сколько как один из ключевых агентов гендерной социализации. Опираясь на концепцию «общества спектакля» Ги Дебора, теорию «мужского взгляда» Лоры Малви и подход «делания гендера» Кэндис Вест и Дона Циммермана, авторы показывают, что реклама не просто отражает, но активно формирует иллюзорные образы «настоящего мужчины» и «настоящей женщины».

Ключевые слова: реклама; гендерные стереотипы; визуальные образы; гендерные роли; потребление

Современный человек живет в мире, перенасыщенном рекламными сообщениями. Ежедневно каждый житель крупного города сталкивается от 300 до 1500 рекламных контактов – на экране смартфона, в социальных сетях, на билбордах, в общественном транспорте, на телевидении. Реклама давно перестала быть просто инструментом информирования о товаре; она превратилась в один из самых влиятельных агентов социализации, сопоставимый по своему воздействию с семьей, школой и религиозными институтами.

Особенно отчетливо это влияние прослеживается в сфере гендерных отношений. Реклама систематически воспроизводит и закрепляет представления о том, какими «должны быть» мужчины и женщины.

Однако для того чтобы критически анализировать рекламные образы и их влияние на гендерные установки, необходим теоретический инструментарий. Каковы механизмы, посредством которых реклама формирует представления о «нормальном» мужчине и «нормальной» женщине? Г. Дебор, Л. Малви, К. Вест и Д. Циммеран описывают определенный уровень гендерного конструирования, а в совокупности их теории позволяют увидеть рекламу как тотальный механизм производства гендерных стереотипов.

Французский философ, писатель и теоретик Ги Дебор в своей работе «Общество спектакля» предложил концепцию, которая на десятилетия опередила свое время и сохраняет актуальность в эпоху цифровых медиа. Г. Дебор утверждал, что современное капиталистическое общество характеризуется тотальным замещением подлинной социальной жизни ее образами. «Все, что раньше переживалось непосредственно, теперь отстраняется в представление», – писал он в первом тезисе своей работы [1].

Ключевое определение спектакля у Г. Дебора таково: это не просто совокупность образов, но «общественное отношение между людьми, опосредованное образами» [1]. Иными словами, в обществе спектакля люди взаимодействуют друг с другом не напрямую, а через посредство медийных репрезентаций. Эти репрезентации отчуждают человека от его собственной жизни, превращая его из активного участника в пассивного зрителя.

Г. Дебор выделяет несколько характеристик спектакля. Во-первых, он тотален: спектакль пронизывает все сферы жизни – экономику, политику, культуру, повседневность. Во-вторых, он неразрывно связан с товарным фетишизмом: в обществе спектакля товары потребляются не ради их потребительских свойств, а ради тех образов и статусов, которые они символизируют. В-третьих, спектакль выполняет идеологическую функцию: он затемняет реальные социальные противоречия, подменяя их чередой привлекательных образов.

Его концепция удивительно точно описывает механизмы современной рекламной коммуникации. Реклама представляет собой квинт-эссенцию спектакля: она продает не товар как таковой, а его образ, который замещает и заслоняет реальные свойства продукта.

Г. Дебор проводит параллель между рекламой и религиозными культами. Он пишет, что распространение товарных образов средствами массовой информации порождает «волны энтузиазма по поводу данного продукта», приводящие к «моментам горячего возбуждения, подобного экстазам, конвульсиям и чудесам старого религиозного фетишизма» [1]. Реклама, подобно религии, создает систему верований, в которой потребление становится формой искупления, а обладание определенным товаром – свидетельством избранности.

В контексте гендерного анализа теория Г. Дебора позволяет увидеть, как реклама конструирует «идеального мужчину» и «идеальную женщину» как образы, к которым следует стремиться, но которые невозможно достичь. Эти образы существуют в пространстве спектакля, оторванные от реальной сложности человеческой жизни. Мужчина в рекламе автомобилей – это не реальный мужчина с его усталостью, сомнениями и ежедневными заботами, а гипертрофированный образ успеха, власти и контроля. Женщина в рекламе косметики – это не реальная женщина с ее возрастными изменениями и индивидуальными чертами, а отретушированный, «улучшенный» образ, соответствующий конкретным стандартам красоты.

Каковы социальные последствия того, что реклама функционирует как спектакль? Во-первых, спектакль предполагает пассивность аудитории. Г. Дебор подчеркивал, что зритель спектакля находится в состоянии отчуждения: он наблюдает, но не действует. Применительно к гендерным стереотипам это означает, что человек может узнавать стереотипные образы, критически их оценивать, но все равно воспроизводить их в своем поведении, поскольку альтернативные модели просто не представлены в пространстве спектакля.

Во-вторых, рекламный спектакль создает иллюзию выбора. Потребителю кажется, что он свободно выбирает между разными брендами и образами, но на самом деле все эти образы вращаются в рамках одного и того же стереотипного спектра: «страстная брюнетка» или «нежная блондинка», «успешный менеджер» или «брутальный байкер». Подлинное разнообразие гендерных идентичностей остается за рамками рекламного дискурса.

Таким образом, с позиции Г. Дебора, реклама – это машина по производству иллюзий, в которой гендерные стереотипы выступают в

роли готовых, легко узнаваемых масок, а зритель (потребитель) идентифицирует себя с этими масками, даже когда они не соответствуют его реальной жизни.

Если Г. Дебор описывает общество спектакля в целом, то британский кинокритик и теоретик феминизма Л. Малви фокусируется на одной из важнейших составляющих этого спектакля – гендерной асимметрии визуального удовольствия. В своей знаменитой статье «Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф» Л. Малви ввела понятие «мужской взгляд» («male gaze»), которое стало одной из самых влиятельных концепций в гендерной теории и визуальных исследованиях.

Л. Малви исходит из того, что традиционный кинематограф (и шире – визуальная культура) структурирован вокруг мужского доминантного образа. В мире, выстроенном по законам патриархата, активная роль (смотреть, оценивать, желать) закреплена за мужчиной, тогда как женщине отводится пассивная роль (быть оцениваемой, желаемой). Л. Малви пишет: «В мире, выстроенном по законам сексуального неравенства, удовольствие от рассматривания разделилось на активное/мужское и пассивное/женское» [3].

Л. Малви выделяет три взаимосвязанных аспекта мужского взгляда, которые действуют в рекламе.

Во-первых, женщины в рекламе часто изображаются как пассивные объекты созерцания. Они редко совершают активные действия, принимают решения или демонстрируют профессиональную компетентность. Вместо этого они смотрят в пустоту, прикасаются к своему телу, принимают соблазнительные позы. Их функция – быть красивым фоном, привлекающим внимание.

Во-вторых, женское тело в рекламе фрагментируется. Реклама духов, косметики, нижнего белья, фитнес-услуг часто показывает не лицо женщины, а отдельные части тела: губы, глаза, талию, бедра. Эта фрагментация превращает женщину из целостной личности в набор деталей.

В-третьих, мужской взгляд в рекламе часто материализуется в виде мужского персонажа, который откровенно разглядывает женщину. Этот персонаж может быть показан в кадре (например, мужчина

в костюме, наблюдающий за девушкой в купальнике) или подразумеваться позицией камеры (камера смотрит на женщину так, как смотрел бы мужчина).

Как отмечает исследование Г. Мандхе, специально посвященное анализу мужского взгляда в коммерческой рекламе, «реклама часто использует сексуализированные образы женщин, обслуживая мужской взгляд и увековечивая традиционные гендерные роли, где мужчины изображаются как активные агенты, а женщины — как пассивные объекты. Эта динамика подкрепляет вредные стереотипы и влияет на потребительское поведение, поскольку привлекательность этих образов часто приводит к нереалистичным стандартам красоты» [4].

Кэндис Вест и Дон Циммерман в своей программной статье «Делание гендера» («Doing Gender») предложили радикальный сдвиг в понимании гендера. Если в традиционной социологии и психологии гендер часто понимали, как набор свойств личности (маскулинность, фемининность), то К. Вест и Д. Циммерман предложили понимать гендер как действие, как «рутинное достижение, встроенное в повседневное взаимодействие» [6].

Для понимания теории К. Вест и Д. Циммермана необходимо различать три ключевых понятия.

Пол – это социально согласованные критерии принадлежности к мужчинам или женщинам, основанные на гениталиях при рождении. К. Вест и Д. Циммерман подчеркивают, что даже «биологический» пол является социально интерпретированным: решение о том, кто родился – мальчик или девочка, принимается врачом на основе визуального осмотра, и это решение затем становится определяющим на всю жизнь.

Половая категория – это предполагаемый пол актора, основанный на его теле и поведении. Это социальная категоризация, которая может не совпадать с биологическим полом. Например, трансгендерный человек может принадлежать к одной половой категории, имея другой биологический пол. Половая категория устанавливается «социально требуемыми идентификационными проявлениями, которые провозглашают членство в той или иной категории» [6].

Гендер – это степень, в которой актер проявляет маскулинность или фемининность, в соответствии с социальными ожиданиями, связанными с его половой категорией. Гендер – это не то, что человек имеет, а то, что он делает в каждом конкретном взаимодействии.

Ключевая идея К. Вест и Д. Циммермана заключается в том, что гендер – это постоянное достижение. Мы «делаем гендер» в каждом взаимодействии: в том, как мы сидим, как говорим, как одеваемся, как жестикулируем, какую работу выполняем. И мы делаем это в присутствии других, которые, как мы полагаем, оценивают наше исполнение на предмет его соответствия ожиданиям, связанным с нашей половой категорией.

К. Вест и Д. Циммерман называют гендер «омнирелевантным» (всегда актуальным). Это означает, что в любой ситуации, в любом взаимодействии гендер потенциально значим и может быть «вызван к ответу». Даже когда мы не думаем о гендере, наши действия интерпретируются окружающими через гендерную призму.

Авторы приводят пример профессиональной женщины в сфере, где доминируют мужчины. Эта женщина вынуждена постоянно принимать решения о том, должна ли она расставлять акценты в своем поведении как неотъемлемую часть профессиональной идентичности, и которое может быть воспринято как «нефемининное». Каждое ее действие становится предметом гендерной оценки.

Здесь реклама приобретает особое значение. Если гендер – это перформанс, который требует постоянного подтверждения, то реклама предоставляет образцы этого перформанса и реквизит для него.

Как отмечает Н. Сандху в обзоре исследований гендерной маркировки продуктов, «на протяжении всей истории люди использовали потребительские реквизиты для украшения своего гендера. Продукты, которыми люди владеют и пользуются, являются заметными маркерами их гендерной идентичности» [5].

Реклама не просто продает товары – она продает правильные способы исполнения гендера. Женщине реклама говорит: чтобы быть настоящей женщиной (то есть правильно исполнять свою половую категорию), ты должна пользоваться этой помадой, этим шампунем, этой стиральной машиной. Мужчине: чтобы быть настоящим мужчиной, ты должен купить эти часы, эту бритву, этот автомобиль.

Как подчеркивает О. Максимова, в исследовании гендерных репрезентаций в журнальной рекламе, в системе «социум-реклама-индивид» осуществляется селекция отдельных сегментов повседневности: в дискурс рекламы включаются одни фрагменты и отсекаются другие.

Иными словами, реклама не отражает реальное многообразие гендерных практик, а отбирает и усиливает одни (стереотипные) и игнорирует другие (нестереотипные) [2].

К. Вест и Д. Циммерман подчеркивают и оценивают наше исполнение. Реклама выполняет двойную функцию в этом процессе.

Во-первых, она является сценой, на которой демонстрируются образцовые исполнения гендера. Когда мы видим в рекламе женщину, которая счастливо моет посуду, или мужчину, который уверенно ведет машину, мы получаем образец для подражания – модель «правильного» поведения.

Во-вторых, реклама является зеркалом, в которое мы смотримся, сверяя свое исполнение с образцом. Сравнивая себя с рекламными моделями, мы оцениваем, достаточно ли мы маскулинны/фемининны, и корректируем свое поведение (и свое потребление) в соответствии с этой оценкой.

Таким образом, реклама становится важнейшим институтом социализации, обучающим индивидов тому, как «правильно» воспринимать свой гендер, предоставляя им необходимый для этого репертуар.

Список литературы

1. Дебор, Г. Общество спектакля. Пер. с фр. / Перевод С. Офертаса и М. Якубович. М. : Логос, 1999. – 224с.
2. Максимова, О. Б. Механизм социальной коммуникации гендера: анализ гендерных репрезентаций в журнальной рекламе / О. Б. Максимова // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2025. – Т 16. №4. сайт. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/19SCSK425.pdf> (дата обращения: 05.04.2026).
3. Mulvey, L. Visual Pleasure and Narrative Cinema. *Screen*, 16(3), 6–18.
4. Mundhe, G. The Male Gaze in Commercial Advertisements: A Critical Analysis. *Journal of Media and Communication Studies*, 12(1), 22–35.
5. Sandhu, N. (2022). Gendering Products Through Advertisements: A Review (1973–2019). *Journal of Creative Communications*, 17(1), 3–18.
6. West, C., & Zimmerman, D. H. Doing Gender. *Gender & Society*, 1(2), 125–151.

Goglova Polina Alekseevna
Student, Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
E-mail: polinagoglova15@gmail.com

Orlik Elena Nikolaevna
PhD, Associate Professor, Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
E-mail: enorlik@mail.ru

SPECTACLE, GAZE, AND PERFORMANCE: THEORETICAL MECHANISMS OF GENDER CONSTRUCTION IN CONTEMPORARY ADVERTISING

Abstract. The article is devoted to the theoretical analysis of the mechanisms of construction and translation of gender stereotypes in modern advertising. In conditions of oversaturation of advertising messages, advertising is considered not so much as a marketing communication tool, but rather as one of the key agents of gender socialization. Based on the concept of the "society of the spectacle" by Guy Debord, the theory of the "male gaze" by Laura Mulvey, and the approach of "making gender" by Candice West and Don Zimmerman, the authors show that advertising not only reflects, but actively forms the illusory images of a "real man" and a "real woman".

Keywords: advertising; gender stereotypes; visual imagery; gender roles; consumption

Гутова Анастасия Алексеевна
ассистент кафедры социологии
Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail: nastya.gutova@yandex.ru

ОТ ИДЕОЛОГИИ УСПЕХА К КУЛЬТУРЕ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ НОРМАТИВНЫХ УСТАНОВОК В ПОЗДНЕМ МОДЕРНЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации нормативных установок в условиях позднего модерна – от доминирования

идеологии успеха к формированию культуры жизнестойкости. На основе синтеза классических социологических теорий и новейших исследований (2020–2025 гг.) обосновывается тезис о том, что жизнестойкость выступает не альтернативой идеологии успеха, а ее трансформированной формой, адаптированной к условиям системной неопределенности. Рассматриваются уровни жизнестойкости, ее институционализация и амбивалентные социальные последствия.

Ключевые слова: жизнестойкость; идеология успеха; поздний модерн; неопределенность; индивидуализация ответственности

Введение

Современные общества переживают фазу глубокой нормативной трансформации, обусловленной ростом неопределенности, кризисов и нелинейности социальных процессов. Как отмечает Энтони Гидденс, поздний модерн характеризуется рефлексивностью, при которой социальные практики постоянно пересматриваются в условиях риска [4].

Концепция «общества риска», предложенная Ульрихом Беком, фиксирует переход к системному производству неопределенности [2]. Современные исследования показывают, что кризисы (пандемии, войны, экономическая нестабильность) становятся не исключением, а нормой социальной динамики.

Цель статьи – выявить характер трансформации нормативных установок от идеологии успеха к культуре жизнестойкости.

Задачи:

1. Проанализировать идеологию успеха как продукт модерна;
2. Показать причины ее кризиса;
3. Концептуализировать жизнестойкость как новую нормативность;
4. Рассмотреть амбивалентность данной трансформации.

Методология: теоретический анализ, сравнительный подход, синтез классических и современных исследований.

Идеология успеха как нормативный проект модерна

Идеология успеха в современном обществе представляет собой не просто совокупность ценностей или культурных установок, а комплексный нормативно-институциональный механизм, посредством которого социальная система производит, легитимирует и воспроизводит неравенство через индивидуализированные формы ответственности [3];

11; 12]. В рамках данного механизма структурные различия между социальными группами маскируются под различия в индивидуальных способностях, усилиях и жизненных стратегиях.

В классической социологической традиции Макс Вебер показал, что формирование капиталистической рациональности связано с протестантской этикой, в рамках которой профессиональный успех начинает интерпретироваться как косвенное подтверждение моральной состоятельности субъекта [3]. Таким образом, экономическое поведение получает религиозно-нормативное обоснование, а успех становится не только социальным результатом, но и символическим маркером «правильного» образа жизни.

В работах Эмиля Дюркгейма данный процесс может быть интерпретирован через трансформацию форм социальной солидарности. В условиях органической солидарности усиливающаяся дифференциация труда делает индивидуальные достижения функционально необходимыми для поддержания целостности социальной системы [5]. Успех индивида, таким образом, перестает быть исключительно личным событием и становится элементом структурной координации общества.

В структурно-функциональной перспективе Талкотт Парсонс закрепляет этот процесс через институционализацию ценностей достижения целей [7]. Социальная система воспроизводится через механизмы социализации, в рамках которых индивид усваивает норму, согласно которой статус должен быть «заслужен» через достижения, а не предписан происхождением.

Однако наиболее радикальное объяснение устойчивости идеологии успеха дает теория Пьера Бурдьё. В его концепции социальное пространство структурировано распределением различных форм капитала – экономического, культурного, социального и символического [11]. В рамках этой логики «успех» не является нейтральным результатом индивидуальных усилий, а представляет собой эффект неравного доступа к ресурсам, который затем символически переопределяется как «заслуга».

Особое значение здесь приобретает понятие символического насилия: доминирующие классы навязывают легитимные критерии оценки успеха таким образом, что сами эти критерии воспринимаются как естественные и универсальные [11]. В результате социальные различия трансформируются в различия «способностей» и «достижений»,

а структура неравенства становится невидимой для самих участников социального взаимодействия.

Таким образом, идеология успеха функционирует не только как ценностная система, но и как механизм символической легитимации социальной иерархии, в котором:

- структурные преимущества преобразуются в индивидуальные заслуги;
- социальное неравенство приобретает моральное оправдание;
- воспроизводство классовых различий становится скрытым и децентрализованным [11; 12].

В этой перспективе становится особенно важным, что идеология успеха не просто регулирует поведение индивидов, но формирует саму структуру восприятия социального мира, определяя, какие различия считаются «естественными», а какие – социально обусловленными [11].

Именно поэтому ее кризис в позднем модерне носит не поверхностный, а глубоко структурный характер. Ослабление стабильных траекторий успеха и рост неопределенности приводят к тому, что прежняя система легитимации начинает терять объяснительную силу. Однако это не означает ее исчезновения – скорее, она трансформируется, смещаясь в сторону новых нормативных форм, среди которых ключевое место занимает культура жизнестойкости [1; 2; 12].

Переход от идеологии успеха к культуре жизнестойкости: структурная трансформация нормативности

Переход от идеологии успеха к культуре жизнестойкости не следует интерпретировать как простую смену ценностных ориентаций или культурных мод [1; 2]. Речь идет о более глубокой трансформации нормативного порядка позднего модерна, связанной с изменением условий социальной воспроизводимости субъекта, институциональной нестабильностью и кризисом прежних механизмов легитимации неравенства.

В рамках классической модерности, описанной Максом Вебером, социальный порядок поддерживался через рационализированную этику труда, в которой успех выступал как относительно стабильный и прогнозируемый результат дисциплинированного поведения [3]. Позднее, в функционалистской перспективе Талкотта Парсонса, эта логика

была институционализована как нормативное ожидание достижительной ориентации, обеспечивающее интеграцию социальной системы [7].

Однако в позднем модерне эта модель начинает системно разрушаться. В терминах Ульриха Бека общество вступает в фазу «производства риска», в которой источники нестабильности становятся внутренними для самой социальной системы [2]. Это означает, что неопределенность перестает быть отклонением и становится нормальным состоянием социального порядка.

Дополнительное объяснение этого процесса дает Хартмут Роза, анализируя ускорение как фундаментальную характеристику современности [18]. Ускорение социальных изменений, технологических процессов и жизненных траекторий приводит к тому, что устойчивые биографические сценарии, на которых базировалась идеология успеха, теряют свою воспроизводимость. Успех больше не может быть гарантирован ни усилием, ни планированием, поскольку сами условия его достижения постоянно изменяются.

В этой ситуации особенно значим вклад П. Бурдьё. Если в условиях относительно устойчивых режимов воспроизводства социального порядка символическое насилие осуществлялось через натурализацию социальных различий и превращение структурно обусловленных преимуществ в индивидуально воспринимаемые заслуги [11], то в условиях позднего модерна наблюдается ослабление эффективности данного механизма. Разрыв между институциональным обещанием равных возможностей и фактической нестабильностью жизненных траекторий становится все более очевидным, что приводит к кризису символической легитимации самой идеологии успеха.

Именно в этом контексте возникает необходимость новой нормативной логики, которая не предполагает гарантированного достижения, а вместо этого организует социальный порядок вокруг способности к адаптации. Такой логикой руководствуется культура жизнестойкости [13; 14].

Согласно современным исследованиям в области социологии управления и политической теории, жизнестойкость (*resilience*) формируется как новая форма рациональности, в рамках которой ответственность за преодоление нестабильности смещается с институциональ-

ного уровня на уровень субъекта. В работах Дэвида Чендлера показывается, что логика resilience governance предполагает не устранение рисков, а их принятие как неизбежного условия социального существования, с акцентом на способность систем и индивидов «приспосабливаться» к кризисам [13].

Таким образом, происходит ключевой нормативный сдвиг:

- идеология успеха предполагает обещание предсказуемого результата при правильных усилиях [3; 7];
- культура жизнестойкости предполагает непредсказуемость результата при постоянной необходимости адаптации [13; 14].

Если первая логика опирается на стабильные структуры распределения капитала и относительно устойчивые траектории социальной мобильности, то вторая возникает в условиях их фрагментации и нестабильности.

В результате жизнестойкость не отменяет идеологию успеха, а перекодирует ее функции: она сохраняет индивидуализацию ответственности, но смещает фокус с достижения на выживание, с прогресса на адаптацию, с планирования на реактивность [12; 13].

Концептуализация жизнестойкости: от свойства к норме

В современной социологии жизнестойкость перестает пониматься как индивидуальное качество и приобретает статус многоуровневой категории.

Согласно новейшим исследованиям, жизнестойкость представляет собой динамический процесс адаптации к значительным стрессам, включающий разные уровни социальной организации (Frontiers).

Можно выделить три уровня:

1. Индивидуальный – психологическая адаптивность и гибкость;
2. Социальный – сети поддержки, доверие, солидарность;
3. Институциональный – способность систем сохранять функциональность через изменения.

Современные систематические обзоры подчеркивают, что жизнестойкость является многофакторным и контекстуальным явлением, а не устойчивой чертой. Ключевая идея: жизнестойкость – это не альтернатива идеологии успеха, а ее трансформация в условиях невозможности гарантированного достижения.

Жизнестойкость как новая нормативность позднего модерна

В позднем модерне происходит нормативный сдвиг:

Модерн	Поздний модерн
успех	устойчивость
достижение	адаптация
линейная карьера	фрагментарные траектории
контроль будущего	управление неопределенностью

**Ускорение и трансформация субъективности:
от «успеха» к «адаптации»**

Хартмут Роза показывает, что ускорение позднего модерна носит не только технологический или экономический характер, но прежде всего затрагивает социальное время – то есть способы организации жизненных траекторий, планирования будущего и накопления опыта [18]. В условиях ускорения социальные изменения происходят быстрее, чем индивид способен стабилизировать свои биографические стратегии, что приводит к разрыву между планируемым и фактически реализуемым жизненным курсом.

В этой ситуации ключевым становится не столько сам факт нестабильности, сколько ее нормализация как базового условия существования. Если в условиях стабильных режимов социального воспроизводства субъект мог ориентироваться на относительно устойчивые карьерные, образовательные и социальные траектории, то в позднем модерне эти траектории становятся фрагментированными, прерывистыми и зависимыми от внешних событий.

В результате формируется новый тип субъективности, который можно описать как сдвиг от логики достижения к логике адаптации. Если ранее нормативным идеалом выступал «успешный субъект», чья биография мыслится как последовательное накопление достижений, статусов и ресурсов, то в условиях ускорения центральной характеристикой субъекта становится способность к постоянной перестройке собственных стратегий.

Этот переход означает не исчезновение идеологии успеха, а ее функциональную трансформацию:

- успех перестает быть стабильной целью и становится переменной величиной;
- биография перестает быть линейной и становится серией переходных состояний;

- планирование заменяется режимом постоянной коррекции поведения.

Таким образом, формируется субъект, для которого ключевой компетенцией становится не максимизация результата, а поддержание способности функционировать в условиях неопределенности.

Современные исследования в области социологии кризисов и политической теории показывают, что подобная логика постепенно институционализируется. В работах по социальной устойчивости (resilience studies) подчеркивается, что реакция на кризис перестает быть исключительной или чрезвычайной – напротив, она становится обычной формой повседневного социального поведения. Иными словами, жизнестойкость перестает быть реакцией на исключительные события и превращается в норму повседневной адаптации.

В этой перспективе важно подчеркнуть, что жизнестойкость не следует понимать, как «пассивное выживание». Она представляет собой активную форму субъективности, включающую:

- постоянную оценку рисков и возможностей;
- готовность к пересборке жизненных стратегий;
- способность функционировать без гарантированных траекторий успеха.

Тем самым формируется новый нормативный идеал субъекта позднего модерна – не субъект достижения, а субъект адаптивной устойчивости, чья ценность определяется не итоговым результатом, а способностью сохранять функциональность в условиях системной нестабильности.

Институционализация жизнестойкости

Жизнестойкость становится не только культурной нормой, но и управленческой стратегией.

Исследования показывают, что:

- города и государства внедряют стратегии resilience
- формируются новые управленческие роли (например, «resilience officers»)
- акцент смещается с предотвращения кризисов на управление ими

Даже в политическом дискурсе (например, в контексте войны) жизнестойкость становится центральной категорией легитимации.

Двойственность: жизнестойкость как форма власти

Несмотря на позитивный потенциал, культура жизнестойкости обладает выраженной амбивалентностью.

С одной стороны:

- расширяет вариативность жизненных стратегий
- снижает давление идеологии успеха

С другой стороны:

- нормализует нестабильность
- переносит ответственность на индивида

Как отмечает Венди Браун, неолиберальная рациональность превращает индивида в «предпринимателя самого себя» [12].

В этом смысле жизнестойкость не освобождает субъекта, а переопределяет формы его подчинения. Она функционирует как механизм *governmentality*, формируя саморегулирующегося субъекта, способного адаптироваться к нестабильности без требования структурных изменений.

Заключение

Трансформация от идеологии успеха к культуре жизнестойкости отражает более широкий структурный сдвиг в нормативной архитектуре позднего модерна – переход от общества прогресса, основанного на линейных ожиданиях социального роста и предсказуемой биографической мобильности, к обществу системной неопределенности, в котором нестабильность становится не исключением, а базовым условием социального воспроизводства.

В этих условиях жизнестойкость перестает быть периферийной характеристикой индивидуального поведения и приобретает статус центральной нормативной установки. Она институционализирует способность к адаптации к кризисам, фрагментации социальных траекторий и постоянной реконфигурации жизненных стратегий как универсальный критерий социальной адекватности субъекта. Иначе говоря, устойчивость к нестабильности становится новой формой «нормальности», замещающей прежнюю ориентацию на достижение, прогресс и накопление социального капитала.

Однако данный нормативный сдвиг носит принципиально амбивалентный характер. С одной стороны, культура жизнестойкости действительно расширяет функциональные возможности субъекта: она легитимирует гибкость, плюрализм стратегий, отказ от линейных биографий и признание множественности жизненных сценариев. В этом

смысле она может рассматриваться как ответ на объективные изменения социальной реальности, связанные с ускорением, кризисами и ростом неопределенности.

С другой стороны, та же логика жизнестойкости содержит в себе новые формы нормативного давления. Ответственность за адаптацию к нестабильности смещается на уровень индивида, что приводит к усилению индивидуализации рисков и закреплению требований постоянной саморегуляции. В результате структурные ограничения и институциональные дефициты все чаще интерпретируются не как социальные проблемы, а как задачи индивидуальной адаптации. Таким образом, расширение автономии субъекта одновременно сопровождается усилением скрытых механизмов социального контроля.

В этой перспективе жизнестойкость может рассматриваться не как противоположность идеологии успеха, а как ее трансформированная форма, сохраняющая ключевой принцип индивидуализированной ответственности, но переформатирующая критерии оценки социального поведения: от достижения результата – к способности поддерживать функциональность в условиях нестабильности.

Перспективным направлением дальнейших исследований является анализ гибридных нормативных режимов позднего модерна, в которых идеология успеха и культура жизнестойкости не сменяют друг друга линейно, а сосуществуют в состоянии напряженного взаимодействия и взаимной трансформации. В таких режимах успех продолжает функционировать как символический ориентир, тогда как жизнестойкость выступает как практический механизм адаптации к нестабильным условиям его достижения.

Особого внимания требует изучение того, каким образом эти два нормативных комплекса перераспределяют ответственность между институтами и индивидами, а также каким образом они совместно формируют новые режимы субъективации в условиях позднего модерна.

Список литературы

1. Бауман, З. Текущая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
2. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.

3. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма. – М.: АСТ, 2020. – 352 с.
4. Гидденс, Э. Последствия модерности. – М.: Праксис, 2011. – 352 с.
5. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. – М.: Канон+, 2016. – 464 с.
6. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. – М.: Наука, 2019. – 280 с.
7. Парсонс, Т. Система современных обществ. — М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
8. Сен, А. Развитие как свобода. – М.: Новое издательство, 2004. – 432 с.
9. Яницкий О. Н. Социология риска. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 256 с.
10. Alexander, J. C. The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 304 p.
11. Boltanski, L., Chiapello, E. The New Spirit of Capitalism. – London: Verso, 2005. – 664 p.
12. Brown, W. Undoing the Demos: Neoliberalism’s Stealth Revolution. — New York: Zone Books, 2015. – 297 p.
13. Chandler, D. Resilience: The Governance of Complexity. – London: Routledge, 2014. – 218 p.
14. Evans, B., Reid, J. Resilient Life: The Art of Living Dangerously. – Cambridge: Polity Press, 2014. – 200 p.
15. Resilience as a Multilevel Social Process // *Frontiers in Sociology*. – 2025. сайт. – URL: <https://www.frontiersin.org> (дата обращения: 10.04.2026).
16. Resilience in the Context of War // *Cambridge Review of International Studies*. – 2024. – URL: <https://www.cambridge.org> (дата обращения: 10.04.2026).
17. Resilience: A Systematic Review // *MDPI Social Sciences*. – 2025. сайт. – URL: <https://www.mdpi.com> (дата обращения: 10.04.2026).
18. Rosa, H. Social Acceleration: A New Theory of Modernity. – New York: Columbia University Press, 2013. – 512 p.
19. Sennett, R. The Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism. – New York: W. W. Norton & Company, 1998. – 176 p.

20. Standing, G. *The Precariat: The New Dangerous Class*. – London: Bloomsbury Academic, 2011. – 198 p.

21. *Systemic Uncertainty in Contemporary Societies* // *Nature Human Behaviour*. – 2024. сайт. – URL: <https://www.nature.com> (дата обращения: 10.04.2026).

22. Walker, J., Cooper M. *Genealogies of Resilience: From Systems Ecology to the Political Economy of Crisis Adaptation* // *Security Dialogue*. – 2011. – Vol. 42, no. 2. – P. 143–160. – DOI: 10.1177/0967010611399627.

Gutova Anastasia Alekseevna

Assistant Professor of the Department of Sociology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: nastya.gutova@yandex.ru

FROM THE IDEOLOGY OF SUCCESS TO THE CULTURE OF RESILIENCE: THE TRANSFORMATION OF NORMATIVE ORIENTATIONS IN LATE MODERNITY

Abstract. The article examines the transformation of normative frameworks in the context of late modernity—from the dominance of the ideology of success to the emergence of a culture of resilience. Drawing on a synthesis of classical sociological theories and recent studies (2020–2025), the article argues that resilience is not an alternative to the ideology of success, but rather a reconfigured form adapted to conditions of pervasive systemic uncertainty. The paper explores the different levels of resilience, its institutionalization, and its ambivalent social consequences.

Key words: resilience; ideology of success; late modernity; uncertainty; individualization of responsibility

Дементьева Анастасия Ивановна
студентка кафедры социологии
Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail: nasta280409@mail.ru

Орлик Елена Николаевна
кандидат философских наук, доцент кафедры социологии
Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail: enorlik@mail.ru

ЦЕННОСТИ БРАКА И СЕМЬИ В ВОСПРИЯТИИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматривается трансформация ценностей брака и семьи среди молодежи под влиянием процессов цифровизации. Актуальность исследования обусловлена активным внедрением цифровых технологий во все сферы жизни общества, что особенно сильно затрагивает молодежь как наиболее адаптивную группу населения. Целью работы является рассмотрение основных тенденций изменения семейно – брачных ценностей молодежи в условиях цифровой среды. Цифровая среда не просто отражает, но активно конструирует ценностные ориентации молодежи.

Ключевые слова: молодежь; цифровизация; цифровая среда; ценности; индивидуализация; семейные ценности; ценности брака

Современное общество характеризуется интенсивным развитием цифровых технологий, которые оказывают существенное влияние на социальные институты, включая семью и брак. Молодежь является наиболее адаптивной группой населения к новым цифровым изменениям, поэтому она первой демонстрирует изменение в ценностных ориентациях. В условиях цифровизации происходит не только изменение форм коммуникации, но и переосмысление ценностей.

Ценности общества находятся в состоянии постоянной трансформации под влиянием социальных изменений. Интернет не просто отражает ценности молодежи – он активно конструирует их, что приводит к переосмыслению традиционных социальных институтов. Это свидетельствует о том, что система ценностей молодежи не является статичной, а она развивается в зависимости от внешних условий. При этом в

отличие от старших поколений, современные молодые люди усваивают эти ценности в условиях гиперподключенного мира, где цифровые платформы, социальные сети и онлайн – сообщества становятся ключевыми агентами социализации [1].

Семья традиционно выступает проводником социальных ценностей, обеспечивая стабильность общества и передачу культурных норм. Это подтверждает устойчивость семьи как социального института даже в условиях трансформаций. При этом их содержание с появлением цифровой среды меняется. Современная молодежь стремится к эмоциональной насыщенности отношений. К примеру, в исследовании Рожковой Л. В. и Дубиной А. Ш. отмечается, что молодые респонденты в будущем спутнике жизни ищут прежде всего эмоциональную связь, комфорт, поддержку и любовь [5]. Это указывает на смещение внимания на личностно – психологические характеристики. При этом инструментальные характеристики (такие как материальное положение, социальный статус и жилье) не исчезают полностью, но отодвигаются на второй план. Молодые люди считают, что эти вопросы можно решить совместно, в процессе построения отношений, тогда как эмоциональная совместимость либо существует изначально, либо ее нет. Такое перераспределение ценностей во многом связано с цифровой средой, где проявление чувств и поддержки стало более явной и публичной.

Цифровизация оказывает значительное влияние на формирование ценностей. Она трансформирует способы взаимодействия, расширяет коммуникационные возможности, но при этом создает новые трудности. Так, Наберушкина Э. К., Бессчетнова О. В. и Судоргин О. А. в своей работе пишут о том, что молодежь осознает значимость семьи, но переосмысляет ее функции и место в собственной жизни [4]. Институт семьи в условиях цифровизации общества вынужден принимать роли других агентов в социализации новых поколений. Например, социальные сети формируют определенные образцы семейного поведения. Блогеры показывают «идеальные» отношения, что создает завышенные ожидания у молодежи. Сравнение своей реальной жизни с «идеальными» картинками из социальных сетей приводит к разочарованию в партнере и в браке. В ходе этого происходит изменение ценностей, смотря на «идеальные» картинки. Таким образом, ориентация на виртуальные образцы замещает сложившуюся систему семейных

ценностей, тем самым ослабляя внутреннюю мотивацию молодежи к созданию крепкого и долгосрочного брака.

Тем не менее, семейные ценности входят в жизненные планы молодежи. По последним социологическим исследованиям, многие молодые семьи не спешат обзаводиться детьми в первые годы супружеской жизни [2]. Это свидетельствует о том, что на первый план выходит личностное развитие, профессиональная реализация и достижение финансовой стабильности. Многие пары сознательно откладывают рождение детей, чтобы получить образование, закрепиться на рынке труда и улучшить жилищные условия. Молодые люди посредством интернета получают множество примеров успешной карьеры, путешествий и они не хотят отказываться от этих возможностей ради раннего родительства. Онлайн – образование, удаленная работа позволяет строить карьеру, не привязываясь к месту жительства, но одновременно требует времени и энергии, которые могли бы быть направлены на семью. Трансформация семейных ценностей обусловлена стремлением к самореализации. Это не отказ от семьи как ценности, а перераспределение жизненных целей в условиях новых возможностей.

В цифровой среде формируются и новые представления о браке. Он все чаще воспринимается не как обязательный этап взросления, а как осознанный выбор, основанный на личной готовности и эмоциональной зрелости партнеров. Социальные сети активно транслируют разнообразные модели семейного уклада, что расширяет молодежное восприятие института брака и семьи.

Тем не менее, цифровизация не приводит к полному отказу от традиционных ценностей, скорее, она их модернизирует. Сегодня молодежь стремится выстроить такую модель семьи, которая будет соответствовать их внутренним запросам и ожиданиям.

Таким образом, семья перестает быть жесткой структурой и превращается в более гибкую модель, которую молодежь конструирует с учетом личных приоритетов.

Список литературы

1. Большаков, С. Н., Большакова, Ю. М. К вопросу о ценностях общества и молодежи // Управленческое консультирование. – 2025. – № 4. – С. 149–170.
2. Каримова, Л., Толстоухова, Е. Взгляды молодежи на создание семьи и семейные ценности в современном обществе (на примере Пензенской области) // Социологические исследования. – 2025. – № 4. – С. 64–75.
3. Козловский, В. В., Панкратова, Л. С., Светлов, Р. В. Ценности семьи в представлениях студентов российских вузов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2025. – Т. 25. № 4. – С. 649–668.
4. Наберушкина, Э. К., Бессчетнова, О. В., Судорогин, О. А. Семья и семейные ценности в представлениях молодого поколения // Журнал исследований социальной политики. – 2024. – Т. 22. № 4. – С. 697 – 714.
5. Рожкова, Л. В., Дубина А. Ш. Семейные ценности современной молодежи // Известия Саратовского университета. – 2023. – Т. 23. № 2. – С. 138–142.

Dementyeva Anastasia Ivanovna

Student, Department of Sociology, Vladimir State University, Vladimir

Email: nasta280409@mail.ru

Orlik Elena Nikolaevna

*PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir*

Email: enorlik@mail.ru

THE VALUE OF MARRIAGE AND FAMILY IN THE PERCEPTION OF YOUTH IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF SOCIETY

Abstract. The article examines the transformation of marriage and family values among young people under the influence of digitalization processes. The relevance of the study is due to the active introduction of digital technologies in all areas of social interaction, which particularly affects

young people as the most adaptive group of the population. The purpose of the work is to consider the main trends in the changing family and marriage values of young people in the digital environment. The digital environment not only reflects, but actively constructs the value orientations of young people.

Keywords: Youth; digitalization; digital environment; values; individualization; family values; marriage values

Желинская Мария Андреевна

аспирант

*ФГБОУ ВО «Российский Государственный
Педагогический Университет им. А. И. Герцена»,*

г. Санкт-Петербург

E-mail: marya.sukhanova@mail.ru

ВЛИЯНИЕ УЧАСТИЯ В СТУДЕНЧЕСКИХ СПОРТИВНЫХ КЛУБАХ НА СОЦИАЛЬНУЮ АДАПТАЦИЮ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Студенческие спортивные клубы (ССК), созданные сегодня во многих российских вузах, должны способствовать физическому развитию обучающихся. Мы предлагаем рассматривать стоящие перед ССК задачи в более широком спектре, включая сюда и социальную составляющую деятельности клуба. Работая в структуре ССК в качестве функционера, студент получает полезные навыки в самых различных сферах: организация мероприятий, финансовое планирование и контроль, ведение переговоров и т.п. Кроме того, эта деятельность активно способствует самоактуализации молодого человека. Указанные аспекты, подробно обсуждаемые в данной статье, нашли отражение в предлагаемом авторском определении понятия «студенческий спортивный клуб».

Ключевые слова: студенческий спортивный клуб; социальная адаптация и самоактуализация студентов; современный специалист; гармоничное развитие личности; лица с ограниченными возможностями

О положительном влиянии регулярных физических нагрузок на организм человека, в том числе и на когнитивную деятельность, известно давно. Первоначально знания носили отрывочный, эмпирический характер, но примерно с конца XIX-го века начато проведение целенаправленных исследований. А самые последние работы в этой области позволили не только констатировать факты, но и конкретизировать механизмы, лежащие в основе улучшения когнитивных способностей человека под влиянием физических упражнений.

Вполне естественно, что специалисты в сфере высшего образования постоянно обращают внимание на необходимость совершенствования спортивной подготовки студентов вузов. Это может быть достигнуто как за счет улучшения качества занятий по физической культуре, проводимых в рамках учебного процесса, так и за счет спортивной работы, осуществляемой за рамками такового через занятия студентов в специализированных спортивных секциях, участие в соревнованиях различного ранга, проведение спортивно-массовых мероприятий для студентов и сотрудников вузов и членов их семей. Для организации и координации спортивной подготовки студентов, протекающей «сверх» расписания, в вузах страны создана и успешно функционирует система студенческих спортивных клубов (ССК).

Рассматривая деятельность ССК, можно условно разделить ее на две основных составляющих. Первой является собственно «спортивная», связанная непосредственно с тренировочным и соревновательными процессами. Второй составляющей является «клубная», которая заключается в административной деятельности клуба, как управляющей структуры. В настоящей статье мы хотели бы более подробно остановиться именно на «клубной» составляющей и рассмотреть ее роль в социальной адаптации молодых людей.

Рассматривая роль студентов в работе ССК, нужно, прежде всего, упомянуть о том, что в соответствии с приказом Минобрнауки РФ студенческие спортивные клубы могут осуществлять свою деятельность в двух организационных формах: в качестве структурного подразделения вуза и в форме общественного объединения, не являющегося юридическим лицом [1]. Одновременно письмом Минобрнауки РФ рекомендован постепенный переход к типовой модели ССК [3], которая сочетает в себе опыт штатных работников (администраторы, тренеры, инструкторы) с энергией молодых людей – студентов, для которых,

собственно, и созданы эти клубы. Указанная типовая модель предусматривает обязательное вовлечение студентов в процесс управления ССК, ибо, как отмечал известный российский социолог А.В.Тихонов, «Социальное управление, в котором не участвуют те люди, для решения проблем которых оно создано, просто перестает быть управлением и становится элементарной и беззастенчивой манипуляцией людьми...» [6].

Почему же мы считаем, что «клубная» деятельность в структурах ССК не менее важна для молодых людей, чем собственно «спортивная»?

Тому две основных причины.

Первая заключается том, что в современных условиях из стен вуза должен выходить не просто специалист, овладевший профессиональными знаниями в определенной области, но и человек, обладающий определенным опытом организаторской и управленческой деятельности. Выпускники приходят на работу в различные организации, в том числе и на руководящие должности (прораб на стройке, мастер смены на заводе, главный зоотехник сельскохозяйственного предприятия и т.п.). Получив в ходе обучения необходимую теоретическую подготовку, они, как правило, не имеют достаточных навыков управленческой деятельности, поскольку последние формируются не иначе, как на базе собственного опыта. Если так можно выразиться, «техническая» адаптация молодого специалиста явно опережает «социальную». Здесь уместным будет сравнение с подготовкой водителя автомобиля. Вы можете прекрасно знать правила дорожного движения, но при выезде в город все равно первое время будете теряться. Здесь важно не только правильно трактовать знаки и дорожную разметку и действовать в соответствии с их требованиями, но и уметь предвидеть возможные действия других участников движения в зависимости от внешних проявлений их намерений. А это умение приходит только с собственным опытом – иного пути нет. Для студентов работа в структуре ССК как раз и становится школой управленческой деятельности. Работая в структуре клуба в качестве функционера, молодой человек получает навыки в области организации мероприятий, финансового учета и планирования, ведения переговоров, работы с нормативно-правовой документацией, общения с масс-медиа и т.п. Вне зависимости от того, кем предстоит стать вчерашнему студенту в его будущей жизни,

эти навыки всегда будут востребованы, а уж руководителю они важны тем более.

Второй причиной, обуславливающей важность «клубной» составляющей в деятельности ССК, является возможность скорейшей социальной адаптации молодого человека и его самоактуализации. Как отмечал А.С. Королев, изучавший влияние ССК на социальную активность молодежи, «... спортивные клубы в вузе несут в себе мощнейший потенциал социального развития студентов, так как обеспечивают все стороны их развития, отвечающие за коммуникацию в студенческом сообществе, за самореализацию каждого студента как активного и функционально полноценного члена социума» [2]. Мы полностью разделяем это мнение, однако считаем более правильным говорить не о «самореализации», а о «самоактуализации» студента. Термин «самореализация» семантически восходит к латинскому «realis», что означает «вещественный, действительный». Таким образом, говоря о самореализовавшемся человеке, мы обычно подразумеваем, что он достиг чего-то конкретного на определенном поприще, то есть должно быть некое внешнее, вещественное проявление этой самореализации. Например, аспирант защитил диссертацию, над которой упорно трудился несколько лет, и, став кандидатом наук, он, таким образом, «самореализовался». «Самоактуализация» (от латинского actus – «действие») же не подразумевает какого-то внешнего проявления (хотя и не отвергает его). Здесь гораздо важнее собственное, внутреннее ощущение, выражающееся в отношении человека к своей деятельности и оценке ее результатов. Участвуя в работе структур ССК, студент постепенно начинает чувствовать сопричастность к большому делу и ощущать себя пусть лишь небольшой, но при этом важной и неотъемлемой частью большой команды, решающей конкретные задачи. С одной стороны, это повышает его самооценку, а с другой – является своеобразным стабилизирующим фактором, позволяющим адаптироваться к изменению окружающей среды. Вчерашний школьник, выросший в семье, после поступления в вуз оказывается в новой обстановке – особенно, если этот вуз расположен в другом городе. Здесь все не так, как прежде: общежитие, где постоянно приходится пребывать в обществе доселе незнакомых ему людей, каждый из которых имеет свои привычки; новый «рабочий» режим – лекции и семинары вместо привычных уроков; необходимость обслуживать себя самому, в том числе и в

самых мелких вопросах и тому подобное. Эти обстоятельства в совокупности составляют некий психологический пресс, давление которого ложится на плечи еще не сформировавшегося, по сути, человека. И работа в структуре студенческого спортивного клуба является одним из средств решения этой проблемы. Находясь в составе команды, костяк которой составляют такие же студенты, как он сам, молодой человек уже не чувствует себя одиноким. Он видит, что окружен такими же, как он, молодыми людьми, многие из которых сталкиваются с теми же проблемами. Он понимает, что, раз они способны справиться с этими проблемами, значит, и он сможет это сделать. Он знает, что в случае необходимости товарищи по клубу сделают все возможное, чтобы поддержать его. Это и есть на деле самоактуализация, важность которой подчеркнул профессор Н. Л. Захаров, отметив, что «...управление человеческими ресурсами – это генеральная направленность на самоактуализацию личности в профессиональной деятельности в системе управления персоналом» [1].

Важным (и, на наш взгляд, в значительной мере недооцененным) аспектом «клубной» составляющей деятельности ССК является возможность вовлечения в нее студентов из числа лиц с ограниченными физическими возможностями. Для них работа в клубе становится своеобразной отдушиной, возможностью социализироваться и приносить общественную пользу, реальным путем к самоактуализации. Мощными внутренними мотиваторами для таких функционеров служат осознание личной причастности к успешным выступлениям спортсменов и команд вуза на соревнованиях различного ранга. Кроме того, для людей с ограниченными возможностями это хороший повод расширить собственные горизонты, реально соприкоснуться с ранее неизведанным пластом человеческой деятельности и, возможно, со временем перейти к активным шагам в виде занятий теми или иными видами адаптивного спорта. С другой стороны, члены администрации клуба при подобном подходе объективно имеют возможность более тесно общаться с такими студентами, «из первых рук» узнавая о тех проблемах, с которыми они сталкиваются. Аккумулируя эту информацию, клуб может выходить на руководство вуза с конкретными предложениями по созданию и совершенствованию в стенах заведения доступной среды для лиц с ограниченными возможностями, а также по развитию адаптивных видов спорта (введение соответствующих специалистов в

штат преподавателей кафедры физического воспитания, формирование команд, организация тренировочного процесса и участия спортсменов вуза в соревнованиях по параолимпийским видам).

В связи с вышеизложенным нам представляется необходимым обратиться к определению понятия «студенческий спортивный клуб» с целью его конкретизации.

Целый ряд источников (см., напр. [5]) определяет ССК, как «организацию, призванную развивать студенческий спорт в университете, как массовый, так и спорт высших студенческих достижений».

А. А. Чернышева, анализируя эффективность работы ССК, дает следующее определение: «Студенческий спортивный клуб – это некоммерческая общественная организация, объединяющая студентов и аспирантов университета для развития спорта, пропаганды спортивного движения и здорового образа жизни» [7].

Уже упоминавшееся письмо Минобрнауки [3] определяет ССК, как «субъект студенческого спорта в образовательной организации, осуществляющий внеучебную деятельность, направленную на вовлечение обучающихся в занятия физической культурой и спортом, а также на развитие и популяризацию студенческого спорта в образовательной организации, участие в которой принимают обучающиеся, сотрудники и абитуриенты образовательной организации, в том числе на безвозмездной основе».

На наш взгляд, недостатком вышеперечисленных определений является акцент исключительно на спортивной и оздоровительной составляющей. Мы же вновь хотим подчеркнуть, что социальная составляющая в деятельности ССК не менее важна. Поэтому нами предлагается авторское определение, которое, на наш взгляд, отражает более широкую роль ССК в жизни вузов:

«Студенческий спортивный клуб (ССК) – субъект образовательной организации, осуществляющий внеучебную деятельность среди обучающихся и сотрудников, направленную на развитие и популяризацию спорта, пропаганду здорового образа жизни, способствующую самоактуализации молодых людей и формированию у них навыков, необходимых в будущей профессиональной деятельности».

Список литературы

1. Захаров, Н. Л., Кузнецов, А. Л. Управление социальным развитием организации: учебник / М: «Инфра-М» – 2019. – 208 с.
2. Королев, А. С. Студенческий спортивный клуб и его потенциал в формировании социальной активности студенческой молодежи. // Ученые записи Университета им П.Ф.Лесгафта. – 2022. – № 10 (212), – С. 196–202.
3. О типовой модели студенческого спортивного клуба. Письмо Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 05.09.2022 № МН-11/2713.
4. Порядок осуществления деятельности студенческих спортивных клубов (в том числе в виде общественных объединений), не являющихся юридическими лицами. Утв. Приказом Министерства науки и высшего образования РФ от 23.03.2020 № 462
5. Раскин Е. О., Русанов Д. Ю., Мокрецова Ю. М., Итин А. Л. Студенческий спортивный клуб. Начало. Методическое пособие по созданию и развитию студенческого спортивного клуба. – СПб: Университет ИТМО, 2016. – 84 с.
6. Тихонов, А. В. Об институализации управления в современной России // Управленческое консультирование – 2010. – № 1. – С. 59–75.
7. Чернышева, А. А. Студенческие спортивные клубы, их эффективность и недостатки / А. А. Чернышева. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 19 (518). – С. 393–396. сайт. – URL: <https://moluch.ru/archive/518/113856/> (дата обращения: 20.03.2026).

Zhelinskaya Marya Andreevna

Postgraduate student

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education

"A.I. Herzen Russian State Pedagogical University", St. Petersburg

Email: marya.sukhanova@mail.ru

THE IMPACT OF PARTICIPATION IN STUDENT SPORTS CLUBS ACTIVITY ON THE SOCIAL ADAPTATION OF YOUNG PEOPLE

Abstract. Student sports clubs (SSC) are established today in many Russian universities to improve a physical development of students. We propose to consider the tasks of SSC activities in a broader range, including the

social component. Working in the structure of the SSC as a functionary, the student acquires useful skills in various fields: event management, financial planning and control, negotiation, etc. In addition, this activity contributes to the self-actualization of a young person. These aspects, discussed in detail in this article, are reflected in the author's proposed definition of the concept of "student sports club".

Keywords: Student sports club; social adaptation and self-actualization of students; modern specialist; harmonious personality development; persons with disabilities

*Запретилова Дарья Романовна
студентка кафедры социологии*

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: zapretilova33@mail.ru

Аргунова Вера Николаевна

доктор социологических наук, профессор кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: v_argunova@mail.ru

КАРЬЕРНЫЕ УСТРЕМЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖЕЙ И ВУЗОВ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ВСЕРОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ

Аннотация. В статье анализируются карьерные траектории российской молодежи в зависимости от выбранного образовательного маршрута – высшего или среднего профессионального образования. На основе данных когортного панельного исследования «Траектории в образовании и профессии» (2011–2023 гг.) выявлены ключевые различия между студентами вузов и выпускниками колледжей в уровне доходов, занятости по специальности, семейном поведении и квалификационных характеристиках. Показано, что карьерные успехи молодого человека во многом предопределены его социальным происхождением и образовательной траекторией, а наличие диплома само по себе не гарантирует трудоустройства по специальности. Новизна статьи заключается в лонгитюдном сопоставлении реальных образовательных и профессиональных траекторий двух социальных групп на протяжении

12 лет, что позволяет оценить долгосрочные эффекты выбора между вузом и колледжем.

Ключевые слова: карьерные траектории; высшее образование; среднее профессиональное образование; молодежь; рынок труда

Выбор между вузом и колледжем сегодня во многом определяет будущее молодежи – от профессиональной реализации до социальной траектории. Анализ этих различий необходим для формирования сбалансированной образовательной и кадровой политики в стране, что в дальнейшем повысит социальную стабильность и экономический потенциал России.

Карьерные устремления современной молодежи – это не просто вопрос личных амбиций или выбора профессии, за ними стоят более глубокие процессы: как молодые люди представляют свое будущее, какие ориентиры задает им семья, как устроена система образования и рынок труда. Выбор после школы – куда поступать в вуз или колледж – во многом определяет дальнейшую жизнь: когда человек начнет работать, сколько будет зарабатывать, когда создаст семью и решится ли на рождение детей. Сегодня в России сохраняется тенденция, что все больше молодых людей выбирают среднее профессиональное образование, и этот выбор становится все более разнообразным.

Чтобы понять, как складываются карьерные траектории у тех, кто учится в вузах, и у тех, кто получает образование в колледжах, обратимся к данным всероссийского социологического исследования, проведенного на основе когортного панельного исследования «Траектории в образовании и профессии» (ТрОП). В рамках этого проекта на протяжении 12 лет (с 2011 года) отслеживался путь одних и тех же школьников, и к 25 годам среди них сформировались две основные группы – студенты вузов и выпускники колледжей [1]. Именно эти две социальные группы были взяты для анализа, чтобы сравнить, как разный образовательный маршрут влияет на дальнейшую профессиональную жизнь.

Для анализа карьерных траекторий молодежи исследование можно разделить на две группы. Первое посвящено студентам вузов, где исследователи смотрели на их ожидания — какую зарплату они планируют получать после окончания вуза, собираются ли работать по

специальности и в какой сфере видят себя [2]. Второе исследование посвящено выпускникам колледжей, в выборку вошла молодежь, у которых к 25 годам среднее профессиональное образование стало наивысшим достигнутым уровнем. Здесь анализировали не только ожидания, а реальные жизненные пути – как менялось положение каждого в образовании и на рынке труда из года в год [1].

Обратимся сначала к студентам вузов: они в среднем рассчитывают получать после окончания учебы около 47 тысяч рублей, тогда как реальные стартовые зарплаты выпускников, по данным Росстата, составляют около 24 тысяч, то есть студенты склонны переоценивать свои будущие доходы. И эти ожидания распределяются неравномерно: юноши надеются на зарплату почти на 40% выше, чем девушки, а студенты из семей, где родители имеют высшее образование, – на 20% больше, чем те, чьи родители не получили высшего. Успеваемость в вузе практически не влияет на эти ожидания, т.к. для работодателей важнее не оценки, а репутация самого университета, и студенты это хорошо понимают. Статус вуза действительно играет большую роль: студенты ведущих университетов ожидают зарабатывать примерно на 30% больше, чем их сверстники из обычных вузов. Профиль подготовки тоже имеет значение, будущие программисты и инженеры настроены на самые высокие зарплаты, тогда как студенты аграрных, гуманитарных и педагогических направлений рассчитывают на гораздо более скромные доходы. Что касается планов работать по специальности, то две трети студентов вузов отмечают о своем намерении трудоустройства по специальности, причем девушки чаще, чем юноши, выбирают такой путь, а среди отличников работать по специальности планируют почти 80%, тогда как среди троечников меньше половины. Каждый третий студент видит себя в частной компании, каждый пятый – в бюджетной сфере или органах власти, а каждый десятый в свою очередь собирается заняться предпринимательством, где юноши чаще ориентируются на частный сектор, а девушки – на бюджетную сферу [2].

Теперь обратимся к выпускникам колледжей: среди тех, кто к 25 годам имеет диплом о среднем профессиональном образовании, выделились пять типичных траекторий.

Первая – короткая линейная: в нее попадают в основном мужчины, которые после 9 класса идут на программы подготовки рабочих,

быстро трудоустраиваются на постоянную работу и к 25 годам зарабатывают больше всех среди выпускников колледжей, так как рано начали работать и накопили опыт [1].

Вторая – длинная линейная: здесь преобладают женщины, которые учатся дольше, выбирают программы подготовки специалистов среднего звена, часто в медицине, и затем тоже успешно находят постоянную работу [1].

Третья – неактивная, она является самой проблемной. К ней относятся выпускники, которые получили рабочую профессию, но после колледжа не могут найти постоянную работу и подолгу находятся в неустойчивом положении, причем это молодые люди из семей с низким достатком, живущие в регионах со слабой экономикой, и зарабатывают они меньше всех [1].

Другие две необычные траектории выглядят иначе: поздний переход – путь детей из обеспеченных семей, которые получили среднее профессиональное образование, затем пошли в вуз и к 25 годам еще продолжают обучение, часто совмещая учебу с работой. И последняя – это неопределенная траектория – характеризуется большим количеством образовательных и карьерных переходов. Для некоторых из них выбор в пользу колледжа стал вынужденным из-за отсева из старшей школы или из вуза [1].

Если сравнить выпускников вузов и колледжей, самое заметное различие в семейном положении: к 25 годам среди выпускников колледжей почти 40% состоят в браке, и треть стала родителями, а среди выпускников вузов только около 20%, и из них только 7% имеют детей [1]. Это говорит о том, что выпускники колледжей взрослеют быстрее и чаще придерживаются традиционного семейного уклада, а студенты вузов откладывают создание семьи на потом.

Различаются также группы и по отношению к работе по специальности: среди студентов вузов две трети планируют работать по специальности [2], тогда как среди выпускников колледжей в реальности только половина работает по-полученной профессии [1].

Важно посмотреть на уровень квалификации работы: среди выпускников вузов, по данным исследования, большинство заняты на рабочих местах, требующих высшего образования, что вполне ожидаемо. Однако здесь есть важная деталь: значительная часть выпускников

университетов, особенно из неселективных вузов, оказывается на позициях, не соответствующих полученной квалификации, – это так называемая избыточная квалификация, когда человек с дипломом о высшем образовании вынужден работать на месте, где достаточно среднего профессионального образования [2]. При этом среди выпускников колледжей ситуация иная и зависит от траектории, выделенных ранее. В короткой линейной траектории (мужчины, рабочие профессии) преобладает занятость на местах начального профессионального уровня. В длинной линейной (женщины, специалисты среднего звена) и в позднем транзите (переход в вуз) женщины чаще занимают должности, требующие высшего образования [1]. Однако, несмотря на более высокую квалификацию, зарплата у женщин остается значительно ниже, чем у мужчин: так выпускницы колледжей зарабатывают в среднем в два раза меньше сверстников. Самый большой разрыв в заработной плате в неактивной траектории (2,3 раза), а наименьший в неопределенной (1,5 раза). Даже в самых успешных группах мужчины из позднего транзита получают 51 тысячу рублей, а женщины из наиболее доходной для них неопределенной траектории – только 34 тысячи [1]. Это подтверждает, что даже при более высокой квалификации и образовании гендерный разрыв в оплате труда сохраняется, и объясняется он лишь отчасти выбором профессий, а в большей степени – устойчивыми диспропорциями на рынке труда.

Подводя итог, можно сказать, что карьерные планы и реальные пути молодежи в России сегодня во многом определяются тем, из какой семьи человек вышел и какой образовательный маршрут выбрал. Студенты вузов, особенно из престижных университетов, чаще происходят из семей с высоким достатком, настроены на долгую учебу, поздно заводят семью и стремятся в высокооплачиваемые сферы. Выпускники колледжей – группа гораздо более разнообразная по своим социальным истокам, карьерным стратегиям и жизненным результатам. Данное исследование показывает, что наличие диплома само по себе не гарантирует успешного трудоустройства, поскольку реальные карьерные возможности молодого человека во многом предопределены его образовательным маршрутом и теми возможностями, которые открывались перед ним на каждом этапе этого пути.

Список литературы

1. Жизнь после колледжа: образовательно-карьерные маршруты молодежи на материале лонгитюдного исследования / Н. Я. Розенфельд, В. А. Мальцева; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2024. – 60 с. – 100 экз. – (Современная аналитика образования. № 5 (79)).

2. Карьерные ожидания студентов российских вузов / Е. Ю. Шибанова, С. С. Малиновский, М. М. Тойлуг-оол, А. И. Дудина; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. — М.: НИУ ВШЭ, 2021. – 36 с. – 200 экз. – (Факты образования № 2 (36)).

3. Легут, К. Д., Лукина А. А., Гаджиев, А. А. Образовательно-карьерные маршруты российской молодежи: что мы узнали за 12 лет исследования ТрОП. сайт. – URL: <https://trec.hse.ru/anniversary/> (дата обращения: 21.03.2026)

Zapretilova Daria Romanovna

Student of the Department of Sociology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: zapretilova33@mail.ru

Argunova Vera Nikolaevna

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: v_argunova@mail.ru

CAREER AIMS OF COLLEGE AND UNIVERSITY STUDENTS: RESULTS OF ALL-RUSSIAN SOCIOLOGICAL SURVEYS

Abstract. The article analyzes the career trajectories of Russian youth, depending on the chosen educational route – higher or secondary vocational education. Based on the data of the cohort panel study "Trajectories in Education and Profession" (2011–2023), key differences between university students and college graduates in terms of income levels, employment in their field of study, family behavior, and qualification characteristics are identified. It is shown that a young person's career success is largely determined by their social background and educational trajectory, and having a diploma

does not guarantee employment in their field of study. The novelty of the article lies in the longitudinal comparison of the actual educational and professional trajectories of two social groups over a period of 12 years, which allows us to assess the long-term effects of choosing between a university and a college.

Key words: career paths; higher education; secondary vocational education; youth; labor market

Иванова Алиса Денисовна
студентка кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: alisaiva2004@gmail.com

Аргунова Вера Николаевна

доктор социологических наук, профессор кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: v_argunova@mail.ru

ФИТНЕС ДЛЯ ИЗБРАННЫХ И ЗАПУСТЕНИЕ ДВОРОВЫХ ПЛОЩАДОК: КАК КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ СПОРТА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ УГЛУБИЛА РАЗРЫВ МЕЖДУ СЛОЯМИ НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируется трансформация сферы физической культуры и спорта в постсоветской России в контексте рыночных преобразований. Исследуется переход от советской модели спорта для всех к коммерциализированной индустрии фитнеса, ставшей инструментом социальной стратификации. Особое внимание уделяется процессам упадка муниципальных плоскостных сооружений, приватизации ведомственных стадионов и их трансформации в развитие недвижимости. Высказывается мнение о возникновении инфраструктурного неравенства, где право на здоровый образ жизни становится зависимым от экономического статуса человека.

Ключевые слова: коммерциализация спорта; социальное неравенство; постсоветская Россия; фитнес-индустрия; общество; городская среда

Переход к рыночной экономике в 1990-е годы радикально изменил ландшафт повседневности российского человека. Одним из наиболее наглядных примеров этого процесса стала сфера физической культуры. Если советская идеология позиционировала спорт как «народное достояние» и инструмент воспитания здорового строителя социализма, то в постсоветский период он превратился в объект купли-продажи. Цель данной статьи – проследить, как экономические изменения отразились на физической доступности спорта для различных слоев населения.

Советская система физического воспитания не была рыночной услугой – она являлась частью государственной политики воспроизводства трудовых ресурсов.

В переходный период 1990-х и начало 2000-х годов в России произошла радикальная смена парадигмы физической активности. Спорт перестал быть инструментом государственного идеологического воспитания и превратился в маркер социального статуса.

Согласно теории Т. Веблена о «демонстративном потреблении», в постсоветском пространстве посещение фитнес-клуба стало способом манифестации принадлежности к новому экономическому классу [2].

Появление закрытых клубов с эксклюзивным членством создало систему «социальных фильтров». Стоимость годового абонемента, сопоставимая со стоимостью ликвидного имущества (например, подержанного автомобиля), служила экономическим барьером, отсекающим «нежелательные» слои населения.

Фитнес-центры стали местом формирования горизонтальных связей внутри элит («клубы для своих»), где тренировочный процесс был вторичен по отношению к нетворкингу и демонстрации успеха.

И. Е. Беляев считает, что рыночная экономика сформировала новый стандарт «качественного спорта», который неразрывно связан с потреблением дополнительных услуг и товаров. То есть произошла профессионализация любительского спорта. Наличие персонального тренера, нутрициолога и доступ к премиальному сервису стали обязательными атрибутами «правильного» ЗОЖ [1].

Качество спортивного тела в общественном сознании стало коррелировать со стоимостью бренда используемой экипировки. В рамках

этой логики физическая активность без «правильной» визуальной репрезентации (дорогих кроссовок, гаджетов) начала восприниматься как маргинальная или неполноценная.

В. Д. Иванов и К. С. Панакшева отмечают, что данная трансформация создала глубокий психологический барьер для массового потребителя. Миллионы граждан, лишённые финансовой возможности соответствовать навязанным стандартам фитнес-индустрии, оказались в состоянии социальной эксклюзии. Спорт перестал восприниматься как естественная потребность и право человека, став недоступной услугой [4].

На фоне блестящих коммерческих центров дворовая инфраструктура (турники, коробки) подверглась символическому обесцениванию, что привело к запустению общедоступных пространств и дальнейшему углублению культурного разрыва между слоями населения.

Процесс коммерциализации спорта в постсоветской России не ограничился изменением модели потребления, но привел к радикальной трансформации городской среды и материальной базы массового спорта.

Д. А. Дроздова рассматривает трансформацию спорта под влиянием коммерческих факторов как эволюционирующий процесс с дуалистическим характером последствий. Автор настаивает на приоритете гуманистической составляющей спорта над финансовой выгодой. Устойчивое развитие отрасли, согласно Дроздовой, напрямую зависит от способности институтов совмещать бизнес-задачи с миссией формирования здорового общества и культурного единства [3].

Объекты спортивного назначения, унаследованные от советских предприятий, в процессе приватизации утратили свою социальную функцию. Новые владельцы восприняли их лишь как перспективные пятна под застройку. В результате на месте стадионов выросли жилые высотки и торговые центры, что привело к истреблению спортивной инфраструктуры из жилой ткани городов и разрушению сложившихся локальных сообществ.

Бесплатный спорт сегодня – это зачастую выживание в непригодных условиях. Пока обеспеченные слои населения тренируются в залах с системами очистки воздуха, остальные довольствуются бегом в промышленной пыли и турниками в заброшенных дворах. Это и есть наглядный пример несправедливости: у одних – высокие технологии и

комфорт, у других – попытки сохранить здоровье в среде, которая его активно разрушает [5].

Для решения данной проблемы необходимо чтобы дворовый спорт должен иметь единое информационное пространство. Необходимы федеральные, региональные и локальные информационные системы, пропагандистские информационные технологии по основным видам деятельности отрасли [6]. Использование практики грантов по социальным программам, предоставляемых на конкурсной основе средствами массовой информации. основополагающая цель пропаганды - создание в обществе приоритетов здорового образа жизни, ограничение и ликвидацию девиантных форм поведения, повышение интереса к занятиям физической культурой и спортом, настойчивое формирование в массовом сознании понимания жизненной необходимости этих занятий.

Коммерциализация спорта в постсоветской России привела к глубокой трансформации физической культуры из общедоступного социального блага она превратилась в инструмент классовой дифференциации. Процесс перехода к рыночным отношениям сформировал устойчивый разрыв в качестве жизни населения, где доступ к здоровью и развитию телесности стал прямо пропорционален уровню дохода.

Список литературы

1. Беляев, И. Е. Современные проблемы развития массового спорта // Проблемы и векторы развития современной науки и образования: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 16 мая 2022 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2022. – С. 68–71.

2. Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен; вступит. ст. С. Г. Кирдиной, И. В. Филатова. – М.: Либроком, 2022. – 364 с.

3. Дроздова, Д. А. Коммерциализация спорта: современный взгляд / Д. А. Дроздова // Молодой ученый. – 2025. – № 2 (553). – С. 393–394.

4. Иванов, В. Д., Панакшева, К.С. Проблемы дворового спорта // Актуальные проблемы педагогики и психологии. – 2022. – Том 3. № 11. – С. 25–31.

5. Левченко, Г. Н., Зайцев, О. С., Исаков, Н. А., Черепанов, В. А., Гарцев, А. В. Особенности специфики формирования доступности услуг массового спорта // Актуальные исследования. – 2020. – №15 (18). – С. 85–92.

6. Матвейчук, И. А. Монополизация в индустрии спорта и борьба с ней. Проблемы коммерциализации и политизации спорта / И. А. Матвейчук // Молодой ученый. – 2023. – № 52 (499). – С. 355–356.

Ivanova Alisa Denisovna

*Student, Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
E-mail: alisaiva2004@gmail.com*

Argunova Vera Nikolaevna

*Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
E-mail: v_argunova@mail.ru*

FITNESS FOR THE ELITE AND THE DESOLATION OF YARD GARDENS: HOW THE COMMERCIALIZATION OF SPORTS IN POST-SOVIET RUSSIA HAS DEEPENED THE GAP BETWEEN SOCIAL CLASSES

Abstract. The article analyzes the transformation of the field of physical culture and sports in post-Soviet Russia in the context of market reforms. It explores the transition from the Soviet model of sports for all to a commercialized fitness industry that has become a tool for social stratification. Special attention is paid to the processes of decline of municipal flat structures, privatization of departmental stadiums, and their transformation into real estate development. The author expresses an opinion about the emergence of infrastructural inequality, where the right to a healthy lifestyle becomes dependent on a person's economic status.

Keywords: commercialization of sports; social inequality; post-Soviet Russia, fitness industry; society; urban environment

Казаков Даниил Алексеевич
кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
культурологии и социологии
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г.
Калуга
E-mail: kazakovda@tksu.ru

РОССИЯ, ЗАПАД, ВОСТОК: ТОЧКИ СХОЖДЕНИЯ И РАСХОЖДЕНИЯ

Аннотация. В статье приводятся тенденции, по которым Россию можно отнести как к Западу, так и Востоку. Показано, что данная тема еще с XIX века будоражила умы отечественных интеллигентов, пытавшихся уяснить место и предназначение России в мире. Были выделены три события как сближавших, так и отталкивающих Россию от Запада и Востока: принятие православия, татаро-монгольское иго, приход к власти большевиков. В заключении, исходя из сравнения России с Западом и Востоком по социальным и культурным параметрам, делается вывод об уникальности отечественного жизнеустройства.

Ключевые слова: Россия; Запад; Восток; волюнтаризм; традиции; институты

Введение

Начиная с 1990-ых годов в российском информационном поле при осмыслении места России, ее прошлого и будущего неизбежно фигурирует пара Запад/Восток. Причины популярности данной темы кажутся вполне очевидными – это не только географическое положение России, но и наличие таких культурно-ценностных установок, позволяющих, в зависимости от трактовки, отнести российское общество как к западному, так к восточному региону. Сама дискуссия зародилась в середине XIX века между славянофилами и западниками с подачи П. Я. Чаадаева, который с своих «Философских письмах» поднял следующую мысль: Россия как страна, развивавшаяся в отрыве от цивилизованной (католической) Европы, выпала из мировой истории, однако содержит в себе огромный, нереализованный потенциал, если совершит «переход от «инстинктивного патриотизма» к «сознательному патриотизму» [6]. В дальнейшем плеяда русских философов развивала в своих

трудах данную тему, задавала новые вопросы, тем самым создав отличительную черту отечественной философской мысли. Такой отклик был возможен прежде всего оригинальности постановки тех вопросов, которые задал Чаадаев. До него «ученая дружина» Петра I в основном занималась легитимацией политического режима. Ф. Прокопович разработал теорию просвещенного абсолютизма, где подданные беспрекословно выполняют воля монарха, повинующегося только Богу. Социально-философские взгляды В.Н. Татищева и А. Д. Кантемира в некоторых моментах расходились с данными положениями, но в общем плане также стремились не допустить реставрации Московского царства, обосновывая необходимость крепостного права и монархии.

Не случайно по части общественной тематики период XIX – начало XX века в истории русской философии выдался по настоящему насыщенным, так как назрела необходимость критически (как раз одна из функций философии) переосмыслить события русской истории и культуры. К сожалению, приходится констатировать утопический характер большинства концепций, изменявших жизнь своими проекциями, а не конструирующих смыслы. Например, в искусстве можно (и даже нужно) не выдавать произведения за действительность. Цель искусства – вдохновение, сопровождающееся преодолением наличного. Политика материально-предметна, прочна связана с жизнью, не терпит грез и мечтаний. Разворачиваемые интеллектуальные схемы не соотносились с жизнью. Результат – отрешенность, заслоненная правдоискательством. В качестве примера кратко рассмотрим социально-философские взгляды Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Первый обосновывал необходимость возврата к «народному духу», «стремлению к царству Божию» [2]. К сожалению, человечество не живет по «золотым правилам», вечным заветам. Справедливо отмечает В.В. Ильин: «Люди живут по целям и не умеют жить по ценностям» [5]. Второй, декларированием опять же вечных идеалов святости, ненасилия, любви, добра, так и не стал защитником крестьянства, т.к. не знал решение земельного вопроса. В таких же тонах разные представители интеллигенции, от народников до Бердяева, искали «совершенного» человека и игнорировали «политического».

С наступлением советского марксизма после Октябрьской революции дискуссия Запад/Восток была заменена на Капитализм/Коммунизм. В. И. Ленин хотел подчинить интеллигенцию обслуживанию

коммунистических интересов, но лишь спровоцировал «философский паром» и оскудение интеллектуальной жизни. В «единственно верном» марксизме-ленинизме СССР отводилась вполне четкая роль – быть высшей точкой развития общественно-экономических формаций, в которой были разрешен главный порок капитализма, сводившийся к конфликту производственных сил и отношений. После перестройки и развала Советского Союза, данная цель уже не могла отражать настроения новой власти.

В России было объявлено о построении демократии, свободе слова, построении рыночных отношений, которые в своей абстрактности и разрушении привычных устоев не уступали советским лозунгам. В такое турбулентное для страны время отечественным мыслителям открылся корпус работ, ранее недоступных в советское время ввиду их несоответствия марксизму-ленинизму. Поскольку цели, равнозначной коммунизму, кроме накопления всеми возможными средствами (дикий капитализм), Б. Н. Ельцин и его команда не предложила, философы, ученые, представители разных профессий, освободившись от рамок советской идеологии, начали выпускать работы, посвященные анализу той точки, куда пришла Россия после всех перипетий истории. К анализу начинает привлекаться множество новых литературных источников, в том числе и классические труды русских философов XIX и начала XX века. Органично тема Запад/Восток становится возвращается в современном философском дискурсе, поэтому актуальность данной статьи заключается в аккумуляции тех концепций, идей, которые способны создать идеологический каркас российского общества в сложном фрагментированном мире. Цель статьи заключается в выявлении тех особенностей жизнеустройства российского общества, позволяющих отнести Россию как к Западу, так и к Востоку.

Точки схождения и расхождения

Перед тем как определить отличия России от Запада и Востока, надо выяснить, что представляют из себя данные обширные образования. Своеобразной точкой отсчета можно считать соседскую общину, в которой главную роль играют оптимальность и эффективность хозяйствования. Постепенно в ней происходит дивергенция. Идет разделение общины на восточную и западную. На востоке основой общины выступает коллективный труд, а власть и закабаленные общинники существуют параллельно, что приводит к централизации и сакрализации.

Одновременно на Западе идет совершенно противоположный процесс. Общинники «становятся индивидуальными собственниками земли; общинные наделы обособливаются от частных в резервно-коллективных фондах» [3]. Частное хозяйство открывает простор для индивидуализированного труда, а персонально свободные общинники неподвластны сакрализации. Таким образом, западная община приходит к индивидуализму и гражданской самодостаточности. Такого рода сравнений можно проводить бесконечно, подключая различные сферы (экономическая, правовая и т.д.), однако главный вопрос заключается в другом. Почему в именно в России тема Запад/Восток становится краеугольной?

Ответ на этот вопрос могут прояснить классические работы русских философов. Дело в том, что несмотря на возможность выделить общие черты Запад и Восток образования неоднородные (по конфессиональному составу, этническим группам, неравномерности странового развития). Тем не менее Запад предстал в трудах русских славянофилов и почвенников, как отставший на культурном и духовном поприще. Показательна в данном плане работа Н. Я. Данилевского «Россия и Европа. Взгляд на культуру и политические отношения славянского мира к германо-романскому», написанная с точки зрения органицизма. В такой модели Запад предстал культурно-историческим типом, приближавшимся к своему упадку. Вторили Данилевскому А. С. Хомяков и К. Н. Леонтьев. Проблема кроется в самом подходе, где аналогия между социальным прогрессом и индивидуальным ростом иллюзорна, т. к. «не удастся – ввести ясных оснований апогея и перигия состояний социумов; задать понятие поворотных, развилочных, кульминационных точек развития; установить циклику фазовых изменений» [4]. Итог – отрешенные схемы, неспособные объяснить прорыв Запада в XX веке в сфере науки, технологий, культуры. Тем не менее стоит отметить, что работы оказались согласны не столько XIX веку, сколько XXI, когда европейская стратегия жизни за счет неевропейских центров развития себя исчерпала.

Можно предположить, что таким способом выражалась необходимость России сделать свой ход, а Запад выступал своеобразным стимулом для различного рода интеллектуалов. В общем плане ответы можно поделить на настаивающие на особом пути России (К. Н. Леонтьев, И. А. Ильин, К. С. Аксаков), видящие в нем свободу от чужого и

чуждого и обосновывающие дополнительную, близость, взаимосвязанность России и Европы (А. И. Герцен, В. С. Соловьев, А. К. Толстой). К.С. Аксаков отмечал, что настало время, когда России нужна правда. Ближе всего к ней был В. О. Ключевский, совершенно справедливо констатировавший: «Исторически Россия... не Азия, но географически она не совсем Европа. Это переходная страна, посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связала ее с Европой, но природа наложила на нее особенности и влияния, которые влекли ее к Азии, или в нее влекли Азию» [7]. Чтобы раскрыть мысль историка, рассмотрим следующие сюжеты из отечественного прошлого.

Первое событие, отделившие Россию от западного мира, было принятие христианства из Восточной латинской традиции. На разделение Западной и Восточной христианской традиции ярче всего указывают различия в догматике, обрядах, организации, но в сущностном плане можно выделить два противоположных миропонимания. На Востоке церковь была подавлена властью, что послужило становлению кратократическому пути власти, утверждению самодержавия. На Западе церковь подавила власть, способствуя установлению двоевластия, двух путей – административного и духовного. Россия, восприняв византийский кратократический путь, хоть и отгородилась от Запада, но смогла отстоять свое право на существование, сопровождавшееся централизацией власти и этатизацией церкви. От Дмитрия Донского до Петра I постоянно воспроизводились практики слияния церкви и власти, сформировавшие в общественном сознании мысль о России как наследнице Византии, что объясняет абсолютизм власти, использовавшей в качестве инструмента церковные институты.

Вторым событием, разделившим Запад и Россию, стало монголо-татарское нашествие, сопровождавшееся установлением восточных элементов жизнепроизводства, невиданных ранее русскому обществу. Первым элементом стало «монгольское право на землю», согласно которому вся земля принадлежала хану. Отсутствие частной собственности в таком виде просуществовало до Екатерины II, закрепившей крестьян за помещиками. Но на нижнем уровне собственников так и не возникло, что вылилось в дальнейшие попытки крестьянства выйти из-под власти помещика и вернуться прошлым порядком. В качестве второго элемента можно выделить «монгольский властный ордунг», сопровождавшийся беспредельным самодержавием. В государственном

аппарате России можно было зафиксировать в разные времена наличие вече, земских соборов, но полноценными институтами им было стать не суждено. Различные геостратегические факторы вели к авторитарному стилю правления. Монголы данную тенденцию превратили в институциональное качество. Такой симбиоз повлек понимание права как силы, а не нормы. Смена формы (государь-партия-президент) сущности (сакральность) не меняет. Третий элемент заключается в отсутствии процесса урбанизации у монголов. Разрушенная городская структура Руси в дальнейшем не была способна к мануфактурному производству и промышленной революции. С урбанизацией Европы связано вступление на авансцену истории нового класса – буржуазии, ставшего господствующей силой в экономике, политике и культуре. Город на Западе стал цивилизующей средой для деревни. В России – местом сосредоточения выкаченных ресурсов. Ф. Бродель указывал, что в Западной Европе города «существовали под знаком не знавшей себе равных свободы; они развивались как автономные миры и по-своему. Они перехитрили государство, построенное на территориальном принципе: это государство будет складываться медленно и вырастет лишь при небескорыстной помощи городов и притом будет увеличенной и зачастую бесцветной копией их судеб» [1].

Третьим событием, ставшим финальным аккордом, был приход большевизма, окончательно отделившим Россию от Европы «железным занавесом». Разрыв осуществлялся по следующим направлениям:

- Политическая сфера. Установление диктатуры пролетариата, сопровождавшееся уничтожением парламентаризма и репрессивными действиями в отношении граждан. С конца 20-х и до начала войны шли многочисленные политические процессы, в результате которых политических оппонентов Сталину просто не осталось. Итог – антиконституционизм.

- Собственность. Идеологизированность внутренней политики, нарушающая сложившиеся вполне устойчивые механизмы. Ликвидация машинно-тракторных станций и «неперспективных» деревень, создание агрогородов (совершенно неуправляемых хозяйств), массовый посев кукурузы от Севера до Юга, просчеты в освоении целины привели к кризису в сельскохозяйственной сфере, неспособной удовлетво-

ритель запросы города, куда усилился отток граждан, порвавших с сельской жизнью. Итог – догнать Америку не удалось, собственник задавлен.

Заключение

Резюмируя, картину точек схождения и расхождения можно представить следующим образом. С Европой Россию объединяет вера, но не всегда. Иницируемый Византией раскол Европу, после неудачной попытки воссоединения Карлом Великим, обострил их отношения. Россия соединилась с Западом через христианство, но приняв его через византийское православие не стала его полноценным звеном. Таким образом, комплекс обоюдонеприятия выражается в следовании разным способам жизнепроизводства. В Европе акцентируется технология, в России культура. В мировой организации Европа настаивает на однополярном мире, «конце истории», в то время как Россия на многополярном. В перспективе возможен синтез на основе человекообразных, гуманитарноподобных технологий, управляемых духовно преображенным человеком, в свете следующих общепланетарных опасностей: изменение климата, истощение ресурсов планеты, международный терроризм, кризис иммиграционной политики.

С Востоком Россия изначально сблизиться не хотела, когда киевский князь Владимир выбрал христианство вместо мусульманства. Тем не менее, антагонизмов между конфессионально гетерогенным Востоком и православной верой не возникало. В социально-политической сфере Россия проводила мягкую колонизацию, способствуя приобщению покоренных народов к мировой культуре. Н. И. Лапин отмечает, что разложение Золотой Орды началось, когда «подчиненные Орде русские общества, как более развитые, своими ценностями, нормами, структурами постепенно стали контр-проникать в монгольскую империю, в ее этнокультурное ядро, трансформируя его из начального, архаичного состояния в более современное» [8]. Постепенно в Поволжье и Западной Сибири идет формирование молодых этнокультурных сообществ, порвавших с язычеством и осваивающих оседлый образ жизни. Также, учитывая прорыв европейских стран в Новое время, Россия, чтобы оставаться конкурентноспособной на мировой арене, заимствовала европейские технологии, применяя их азиатским способом «сверху-вниз».

Таким образом, можно сделать вывод об уникальности России, заключающейся в следующем. Антагонизм в обществе запускает круг, который начинается с похода власти на народ, что стимулирует поход народа на власть, ведущие к ослаблению обеих сторон и хаосу. Россия подобна маятнику постоянно оказывается в крайних точках. На Западе (благодаря отлаженным установлениям, институтам) и на Востоке (благодаря деспотизму, сервиллизму) переход в такие точки блокируется, что способствует наступлению «устойчивого развития» после прохождения критических рубежей. Россия является заложником волюнтарных идей, устанавливающих то империю, то коммунизм, то демократию. Что будет дальше, остается загадкой. Разрешение данной проблемы видится не в мессианизме и поиске уникальных русских черт характера, а в нахождении тех традиций и институтов, способствовавших нашему существованию. В качестве таких можно выделить: экстенсивное хозяйство, этатизм, бюрократизм, ценности выживания. Их нельзя рассматривать с исключительно негативной точки зрения, так как именно они способствовали решению (уникальному) назревших задач, поэтому и получали широкую поддержку.

Список литературы

1. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности: Возможное и невозможное / Ф. Бродель ; вступит. ст., ред. Ю. Н. Афанасьев. – Москва : Весь Мир, 2007. – 592 с.

2. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 21 / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); [редкол.: В.Г. Базанов (гл. ред.), Г. М. Фридендер (зам. гл. ред.), В. В. Виноградов и др.] – Ленинград : Наука. Ленингр. отделение, 1980. – 552 с.

3. Ильин, В. В. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы : монография / В. В. Ильин, А. С. Ахиезер ; под ред. В. В. Ильина. - Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 383 с.

4. Ильин, В. В. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности : монография / В. В. Ильин, А. С. Ахиезер ; под ред. В. В. Ильина. – Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2000. – 301 с.

5. Ильин, В. В. Россия и Запад. Борьба миров. Actio popularis : Монография / В. В. Ильин. – Москва : Проспект, 2025. – 240 с.

6. История русской философии : учебник для вузов по специальности «Философия» / рук. авт. колл. М. А. Маслин ; ред.-сост. П. П. Апрышко. – Москва : Республика, 2001. – 639 с.

7. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 томах. Т. 1 : Курс русской истории / В. О. Ключевский ; под ред. В. Л. Янина. - Москва : Мысль, 1987. – 431 с.

8. Лапин, Н. И. Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход / Институт философии РАН, Центр изучения социокультурных изменений. – Москва: Издательство «Весь Мир», 2021. – 364 с.

Kazakov Daniil Alekseevich

PhD, Assistant Professor of the Department of Philosophy,

Culturology, Sociology

Kaluga State University n.a. K.E. Tsiolkovsky, Kaluga

E-mail: kazakovda@tksu.ru

FEATURES OF THE TRANSFORMATION OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

Abstract. The article identifies trends that allow Russia to be classified as belonging to both the West and the East. It demonstrates that this topic has been a source of intellectual debate among Russian intellectuals since the 19th century, as they sought to understand Russia's place and purpose in the world. Three events were identified as both bringing Russia closer to and pushing it away from the West and the East: the adoption of Orthodox Christianity, the Tatar-Mongol yoke, and the Bolsheviks' rise to power. In conclusion, based on a comparison of Russia with the West and the East in terms of social and cultural parameters, the uniqueness of the Russian way of life is highlighted.

Keywords: Russia; the West; the East; voluntarism; traditions; institutions

Киреев Максим Александрович

студент кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: maks30835375@mail.ru

Ефимова Светлана Александровна

кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: efimova-svetlana@inbox.ru

МЕТОДИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ: ЭФФЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ В УСЛОВИЯХ ДЕФИЦИТА ВРЕМЕНИ

Аннотация. В статье представлены методология и результаты краткосрочного социологического исследования, проведенного в рамках научной экспедиции при поддержке ИвГУ и гранта Росмолодежи. Целью экспедиции являлся сбор первичных данных для разработки аутентичного молодежного мерча и формирования концепции туристического позиционирования малых городов Ивановской области. Основное внимание уделено специфике применения смешанных качественно-количественных методов в условиях жесткого временного лимита (четыре дня, из которых три – полевых). Автор анализирует эффективность технологий быстрого конструирования анкеты, сравнивает результативность различных видов опроса, а также обосновывает преимущества таких методов, как построение тепловых карт, сбор визуальных ассоциаций и полустандартизированное интервью.

Ключевые слова: социология города; малые города; мерч-продукция; тепловые карты; экспресс-исследование; смешанные методы; полустандартизированное интервью; включенное наблюдение

Малые города России, особенно в регионах с угасающим промышленным наследием, таким как Ивановская область, представляют собой сложный объект социологического анализа. Актуальность темы обусловлена тем, что развитие малых городов сегодня связано с поиском новых идентичностей и экономических моделей, среди которых креативные индустрии и туризм занимают одно из ключевых мест. Однако разработка конкурентоспособных продуктов в этих сферах, будь

то сувенирная продукция (мерч) или туристические концепции, требует не интуитивных догадок, а опоры на аутентичные локальные смыслы и актуальные социальные практики. Традиционный исследовательский инструментарий, рассчитанный на длительные циклы, зачастую не соответствует временным форматам исследования проектной и грантовой деятельности, где на сбор и анализ данных отводится крайне ограниченный период времени.

В этой связи представляет научный и практический интерес *методология комплексного экспресс-исследования*, примененная на практике в рамках II научно-практической экспедиции по малым городам Ивановской области «Возрождение» в период с 19 по 23 сентября 2025 года. Уникальность работы заключается в решении исследовательской дилеммы: как в условиях жесткого временного лимита (3 полевых дня) обеспечить не поверхностный, а глубокий, контекстуальный сбор данных для решения конкретных прикладных задач, а именно: создания молодежного мерча и формирования туристических нарративов.

Таким образом, цель данной статьи – представить и проанализировать социологическую составляющую экспедиции (на примере работы в г. Гаврилов Посад), сфокусировавшись на эффективных методах быстрого конструирования инструментария, сравнительной результативности видов опроса в полевых условиях, а также на доказательстве ценности комплекса визуальных и интерактивных методов. К ним были отнесены: построение поведенческих тепловых карт, сбор визуальных ассоциаций и проведение полустандартизированных интервью в режиме включенного наблюдения. Доказывается тезис, что именно данная комбинация методов позволяет в сжатые сроки увидеть «социологическими глазами» положение малого города и извлечь значимые символы для последующего проектирования.

В условиях дефицита времени была применена методология быстрого конструирования исследовательского инструментария. Классический многоэтапный процесс разработки анкеты был заменен упрощенной моделью, основанной на трех источниках:

1) вторичный анализ данных: предварительный анализ открытых источников (краеведческая литература, медиапортреты городов, отчеты администраций, соцсети) позволил выделить ключевые темы и потенциальные «точки интереса»;

2) экспертные интервью (очные): были проведены короткие беседы с жителями, краеведами и представителями молодежи для выявления общих настроений населения и выдвижения предварительных гипотез;

3) метод «быстрого прототипирования»: анкета создавалась по методике «Rapid Prototyping», то есть не как финальный продукт, а как «живой» инструмент, являющийся первичным инструментарием для социологической работы. Ядро методики (блоки идентификации с городом, восприятия его символов, потребительских привычек в туристических практиках, покупке сувениров) оставалось неизменным, однако конкретные формулировки и примеры символов корректировались сразу по результатам первого дня полевой работы на основе данных, полученных через полустандартизированные интервью и визуальные ассоциации. На основе в ходе социологического исследования данных, другие участники команды – историки, маркетологи – создавали первичный прототип продукта, который в последующем был представлен городской администрации.

Вторичный анализ данных позволил собрать информацию для создания *тепловых карт активностей* и восприятия города, т.е. на основе анализа данных из открытых источников были выявлены наиболее востребованные у горожан публичные площадки. Полученная информация была проработана с помощью метода включенного наблюдения. Это позволило перепроверить и скорректировать, полученную информацию, нанести на цифровую карту города маркеры, обозначающие:

- интенсивность пешеходного трафика (визуальная фиксация);
- места скопления молодежи (кафе, лавочки, спортивные площадки);
- точки, которые местные жители сами называли в интервью как значимые.

Практика показала, что «тепловая» визуализация за два – три обхода города позволяет не только идентифицировать ключевые публичные пространства для размещения будущей мерч-продукции, но и выявляет диссонанс между официальными туристическими маршрутами и реально «живыми», эмоционально значимыми местами. Это прямой индикатор для туристического проектирования.

Руководствуясь созданной тепловой картой активностей и восприятия горожан был разработан маршрут, определены локации для проведения экспертных интервью. В полевых условиях были опробованы два основных подхода:

1) *количественный опрос (анкетирование в ключевых публичных пространствах*: центральные площади, скверы, набережные). Его эффективность была относительно низкой из-за дефицита времени на репрезентативную выборку и часто поверхностных ответов. Однако он дал необходимый минимум структурированных данных по запросу на типы продукции (футболки, значки, стикеры) и базовые ассоциации.

2) *короткое полуструктурированное интервью по месту* (уличные беседы продолжительностью 7-12 минут) показало значительно большую эффективность использование открытых вопросов («Что бы вы изобразили на футболке, чтобы показать дух этого места?», «Куда вы бы точно повели своего приезжего друга и почему?») позволило получить неожиданные, эмоционально окрашенные ответы, сразу же выявлявшие локальные смыслы и скрытые достопримечательности (заброшенный завод, набережная, вид исторического центра).

Проведенная работа позволила сделать вывод о большей эффективности коротких полуструктурированных интервью в сравнении с количественным опросом в условиях краткосрочной экспедиции.

Ключевым методом погружения в социокультурный контекст стало включенное наблюдение: участие в спонтанной экскурсии от местного жителя, неформальное общение с молодежью в кафе. Преимущества этого подхода:

- *Преодоление социальной дистанции*: в неформальной обстановке респонденты говорили более открыто о проблемах и истинном отношении к городу.

- *Доступ к скрытым смыслам*: интерпретации исторических событий, местные шутки, фольклор, истории о «неофициальных» местах силы, именно эта информация практически недоступна при стандартном опросе.

- *Контекстуализация данных*: наблюдение за невербальными реакциями, практиками использования пространства (как и где молодежь проводит время на самом деле) давало ключ к интерпретации ответов из анкет и коротких интервью. Это позволило отсеять «официальные», навязанные образы от подлинно разделяемых.

Красной нитью в ходе всей полевой работы прошло использование метода визуальных ассоциаций. Респондентам предлагалось назвать и указать при ответе на вопрос реальные объекты, ассоциирующиеся, по их мнению, с городом, например,

- «деталь или образ, ассоциирующийся с городом»;
- «что здесь странное или необычное?»;
- «что первое всплывает в памяти при упоминании этого города?».

Анализ полученных изображений (архитектурные детали, надписи, сочетания старого и нового, природные объекты) позволил выявить невербальный, подсознательный визуальный код территории. Именно эти образы – например, исторический центр в дореволюционном стиле или рисунки и граффити (некоторые в юмористическом стиле) с конями по всему городу. Именно эти знаки стали основой для дизайн-концепций мерча, а не стандартные цвета ассоциаций или названия.

Проведенная экспедиция продемонстрировала, что краткосрочное социологическое исследование малых городов, на примере Гаврилова Посада может быть высокоэффективным при условии смещения фокуса со статистической репрезентативности на глубину контекстуального, «живого» понимания и скорость итерации методов. Приоритет качественных визуальных и включенных методов (тепловые карты, визуальные ассоциации, неформальные интервью) над массовым анкетированием позволяет в сжатые сроки узнать актуальные символы, практики и идентичности, которые непосредственно конвертируются в прикладные продукты, такие как молодежный мерч и туристические концепции. Полученные данные служат не столько для окончательных выводов, сколько для генерации точных, аутентичных идей, основанных на реальной, а не навязанной СМИ и властями картины малого города. Данный опыт может выступать примером для других регионов России в рамках аналогичных проектных инициатив, направленных на быстрое социокультурное проектирование.

Список литературы

1. Браймен Алан, Интервью в качественных исследованиях. Социология власти, 2007. – № 4. – С. 15–32.

2. Жгун, Т. В., Проузи, Д. К. Применение тепловых карт для визуализации изменения качества жизни регионов РФ. – Екатеринбург : Издательство РГППУ, 2020. – С. 292–304.

3. Иванова, Н. А., Применение метода свободных ассоциаций в эмпирических социологических исследованиях. – Вестник СПбГУ, 2013. – № 12. – С. 116–120.

4. Jones, T. S. (2000) Rapid prototyping methodology in action: A developmental study. *Educational Technology Research and Development Journal*, 48 (2): 63–80.

Kireev Maksim Aleksandrovich
Student, Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
Email: maks30835375@mail.ru
Efimova Svetlana Aleksandrovna
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department
of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
Email: efimova-svetlana@inbox.ru

A METHODOLOGICAL RESEARCH METHODOLOGY FOR SMALL TOWNS: EFFECTIVE METHODS UNDER TIME STRUCTURE

Abstract. This article presents the methodology and results of a short-term sociological study conducted as part of a scientific expedition supported by IVSU and a grant from the Federal Agency for Youth Affairs. The expedition aimed to collect primary data for the development of authentic youth merchandise and the formulation of a tourism promotion concept for small towns in the Ivanovo Region. The focus is on the specifics of using mixed qualitative and quantitative methods under a strict time limit (four days, three of which were fieldwork). The author analyzes the effectiveness of rapid questionnaire design technologies, compares the effectiveness of various survey types, and substantiates the advantages of methods such as heatmapping, visual association collection, and semi-structured interviews.

Keywords: urban sociology; small towns; merchandising; heat maps; rapid research; mixed methods; semi-structured interview; participant observation

Казакова Светлана Андреевна
студентка кафедры социологии
Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail: sveta28kazakova@gmail.com

Аргунова Вера Николаевна
доктор социологических наук, доцент, кафедра социологии
Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail: v_argunova@mail.ru

ГОРОД КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Аннотация. В статье рассматривается трансформация городского пространства в условиях цифровизации общества. Анализируются изменения, произошедшие в развитии городов от индустриальной и постиндустриальной эпох к современному цифровому обществу. Показано, что традиционные модели управления городом становятся недостаточно эффективными в новых условиях. Особое внимание уделяется концепции «умного города» как новой модели организации городской среды, в основе которой лежит не только использование технологий, но и повышение качества жизни населения.

Ключевые слова: город; цифровизация; городская среда; «умный город»; цифровые технологии; урбанизация; управление городом

В последние несколько десятков лет жизнь человечества изменилась кардинально. Доминирующим фактором, влияющим на развитие всех сфер общественной жизни, в современном обществе является цифровизация. Быстрый рост и повсеместное внедрение информационных технологий и цифровых платформ создают условия для формирования новой среды. Эти изменения коснулись абсолютно каждой структуры общества, трансформировались устоявшиеся прежде системы. Изменений не избежала и городская среда.

Если обратиться к анализу предыдущих исторических эпох, стоит отметить, что в индустриальную эпоху город представлял собой целостную систему. Прежде всего в структуре города выделялись административный и деловой центры, а также рабочие окраины. Развитие городов тогда определялось принципами функционального зонирова-

ния территорий. Такая организация городской среды обеспечивала эффективный контроль над инфраструктурой, экономикой и социальной сферой. Переход к постиндустриальному обществу, характеризующийся развитием сферы услуг и повышением ценности и роли знания привело к усложнению городской структуры. В эту эпоху принципы управления города меняются: смещается акцент с промышленного производства на развитие человеческого потенциала и внедрение новых технологий [1].

С конца XX – начала XXI веков города вступили в новую эпоху, эпоху глобальной урбанизации, повлекшей за собой множество изменений. Переход к «веку городов» сопровождался множеством технических, социальных и инфраструктурных проблем. К ним принято относить: нехватку жилья, перегруженность дорожно-транспортной сети, истощение энергетических ресурсов, рост социального неравенства, бедности, безработицы, а также появление маргинальных слоев населения [1]. В комплексе данные проблемы отражают усложнение городской системы.

При таких обстоятельствах возникает проблема, связанная с неспособностью традиционных подходов к управлению городом эффективно и в полной мере регулировать усложняющиеся социальные процессы. Устаревшие модели управления становятся нерелевантны к новой реальности, полностью сформированной цифровыми технологиями [5].

Возникает острая необходимость создания принципиально новой управленческой модели, способной учитывать усложнение городской и социальной структур, а также влияние на них цифровых технологий [5]. Так, шаг за шагом, на территории прежних городов возникают «умные» и эффективные города, которые становятся уже более адаптированы под образ жизни современного человека и соответствующие ему нужды. Создается концепция «умного города», где основополагающей идеей является повсеместное использование «умных» и инновационных технологии.

Сам термин «умный город» появился в 90-х годах прошлого столетия и изначально был синонимом «*intelligent, digital city*» (интеллектуальный, цифровой город) [2]. Однако в науке нет устоявшегося определения данного феномена. Рассмотрим подходы нескольких исследователей.

О. Л. Казанцева трактует данное понятие следующим образом: «умный город – это не только процесс автоматизации инфраструктуры городских агломераций, но и комплексное повышение эффективности их функционирования». З. К. Кондратенко отмечает, что феномен «умного города» представляет собой «инновационное пространство на территории городов, где каждое из направлений оснащено программными и технологическими решениями новаторского характера» [2].

Резюмируя взгляды исследователей на трактовку «умного города», можно подытожить, что «умный город» определяется как инновационная система, использующая технологии во всех аспектах общественной жизни, направленная на инфраструктуру, экономику, социальную и культурную сферы, имеющая своей целью повышение эффективности функционирования городской среды, а также улучшение качества жизни жителей. Стоит также отметить, что термин «умный город» употребляется скорее как метафора устоявшегося в современной науке образа города и его организации [6].

Если ранее город воспринимался, прежде всего, как «пространство для работы», то в настоящее время он чаще рассматривается как «пространство для комфортной жизни» [5]. И именно концепция «умного города» помогает реализовать последнюю идею.

Считается, что «городская умная система» максимально эффективно и успешно может реализоваться в крупных городах, обладающих конкурентными экономическими, культурными, финансовыми и политическими преимуществами [4]. Поэтому целью нового подхода к организации города считается рациональное использование ресурсов, преобразование города, повышение активности и результативности городских систем, улучшение качества жизни населения, повышение уровня обслуживания всех категорий городских жителей [3].

Однако идея «умного города» не сводится только к внедрению инновационных технологий. Эта модель организации городского пространства в науке часто рассматривается через призму трех составляющих: население и его активность, инновационная и интеллектуальная деятельность и интеллектуальная система городских технологий. Следовательно, не менее важным в реализации модели «умного города» является создание и дальнейшее развитие творческого, интеллектуального и социального капитала [3]. Такой город создает условия для ре-

лизации потенциала горожан и становится не только местом проживания, но и местом для комфортной и творческой жизни, где технологии играют вспомогательную функцию.

Модель «умного города» осуществляется через комплекс практических мер, направленных на развитие городского пространства.

Одним из ключевых компонентов является «умная экономика», формирующая основу устойчивого развития. Она направлена на стимулирование развития сфер производства и бизнеса за счет рационального управления, основанного на технологиях и инновациях. Примерами умной экономики служат системы оптимизации энергопотребления с помощью искусственного интеллекта, системы адаптивного управления светофорами и уличное освещение с сенсорными датчиками [1].

«Умная мобильность», представляющая собой особую систему, направленную на улучшение мобильности жителей города. Благодаря использованию цифровых и, что не менее важно, безопасных транспортных систем обеспечивается комфортное, удобное и стабильное передвижение населения по городу. Так, например, набирают все большую популярность сервисы каршеринга и проката транспортных средств, которые осуществляются через цифровые платформы. Еще одним примером служат «умные» остановки, показывающие на табло температуру воздуха, время, день и время прибытия транспорта [1].

«Умная окружающая среда», включающая в себя комфортные для жизни людей естественные условия, а также меры, направленные на защиту и охрану окружающей среды, рациональное использование ресурсов. Так, в мегаполисах большое внимание уделяется мониторингу качества воздуха с помощью автоматических станций с датчиками, которые самостоятельно могут отслеживать состояние воздуха по заданным параметрам [1].

«Умные люди» – это ключевой компонент структуры города. Ведь жители активно включены в жизнь города, именно благодаря им и осуществляется движение механизма под названием «город». Как говорилось ранее, горожане создают интеллектуальный и творческий капитал. В добавок, по мнению ряда исследователей, жители такого города обладают высоким уровнем образования и квалификации [4]. Те-

перь все чаще создаются новые цифровые сервисы, использование которых дает жителям возможность активно участвовать в общественных проектах, получать обратную связь от государственных структур.

Таким образом, «умность» города не сводится только к технологическому аспекту. Прежде всего она заключается в эффективном использовании данных, обеспечении диалога между властью и населением, быстрой адаптации к изменениям и построении городской среды, ориентированной на человека.

С одной стороны, может показаться, что «умные города» – это утопия, идеальный тип, недостижимый в реальной жизни. Однако реализация идеи «умных» городов представляет собой качественный скачок в организации городского пространства. Современные технологии предоставили возможность собирать и анализировать массивы данных о жизни людей в городе, их моделях поведения, интересах, функционировании инфраструктуры, что делает городскую среду прозрачной, контролируемой и предсказуемой [6].

Особенность модели «умного города» – ориентация на человека. С помощью цифровых сервисов становится реально своевременно получать обратную связь от жителей города. Это позволяет выявлять тенденции его развития, прогнозировать события, считывать актуальные потребности горожан и изменять всю структуру города под новые требования.

Комплексный подход концепции «умного города» превращает городское пространство в уникальную систему, способную быстро адаптироваться под изменения, сохраняя при этом стабильность. В совокупности все компоненты такой модели города создают среду, благоприятную для социального и культурного развития каждого человека.

Список литературы

1. Аргунова, М. В. Модель «Умного» города как проявление нового технологического уклада // Наука и школа. – 2016. – №3. – С. 14–23.
2. Ван Чжихао Происхождение и история развития определения «умный город» // Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. – 2024. – №4. – С. 28–33.

3. Дринова, Е. М., Парубочая, Е. Ф., Пискунов, Н. В., Прыгункова, А. С. Концепция «умного города»: социальные практики России и Европы // Теории и проблемы политических исследований. – 2020. – Том 9, № 5А. – С. 129–135.

4. Костко, Н. А. Социальное пространство умного города: опыт социологического исследования: монография / Н. А. Костко, И. Ф. Печеркина, А. А. Попкова // ТюмГУ-Press, 2024. – с. 280. ISBN 978-5-400-01809-1.

5. Патракеева, О. Ю. «Умный город»: концепции, вызовы, тенденции развития // Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность. – 2022. – Т. 3, № 2. – С. 125–136.

6. Серегина Т. Н. Умный город как феномен информационного общества: социально-философский анализ // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. –2022. – №3. – С. 185–195.

Kazakova Svetlana Andreevna

Student of the Department of Sociology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: sveta28kazakova@gmail.com

Argunova Vera Nikolaevna

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: v_argunova@mail.ru

THE CITY AS A SOCIAL PHENOMENON

Abstract. The article examines the transformation of urban space in the context of digitalization of society. It analyzes the changes that have occurred in the development of cities from the industrial and post-industrial eras to the modern digital society. It is shown that traditional models of city management are becoming insufficiently effective in the new conditions. Special attention is paid to the concept of a "smart city" as a new model of urban environment organization, which is based not only on the use of technologies, but also on improving the quality of life for the population.

Keywords: city; digitalization; urban environment; smart city; digital technologies; urbanization; city management

Карева Мария Павловна
студентка кафедры социологии
Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail: mkareva862@gmail.com

Орлик Елена Николаевна
кандидат философских наук, доцент кафедры социологии
Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail: enorlik@mail.ru

СОВРЕМЕННАЯ МЕДИЦИНА И ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Аннотация. В статье рассматривается трансформация института медицины в современном обществе под влиянием цифровизации, коммерциализации и роста культуры самосохранения. Актуальность обусловлена тем, что здоровье перестает быть исключительно медицинской категорией и превращается в социальный стандарт, требующий от человека постоянных усилий, но возможности следовать этому стандарту распределены неравномерно и зависят от материального положения. Цель работы – проанализировать тенденции современной медицины и здорового образа жизни в обществе.

Ключевые слова: социология медицины; агентность пациента; здоровый образ жизни; коммерциализация здоровья; социальное неравенство; самосохранительное поведение

По данным ВОЗ (Всемирной организации здравоохранения), здоровье человека лишь на 10% зависит от медицинского обеспечения, тогда как от условий и образа жизни на 50%. Это соотношение вызывает диссонанс: несмотря на то, что медицина как институт отвечает за сравнительно небольшую часть здоровья, но именно к ней общество традиционно обращается в вопросах благополучия. В современном обществе это противоречие обостряется под влиянием цифровизации, коммерциализации здоровья и роста культуры самосохранения, что требует переосмысления в трансформации современной медицины.

Во второй половине XX века Т. Парсонс рассматривал медицину, как один из элементов социальной структуры – как социальный институт и предложил концепцию «роли больного», согласно которой инди-

вид, при болезни, «выпадает» из привычного образа жизни, освобождается от некоторых обязанностей и главным обязательством перед обществом является желание индивида выздороветь. Концепция демонстрирует характерную для того времени «патерналистскую модель» взаимоотношений между врачом и пациентом, «согласно которой пациенту отведена пассивная роль – он должен четко следовать указаниям врача, подчиняться врачу, поскольку авторитет и профессиональные компетенции врача в рамках данной модели являются непререкаемыми» [7]. Однако, как отмечает С. А. Сотников, в современном обществе наблюдается тенденция «агентности пациентов». Агентность с социологической точки зрения – это способность агента свободно выбирать желаемую цель и способ достижения цели и, наконец, достигать ее [6]. Агентность пациента заключается в способности индивида самостоятельно принимать решения о своем здоровье, добывать и интерпретировать информацию о своем диагнозе и методах лечения. Это не означает полного отказа от медицинской помощи. Как показывают исследования, «современный человек ориентирован на поддержание здорового образа жизни, и как пациент активно участвует в сборе данных, касающихся его здоровья, ознакомлении с информационными ресурсами» [2]. Современная тенденция реализуется прежде всего через цифровые практики: самостоятельный поиск симптомов, использование телемедицинских сервисов и сайтов, мобильных приложений для мониторинга здоровья. Пациент перестает быть исключительно объектом врачебных назначений и превращается в самостоятельного агента лечебного процесса. Именно эта трансформация составляет суть современного института медицины, где патерналистская модель «врач сказал – пациент сделал» уступает место «модели активного пациента».

Распространение «агентности пациента» имеет обратную сторону, когда здоровье является личной ответственностью – общество устанавливает ожидания от индивида активной работы по его поддержанию. Формируется тенденция «самосохранительного поведения», где именно человек теперь обязан заботиться о своем здоровье и профилактике заболеваний [4]. Индивиды, чье поведение или физическое состояние отклоняется от принятых стандартов здоровья, подвергаются неформальному осуждению. Болезнь начинает интерпретироваться не как стечение обстоятельств, а как следствие недостаточных усилий самого человека [3]. Формируется установка, согласно которой

плохое здоровье является результатом личного выбора и, следовательно, поводом для порицания.

Стремление соответствовать стандартам здорового образа жизни активно подхватывается рыночной системой. Вокруг здоровья формируется индустрия товаров и услуг: фитнес-клубы, «эко» продукты, БАДы (биологически активные добавки), мобильные приложения-трекеры (подсчет калорий и шагов) и др. Специфика этого рынка заключается в том, что он не только удовлетворяет существующий спрос, но и формирует его. Через маркетинговые схемы потребителям внушается нужда о приобретении тех или иных товаров для «сохранения здоровья». В современных условиях «реализация самосохранительного поведения все больше зависит от достаточного уровня материального благосостояния индивида» [5]. Здоровье в современных условиях перестает быть состоянием и превращается в товар, доступ к которому определяется материальным состоянием.

Характер отношения к здоровью напрямую зависит от материального положения и социального статуса. Для обеспеченных слоев населения характерна профилактическая модель поведения: регулярные обследования, консультации специалистов, контроль питания. Для малообеспеченных групп, напротив, свойственна реактивная модель: обращение за медицинской помощью происходит только в случае острой необходимости, а профилактика отсутствует в силу ограниченности ресурсов [1]. Исследования показывают, что распределение расходов на медицинскую помощь между группами с разным уровнем доходов характеризуется высоким неравенством, которое значительно превышает неравенство в распределении самих доходов. Разница в расходах на медицинскую помощь между самыми бедными и самыми богатыми за последние два десятилетия выросла с 4,5 до 30 раз. Таким образом, социальное неравенство воспроизводится и в сфере здоровья: те, у кого больше ресурсов, имеют больше возможностей быть здоровыми, а те, кто болеет, рискуют получить не только болезнь, но и стигму «безответственного» человека [8].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что институт медицины в современном обществе претерпевает фундаментальную трансформацию в силу глобальных процессов в обществе. Патерналистская модель уступает место модели активного пациента. Однако

это изменение имеет обратную сторону: здоровье превращается в социальную норму, а болезнь начинает интерпретироваться как следствие личного выбора и недостаточных усилий. Рынок активно подхватывает стремление соответствовать этой норме, превращая здоровье в товар и в результате богатые имеют больше возможностей быть здоровыми, а бедные рискуют получить не только болезнь, но и общественное порицание. Таким образом, здоровье перестает быть универсальной ценностью и превращается в еще один маркер социального неравенства. Современная медицина, став технологически доступнее, оказалась социально недоступной – она перестает быть благом и превращается в привилегию.

Список литературы

1. Аксенова, Е. И., Александрова, О. А., Ярашева, А. В., Аликперова Н. В. Модели поведения населения в отношении своего здоровья // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2023. – № S2. – 5 с.

2. Гюльбяков, Н. Р., Алексеева, Н. В., Гюльбякова, Х. Н. Цифровизация в здравоохранении: актуальный обзор литературы // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 11 (149). – 8 с.

3. Журавлева, И. В., Петренко, Е. С. Ответственность индивида за здоровье: паттерны поведения // Социологическая наука и социальная практика. – 2023. – Т. 11, № 2. – 23 с. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.2.5

4. Короленко, А. В. Самоохранительное поведение населения: подходы к изучению и построению моделей // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. – 2018. – Т. 11, № 3. – 13 с. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.16

5. Пилюшенко, А. В. Человеческий капитал как ресурс самоохранительного поведения в условиях коммерциализации медицины // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2020. – Т. 5. № 4. – 7 с.

6. Ребрей, С. М. Концепция агентности как новый подход к измерению гендерного неравенства // Женщина в российском обществе. – 2022. – № 3. – 8 с.

7. Сотников С.А. Становление идеи агентности пациентов в институте медицины // Семиотические исследования. – 2024. – Т. 4. № 3. – 10 с. DOI: 10.18287/2782-2966-2024-4-3-84-94

8. Шишкин, С. В., Быков, А. В., Красильникова, М. Д., Понкратова, О. Ф., Ракута, Н. В. Неравенство в сфере здравоохранения. – М.: НИУ ВШЭ, 2021. – 38 с.

Kareva Maria Pavlovna

*Student, Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
Email: mkareva862@gmail.com*

Orlik Elena Nikolaevna

*PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
Email: enorlik@mail.ru*

MODERN MEDICINE AND A HEALTHY LIFESTYLE

Abstract. This article examines the transformation of the institution of medicine in modern society under the influence of digitalization, commercialization, and the growth of a culture of self-preservation. This topic is relevant because health is no longer an exclusively medical category and is becoming a social standard that requires constant effort from a person. However, the ability to adhere to this standard is unevenly distributed and depends on financial status. The aim of the work is to analyze trends in modern medicine and a healthy lifestyle in society.

Keywords: sociology of medicine; patient agency; healthy lifestyle; commercialization of health; social inequality; self-preservation behavior

Киреев Максим Александрович

студент кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: maks30835375@mail.ru

Аргунова Вера Николаевна

доктор социологических наук, профессор кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: v_argunova@mail.ru

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ЭТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ В ДИСКУРСЕ ВЕБЕРОВСКОЙ ТЕОРИИ

Аннотация. Данная статья посвящена анализу современного состояния предпринимательской этики через призму теории Макса Вебера о протестантской этике и духе капитализма. ЧЕРТЫ идеала нравственного предпринимателя в современном мире, такие как честность, мораль и дисциплинированность как основа деловой репутации вступают в противоречие с реальными практиками крупнейших современных транснациональных компаний. На примере как негативных, так и позитивных кейсов деятельности международных корпораций показывается, что нравственные идеалы предпринимательства в значительной степени утрачены, но некоторые экономические субъекты стремятся к их сохранению.

Ключевые слова: предпринимательская этика; Макс Вебер; дух капитализма; кризис нравственности; социальная ответственность

Хозяйствование и экономика являются одними из фундаментальных понятий, активно развивающимися на протяжении всей человеческой истории. Более сотни лет назад Макс Вебер в знаменитой работе «Протестантская этика и дух капитализма» сформулировал и описал тезисы, обозначив развитие социологии хозяйства на долгие годы вперед. Он показал, что современный капитализм в своем проявлении обязан особой системе ценностей, корни которой идут от протестантской аскезы: труд как божественное призвание, рационализм в ведении хозяйства, реинвестирование финансов и так далее. Сегодня, в эпоху глобализации, все чаще можно наблюдать как транснациональные корпорации забывают о данных моральных установках. Поэтому, вопрос о

предпринимательской этике все больше набирает популярность при обсуждении. Цель данной статьи – показать, используя теоретические положения Вебера, что кризис нравственности предпринимателей является системным явлением, а не отдельными нарушениями, и подтвердить это анализом конкретных действий крупнейших компаний.

Прежде чем переходить к диагностике кризисных явлений, следует сформулировать идеал, который Вебер считал условиям функционирования рационального хозяйствования. Ключевым понятием является термин *Beruf* (призвание), которое во время эпохи Реформации стало трактоваться не только в значении религиозного служения, но и как мирская профессиональная деятельность. Успех в предпринимательстве начал интерпретироваться как свидетельство «избранности» и богоугодности дел. Отсюда можно выделить три основных этических императива классического предпринимателя:

1) Интенсивный труд как самоцель. Праздность является греховной, а работа по «приванию» – это высшая форма добродетели.

2) Рациональность и честность при ведении хозяйства. Нравственность включает в себя так же и добросовестное ведение бухгалтерского учета, исполнения контрактов и уважительное отношение к клиентам.

3) Аскетическое потребление. Богатство должно реинвестироваться и приумножаться, а роскошь рассматривается как иррациональное стремление и духовное разложение [1].

Данные этические постулаты, как писал Вебер, создали тот самый «дух капитализма», который привел к бурному развитию стран Запада. Однако уже в своих следующих работах автор писал, что великолепная капиталистическая машина начинает диктовать человеку образ жизни, превращая прежние идеалы в прагматичные системы. Сегодня мы можем наблюдать доминирование рационализма над духовными идеалами при ведении экономической активности [2].

Говоря о современном кризисе предпринимательской этики, можно выявить три основные формы, прямо противоположные веберовским добродетелям:

Во-первых, это разрыв между формальной рациональностью и моральной ответственностью. Если по Веберу, предприниматель должен быть морально рационален, то в современном мире мы видим, как

корпорации, будучи формальной рациональной системой, не проявляет интереса к моральной стороне своей деятельности. Если действие приносит прибыль и формально не нарушает закон (или позволяет его обойти), оно совершается [3].

Во-вторых, подмена ценности призвания на ценность успеха и величия любой ценой. Труд как «служение делу» сменяется желанием доминирования на рынке, подавления конкурентов и максимизации прибыли вне зависимости от социальных или экологических последствий.

В-третьих, отказ от добровольной аскезы. Веберовский аскетизм предполагает самоконтроль, что современный бизнес воспринимает как ненужную, обременяющую практику. Он не упустит возможность обойти налоги, экологические нормы или трудовое законодательство [4].

Теперь перейдем к рассмотрению конкретных кейсов. Цифровая экономика создала новые формы этической деградации, что еще больше показало злоупотребление властью и жадной к доминированию на рынке. Компания Google в 2025 году получила штраф от Еврокомиссии на сумму более 2,9 млрд евро за «системное злоупотребление доминирующим положением» на рынке цифровой рекламы. Данная корпорация, являясь одновременно и продавцом рекламного пространства (например, YouTube), и покупателем (через инструменты рекламодателей), создала условия, при котором контролирует подавляющее большинство медиапространства, в связи с этим, конкуренты вынуждены были подстраиваться под политику компании. Данный конфликт интересов показывает, что честной конкуренции практически не осталось среди крупнейших мировых корпораций.

Еще одним негативным примером является триумф Tesla. Илон Маск, как глава компании, демонстрирует подмену рациональной деловой этики на харизматический культ личности. С точки зрения тезисов Вебера, Tesla является патологическим «господством харизмы» в ущерб «рациональной бюрократии». В декабре 2025 года Калифорнийский департамент транспортных средств официально заявил, что компания нарушила закон штата. Tesla вводит потребителей в заблуждение, используя термины «автопилот» и «полное самоуправляемое вождение». При этом, данная функция автомобилей не является абсолютной гарантией безопасности водителя и пассажиров. Корпорация была

вынуждена признать, что «Автопилот» требует постоянного контроля водителя и ответственность по-прежнему в полной мере остается на нем. Только за 2026 год на компанию было подано более 20 судебных исков с обвинениями, связанными с действиями автопилота и связанными этим авариями. Нашумевший режим «Mad Max» для экстремального вождения провоцировал ДТП, а также игнорировал красный сигнал светофора и совершал опасные маневры. Пресс-служба Tesla опубликовало заявление, в котором ответило разгневанной общественности: «Он ведет ваш автомобиль как спорткар. Если вы спешите, этот режим для вас». Завершалась публикация фразой: «А кому не нравится – тот может идти своей дорогой». По заявлениям Илона Маска и действиям компании ярко видно, как введение потребителей в заблуждение двойкими фразами и красивыми речами приводит к плачевным последствиям для жизни общества. Ложь стала системной, а цинизм – эффективной практикой.

В современном мире транснациональных компаний сохранились и те, которые придерживаются моральных установок. Позитивным примером является компания ИКЕА. Основатель компании Ингвар Кампрад является воплощением аскезы. Он летал эконом-классом, ездил на старенькой Volvo, и даже на вручение премии «бизнесмен года» приехал на общественном транспорте. Ингвар жил сдержанно, но не экономил на безопасности и комфорте сотрудников. Знаменитая фраза основателя гласит: «Я одержим бизнес-идеями ИКЕА. Сделать жизнь людей хоть немного лучше». Принцип личной значимости сотрудников и достойные условия труда на производстве прямо противопоставляются авторитарному цинизму Илона Маска и большинству предпринимателей. ИКЕА активно продолжает поддержку экологичного производства, согласно отчетам, корпорация активно использует возобновляемые источники энергии и следит за переработкой отходов.

В нашей стране также существуют компании, придерживающиеся веберовских идеалов. Знаменитая сеть строительных магазинов «Лемана ПРО» (бывшая Леруа Мерлен) в 2025 году была признана второй в рейтинге наиболее социально ответственных компаний России. Слоган гласит: «Люди, дом, природа». Наиболее показательной является программа «Зеленые товары», согласно которой, компания имеет комплексный подход к проверке экологичности продаваемых позиций. Компания оценивает поставщиков не только по цене и качеству, но и

по их воздействию на окружающую среду на всех этапах, от добычи сырья и до утилизации отходов. В рейтинге Forbes «Лучшие работодатели России 2025 года», Лемана ПРО вошла в лидеры, получив высокие оценки за корпоративное управление, борьбу за экологию и взаимодействие с сотрудниками и обществом.

Представленные примеры наглядно демонстрируют, что кризис предпринимательской этики является противоречивым и глобальным процессом, закономерным этапом развития капитализма. Тот мистический «дух», который когда-то продвигал идеи рационального ведения хозяйства утрачивает внимание бизнесменов, все дальше отдаляясь от общепринятой практики, уступив место безжалостной конкуренции и цинизму. Если классический капиталист избегал роскоши и ценил деловую репутацию, то владельцы корпораций тратят миллиарды на лоббирование своих интересов и уничтожение конкурентов. Таким образом, веберовская теория остается актуальным инструментом анализа экономической деятельности в современной капиталистической системе. Если крупный бизнес не вернет в свою практику элементы этической ответственности и самодисциплины, кризис нравственности будет развиваться еще сильнее, а доверие общества будет утрачено.

Список литературы

1. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма. – М.: Прогресс, 1990. – 880 с.
2. Попова, А. В. История развития социальной ответственности бизнеса. – М.: Кнорус, 2020. – № 6. – С. 148–157. сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-sotsialnoy-otvetstvennosti-biznesa> (дата обращения: 03.04.2026).
3. Черной, Л. С. Предпринимательская этика и экономическое развитие: парадоксы современности. – М.: ЭНСП 2014. – № 4 (67). – С. 49–64. сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predprinimatelskaya-etika-i-ekonomicheskoe-razvitie-paradoksy-sovremennosti> (дата обращения: 03.04.2026).
4. Шаповалов, В. Ф. Откуда придет «дух капитализма»? – М.: Наука, 1994. – № 2. – С. 23–33.

Kireev Maksim Aleksandrovich
Student, Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
E-mail: maks30835375@mail.ru

Argunova Vera Nikolaevna
Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
E-mail: v_argunova@mail.ru

ENTREPRENEURIAL ETHICS IN THE MODERN WORLD IN THE DISCOURSE OF WEBERIAN THEORY

Abstract. This article analyzes the current state of entrepreneurial ethics through the lens of Max Weber's theory of the Protestant ethic and the spirit of capitalism. The ideal traits of the ethical entrepreneur in the modern world, such as honesty, morality, and discipline as the foundation of business reputation, conflict with the actual practices of the largest modern transnational companies. Using both negative and positive examples of international corporations' activities, it is demonstrated that the moral ideals of entrepreneurship have been largely lost, but some economic entities strive to preserve them.

Keywords: entrepreneurial ethics; Max Weber; spirit of capitalism; moral crisis; social responsibility

Карякин Эдуард Александрович
аспирант, старший преподаватель кафедры философии и богословия
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского,

г. Санкт-Петербург

E-mail: edkaryakin@yandex.ru

Кленин Петр Владиславович
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии
Санкт-Петербургский государственный морской технический университет,

г. Санкт-Петербург

E-mail: dancewithsomeone@gmail.com

ОТ ФИЛОСОФСКИХ КАТЕГОРИЙ К ПАТРИОТИЧЕСКИМ ЦЕННОСТЯМ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Аннотация. В статье исследуется образовательный и воспитательный потенциал философии в формировании патриотических ценностей. Автор рассматривает переход от абстрактных философских категорий к конкретным ценностным ориентациям, обращаясь к традициям немецкой классической и русской философии XIX–XX веков. Показано, как философская рефлексия способствует преодолению формализма в патриотическом воспитании, интегрируя рационально-правовые основания гражданского патриотизма с культурно-историческим и религиозно-этическим измерениями. Предлагается интеграция этих подходов в образовательный процесс для формирования глубокого и осмысленного патриотического сознания.

Ключевые слова: патриотизм; философия образования; немецкий идеализм; русская философия; ценности; воспитание; гражданственность; соборность; национальная идентичность; рефлексия

Актуальность вопроса формирования патриотических ценностей в условиях глобальной нестабильности и трансформации парадигм социальной идентификации не вызывает сомнений. Но практика патриотически ориентированного воспитания зачастую может сталкиваться с

такими методологическими препятствиями как формализм, декларативность, противоречия между национальной традицией и конвенциональными представлениями о гуманистических идеалах и т.д. В данном контексте потенциал философии как образовательной дисциплины, формирующей патриотические ценности, неочевиден или остается слабо востребованным. Ввиду этого, целью данной статьи является демонстрация того, как переход от абстрактного уровня философских категорий к конкретике ценностных ориентаций может обогатить и фундировать процесс патриотического воспитания в классической мысли [6], сделав его как интеллектуально насыщенным, так и личностно значимым.

Философия – научная дисциплина, нацеленная на постижение универсальных категорий – таких как свобода, долг, разум, история, дух, народ и т.д. – обладает значительным, хотя и не всегда в полной мере раскрытым потенциалом. Эти понятия не просто абстрактные термины, они функционируют как смысловые узлы, организующие опыт, ценностные ориентации и самопонимание культур и эпох. Интеллектуальная работа с этими категориями, их критический анализ, прояснение и систематизация составляют суть философии как практики. Однако методологический и мировоззренческий базис для этой работы зачастую остается невостребованным в его полноте, будучи ограниченным либо узко-академическими интерпретациями, либо поверхностным публичным дискурсом. Поэтому значительная часть этого потенциала остается латентной. В современном контексте это связано с несколькими факторами. Во-первых, с глубокой специализацией знания, которая фрагментирует целостное рассмотрение универсальных категорий, делегируя их аспекты отдельным дисциплинам. Во-вторых, с инструментализацией мышления, ориентированного на настоящую и своевременную эффективность, в то время как философская рефлексия требует как временного, так и интеллектуального ресурса для вдумчивого прояснения оснований. В-третьих, с редукцией сложных философских категорий до их идеологизированных или популистских симулякров в публичном пространстве, что лишает их критической глубины и аналитической мощи. Полное раскрытие потенциала философии предполагает возвращение к ее исходной установке – вопрошанию о безусловном.

Особенно продуктивным для раскрытия данной темы является обращение к двум интеллектуальным традициям философского обоснования патриотизма: немецкой классической философии и русской философии XIX–XX веков. Разумеется, отношения этих двух историко-философских феноменов невозможно назвать диалогичными по нескольким причинам: русская философия указанного периода появилась как рецепция и затем реакция на немецкий идеализм, формировалась в своих специфических культурно-исторических обстоятельствах, представила собой не только лишь идеалистическую линию философствования. Тем не менее, указание, рассмотрение и осмысление этого процесса духовного преобразования дает возможность детальной воспроизвести концептуальное поле, в котором абстрактные категории обрели конкретно-историческое и экзистенциальное звучание, трансформируясь в ценностное отношение к Отечеству.

Немецкий идеализм, представленный трудами И. Канта, И. Г. Фихте, Г. В. Ф. Гегеля, заложил систематические основания для понимания патриотизма как осознанной нравственной и правовой позиции. Этика Иммануила Канта, выстроенная вокруг автономии воли и категорического императива, предлагает рациональное обоснование природы долга. Патриотизм предстает конкретизацией долга перед тем государством, которое создает условия для реализации возможности быть свободным в своем целеполагании в рамках всеобщего законодательства [4]. Это важный аспект для понимания того, что любовь к Отечеству представляет собой в первую очередь форму уважения к его законам и институтам. Иоганн Готлиб Фихте в своих «Речах к немецкой нации» совершил поворот от универсализма Канта к проблеме национальной идентичности. Для Фихте патриотизм – активная деятельность по созданию культурной, духовной общности народа, основанного на общем языке и национальном воспитании [10]. Его идеи демонстрируют как философская категория «народ» выступает главным катализатором и логической причиной создания новой воспитательной программы для пробуждения коллективного самосознания. Георг Вильгельм Фридрих Гегель синтезировал эти линии, представив государство высшей формой объективации мирового духа в истории [1]. Такая формация выступает с одной стороны необходимым этапом развития духа, с другой стороны не исключает особенных, индивидуальных способов проявления национальной идентичности. Патриотизм в его философской

системе можно определить доверием индивида к государству как к проявлению разумного начала и осознанию своего единства с ним как целым. Здесь «дух» как философская категория становится основой для ценностного отношения к политической организации.

Русская философская мысль сместила акцент с научно-абстрактного на экзистенциально-культурологическое и религиозно-онтологическое понимание патриотизма. Для славянофилов (Алексей Степанович Хомяков, Иван Васильевич Киреевский) ключевым аспектом объединения народа стала «соборность» – органическая, основанная на любви и вере духовная общность [3], противопоставляемая по способу организации западному рационализму и юридическому формализму. Патриотизм в этой парадигме – причастность к единству нации, укорененность в традициях и православной культуре, что выступает ценностью не только для политического, но и для религиозного сознания. Славянофилы актуализировали процесс самоидентификации русского народа в интеллектуальной среде, но наиболее глубокое влияние на последующие поколения мыслителей оказал синтез западноевропейской рациональности и православного богословия, нацеленный на утверждение идеи «всеединства». Владимир Сергеевич Соловьев по-своему критиковал немецкий идеализм за самоуверенный индивидуализм и космополитизм. С одной стороны, он отрицал присущий, по его мнению, немецкой философии взгляд на абсолютное начало, довлеющее «над отдельной человеческой личностью» [8]. С другой стороны, абстрактный космополитизм, лишенный живого нравственного и конкретно-духовного содержания, раскрыл представления немецких классиков на общество как совокупность механически взаимодействующих индивидов. Вводимое им понятие «Всеединства» подразумевает включение патриотизма в более широкий контекст христианской идеи всемирного братства. Любовь к своему народу обретает ценность и смысл только как этап осуществления общечеловеческой солидарности. Можно сказать, что это вдохновило братьев Евгения и Сергея Трубецкого на уточнение того, как соборное сознание открывается всемирному диалогу, а не противопоставляет себя другим национальным патриотическим устремлениям [5]. По их мысли идея соборности, русская идея призвана преобразить многообразие национальных ликов и открыть истину как логическое единство множества мыслящих существ. Владимир Францевич Эрн видел в русской идее еще большую заслугу,

не просто диалогическую, а примиряющую Восток и Запад, онтологизм и критицизм, веру и разум на общехристианских началах [2]. Семен Людвигович Франк в своей социальной философии развивал соловьевскую идею высшей правды, которую он видел в духовной Родине, приобретающей сверхнациональный смысл [7].

Таким образом, образовательный и воспитательный потенциал философии в контексте формирования патриотических ценностей заключается в ее способности осуществлять критическую рефлексию и смыслополагание. Обращение к немецкой классике позволяет сконструировать модель гражданского патриотизма, основанного на разуме, законе и сознательном долге. Опыт русской философии обогащает эту модель, добавляя к ней измерения культурной идентичности, исторической миссии и православной этики. Интеграция этих двух традиций в образовательный процесс – через изучение первоисточников, проведение сравнительного анализа, обсуждение генезиса и метаморфоз основных понятий – может способствовать формированию глубокого осмысленного патриотического сознания. Патриотизм, воспитываемый таким способом, сможет выйти за рамки чувства собственного гражданского достоинства в пользу понимания сложного диалектического отношения между национальным и общечеловеческим, традицией и прогрессом, долгом перед страной и ответственностью перед миром. Философия в этом измерении дает возможность перевести универсальные понятия и категории на язык конкретных ценностей, выраженных как результат собственной работы мысли на материалах историко-философского наследия.

Список литературы

1. Гегель, Г. В. Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
2. Дерюгина, Д. Ю. Критика западной схоластики в русской религиозной мысли XIX начала XX века // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2025. – №2 (54). – С. 177–186.
3. Долецкая, С. В. Формирование антропологических идей в русской православной педагогике: взгляды И. В. Киреевского и А. С. Хомякова // Проблемы современного педагогического образования. – 2024. – № 85-1. – С. 144–147.
4. Кант, И. Основоположения метафизики нравов // Сочинения. В 8-ми т. Т. 4. – М.: Чоро, 1994. – 630 с.

5. Кузнецова, С. В. Национальная идея в историософии Е. Н. Трубецкого // Ценности и смыслы. – 2017. – №6. – С. 127–134.

6. Ляшко, И. А., Карякин Э. А. О роли философии в нравственном образовании // Общество и образование в XXI веке: опыт, традиции, перспективы (Седьмые Лозинские чтения): Материалы Международной научно–методической конференции, Псков, 24–28 апреля 2017 года. Том Часть I. – Псков: Псковский государственный университет, 2017. – С. 300–306.

7. Монахиня, Е. (Парунян Е. М.) Единство философии, религии и мистики в философии религии С. Л. Франка // Христианское чтение. – 2024. – №1. – С. 171–182.

8. Роцинский, С. Б. Формирование основ онтологии всеединства // Соловьевские исследования. – 2010. – № 3 (27). – С. 4–11.

9. Тумин, А. Ю. Идея служения Отечеству в немецкой классической философии: анализ актуальных концептов // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2024. – №3. – С. 229–236.

10. Фихте, И. Г. Речи к немецкой нации. – СПб.: Наука, 2009. – 349 с.

Karyakin Eduard Aleksandrovich

*PhD Student, Senior Lecturer, Department of Philosophy and Theology
F. M. Dostoevsky Russian Christian Academy for the Humanities,
Saint Petersburg*

E-mail: edkaryakin@yandex.ru

Klenin Petr Vladimirovich

*Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Department of Philosophy and Sociology
Saint Petersburg State Marine Technical University, Saint Petersburg*

E-mail: dancewithsomeone@gmail.com

FROM PHILOSOPHICAL CATEGORIES TO PATRIOTIC VALUES: EDUCATIONAL AND EDUCATIONAL POTENTIAL

Abstract. The article examines the educational and upbringing potential of philosophy in the formation of patriotic values. The author explores

the transition from abstract philosophical categories to concrete value orientations, drawing on the traditions of German classical philosophy and Russian philosophy of the 19th–20th centuries. It is shown how philosophical reflection helps overcome formalism in patriotic education by integrating the rational-legal foundations of civic patriotism with cultural-historical and religious-ethical dimensions. The integration of these approaches into the educational process is proposed to foster a profound and meaningful patriotic consciousness

Keywords: patriotism; philosophy of education; German idealism; Russian philosophy; values, upbringing; civic consciousness; sobornost; national identity; reflection

Князева Наталья Сергеевна

кандидат социологических наук, ВООО АРДИ "Свет", г. Владимир

E-mail: yelena.taranova.79@inbox.ru

Нечаева Ирина Игоревна

кандидат социологических наук, г. Владимир

E-mail: nechaevaii@list.ru

ВОПРОСЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛЮДЕЙ С СИНДРОМОМ ДАУНА В РОССИИ, США И ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ НА ПРИМЕРЕ ТРУДОУСТРОЙСТВА И СПОРТА

Аннотация. В статье приведены статистические данные о распространенности синдрома Дауна в России и Европе, а также факторы, влияющие на рождаемость. Подробно рассмотрены вопросы трудоустройства людей с синдромом Дауна в США, Германии и других европейских странах. Отдельное внимание уделяется российской практике социализации через труд и спорт.

Ключевые слова: синдром Дауна; социализация; трудоустройство; социальная адаптация

Двадцать первый день третьего месяца был выбран, поскольку синдром Дауна связан с 3 копиями 21-й хромосомы (трисомия по 21-й хромосоме). По состоянию на 2019 год, в России проживает 51 тыс. человек с синдромом Дауна, в том числе 25 тыс. детей.

Ежегодно рождается около 1500–2500 детей, что составляет примерно 1 случай на 870 рождений.

Специфического персонифицированного учета людей с этим генетическим состоянием в России, как и во многих других странах, не ведется.

Ежегодно в Европе на свет появляется около 8 000 детей с синдромом Дауна, что составляет примерно 1 случай на каждые 990 рождений.

В среднем в Европе рождается 22 человека с синдромом Дауна в день. В Европе имеются большие различия между отдельными странами и регионами из-за разницы культурных установок и законодательства в области здравоохранения.

Средние показатели рождаемости в Европе – 10 чел. на 10 000 рождений. Самые высокие показатели рождаемости – в Северной Европе (11,4 чел. на 10 000 рождений), а самые низкие – в Южной Европе (8,3 чел. на 10 000 чел.). Страна-лидер по рождаемости – Ирландия (здесь рождаемость людей с синдромом составляет почти 28 чел. на 10 000 новорожденных, и количество прерываний беременностей с риском по синдрому Дауна всего 8%).

За последние 30 лет рождаемость детей с синдромом Дауна в Европе снизилась на 11%. Из-за расширения охвата пренатального скрининга, роста его точности, а также расширения возможности прерывания беременности по желанию пациентов, сегодня на свет появляются почти на 50% меньше людей с синдромом Дауна, чем могло бы родиться – коэффициент абортов при риске синдрома Дауна в среднем составляет 54% (72% в Южной Европе и 51% в Северной Европе).

Согласно модельным расчетам, наибольшее количество абортов при риске синдрома Дауна делаются в Испании (83%), Португалии (80%), Италии (71%).

По состоянию на 2025 г. в Европе проживало около 370 тыс. чел. с синдромом Дауна.

Топ - 9 стран Европы по расчетному количеству жителей с синдромом Дауна: Россия – 69,22 тыс., Германия – 47,46 тыс., Великобритания – 41,51 тыс., Италия – 38,33 тыс., Франция – 35,68 тыс., Испания – 32,32 тыс., Украина – 21,47 тыс., Польша – 21,32 тыс., Нидерланды – 13,3 тыс.

Распространенность синдрома Дауна среди населения Европы – 5,7 чел. на 10 000 жителей, или 1 человек с синдромом Дауна на 1767 европейцев.

Топ-9 стран Европы по количеству случаев синдрома Дауна на 10 000 жителей: Ирландия – 14 чел., Мальта – 9,8 чел., Нидерланды – 7,9 чел., Финляндия – 7,6 чел., Норвегия – 7,3 чел., Исландия – 7,2 чел., Швеция – 7,2 чел., Испания – 7,1 чел., Литва – 7,1 чел.

Чем старше женщина, тем выше риск, что у нее родится ребенок с синдромом Дауна. Ученые выявили следующую закономерность: у женщин до 30 лет риск рождения ребенка с синдромом – 1 на 1 000 беременностей, у женщин после 40 лет – 1 на 100.

Средняя продолжительность жизни людей с синдромом Дауна в Европе выросла с 3 лет в 1950 г. до 53 лет в 1970 г. В последнее время средняя продолжительность жизни в Европе составляет 58 лет.

Коэффициент интеллекта (IQ) у людей с синдромом Дауна обычно варьируется в пределах 20–75 (при норме выше 70), чаще составляя около 50. Хотя у большинства присутствует легкая или умеренная умственная отсталость, многие способны учиться, читать, считать, осваивать профессии и социализироваться, компенсируя отстаивание душевностью и открытостью.

Часто задается вопрос – могут ли и где могут работать люди с синдромом Дауна. Конкретного ответа на этот вопрос нет. Люди с синдромом Дауна разные, у них разные навыки, опыт; разные люди смогут выполнять разную работу.

При грамотном обучении и создании нужных условий люди с синдромом Дауна могут успешно реализовать себя в сфере обслуживания, торговли, в различных творческих профессиях. Они могут работать в офисе, кафе и ресторанах, в магазинах, образовательных учреждениях, ухаживать за растениями и животными.

Вопросы трудоустройства людей с синдромом Дауна в США, Европе и России выглядит и организовано очень по-разному.

Авторы масштабного исследования, проведенного Благотворительным фондом «Даунсайд Ап» опираются на результаты опроса семей, в которых живет человек, с синдромом Дауна. Исследование выявило причины отказа некоторых молодых людей с синдромом Дауна от работы или от ее поиска, продолжительность рабочей недели тех,

кто трудоустроен, наиболее распространенные сферы занятости, а также новые потенциально востребованные технические навыки.

Общее представление о положении дел с трудоустройством и возможностью работать в инклюзивной среде в ряде европейских стран получено на основании ответов 20 общественных организаций – членов Европейской ассоциации Даун синдром (EDSA) из 17 стран на вопросы распространенной среди них анкеты, а также из выступлений представителей этих организаций на ассамблее EDSA.

По данным Всемирной организации здравоохранения, 80 % взрослых с синдромом Дауна сейчас достигают 50-летия. В связи с увеличением продолжительности жизни растет важность трудовой занятости и других аспектов взрослой жизни людей с синдромом Дауна. Тема трудоустройства, подготовка подростков к профессиональной деятельности, правовые вопросы и практика трудоустройства людей с ментальной инвалидностью в российских условиях, аргументы в пользу приема на работу людей с синдромом Дауна становится актуальной.

При внимательном рассмотрении приведенных в исследовании цифр можно заметить схожесть проблем и препятствий в организации перехода молодых людей с синдромом Дауна от учебы к трудовой деятельности за рубежом и в России. Это, например, взгляд родителей на своих выросших детей как на «вечных детей», неготовность отпустить их в самостоятельную жизнь. Такое явление было отчетливо выявлено и при опросе, проведенном некоторое время назад специалистами Даунсайд Ап. Предвзятое отношение работодателей, к сожалению, тоже существует почти везде. В то же время в сообщениях ряда стран упоминаются так называемые «социальные предприятия» [2]. Еще один интересный факт, о котором можно узнать из сообщений членов Европейской ассоциации Даун синдром (EDSA), – это поддержка усилий по обучению и трудоустройству людей с синдромом Дауна со стороны Европейского Союза. Конечно, представленные данные требуют анализа, осмысления и практических выводов, но они могут стать стимулом к поиску новых решений в сфере поддерживаемого трудоустройства в России.

В 2018 году, на момент проведения этого опроса, уровень безработицы для людей с ограниченными возможностями в Соединенных Штатах составлял 11,2 %, в то время как для людей без инвалидности

– 5,1 %. Приблизительно 80 % взрослых людей с ограниченными возможностями в Соединенных Штатах в то время не были заняты на оплачиваемой работе. Несоответствие в цифрах (11,2 и 80) связано с тем, что у многих людей с ограниченными возможностями может быть неоплачиваемая работа (волонтерство), они могут не находиться в активном поиске работы или иметь проблемы со здоровьем, осложняющие этот поиск.

Что касается типа оплачиваемой работы, то 64,6 % опрошенных сообщили, что работают на предприятиях открытого рынка труда, 20,9 % – в условиях защищенных мастерских, 2,8 % имеют статус самозанятых, а 11,7 % выбрали ответ «другое», указав, что проходили стажировку или что их работа носила кратковременный характер.

Большинство взрослых с синдромом Дауна в основном заняты на работах, которые недостаточно используют их навыки. Опрос показал, что 69 % взрослых с синдромом Дауна владеют компьютерными навыками, из них 88,6 % используют компьютеры дома, но на рабочих местах – только 15,7 % и еще 9,9 % – в процессе волонтерской работы.

Итак, результаты опроса показывают, что сферы занятости людей с синдромом Дауна в США должны быть расширены, а технические и прикладные дисциплины и компьютерные навыки должны быть включены в их обучение и профессиональную подготовку.

В Германии подавляющее большинство взрослых людей с синдромом Дауна (почти 100 %) работают: 80 % – в защищенных мастерских, 10 % – в центрах дневной занятости и 10 % – на предприятиях открытого рынка труда. Мастерские предлагают множество разных вариантов работы, и многие из них представляют собой вполне современные предприятия. В Германии сегодня действуют 700 мастерских, в каждой из которых обычно от 7 до 10 % работников – люди с синдромом Дауна. В прошлом в таких мастерских производилась механическая монотонная работа. Сегодня это не так. Сотрудники могут заниматься сборочными работами, упаковкой, изготовлением деревянных игрушек и мебели, садоводством и огородничеством.

Работа, как правило, осуществляется в рамках контракта. Сотрудники заняты 35–40 часов в неделю. В рабочие часы они могут проходить дополнительное обучение. В период подготовки к зачислению в штат мастерских им выплачивается стипендия в размере 80 € в день, а

работающим – от 150 до 300 € (минимальная заработная плата в Германии составляет 90 €). Некоторые работники мастерских заняты одновременно на предприятиях открытого рынка труда или в социальных фирмах. При зачислении на работу на предприятие открытого рынка труда все преференции, которые дает защищенная мастерская, – гарантированная занятость, получение неплохой пенсии через 20 лет – остаются за этим работником. Для самого предприятия участие в его работе людей с инвалидностью также выгодно, так как их обучение проходит на базе мастерских, а предприятие получает налоговые льготы. Что же касается социальных фирм, в которых работники с инвалидностью обычно составляют от 30 до 50 %, то там таких преимуществ, которые дает работа в защищенных мастерских, нет.

Что касается других европейских стран, то результаты опроса, проведенного Благотворительным фондом «Даунсайд Ап» о трудовой занятости были получены от 20 организаций из 17 стран: Албании, Австрии, Германии, Испании, Венгрии, Чехии, Италии, Дании, Нидерландов, Украины, Португалии, Хорватии, Румынии, Исландии, Турции, Шотландии и Словении. Большинство респондентов отметили, что приводимые ими цифры часто являются результатом лишь приблизительных оценок, так как точных данных на этот счет нет. Некоторые организации, в частности из Швеции, Норвегии и Швейцарии, сообщили, что данных по их странам так мало, что они не могут дать даже приблизительные цифры.

После окончания школы и курсов по обучению профессиональным навыкам молодые люди с синдромом Дауна лишь в количестве около 2 % работают на предприятиях открытого рынка труда. Лишь в пяти из опрошенных стран показатели выше. Это Австрия (4 %), Германия (10 %), Испания (5 %), Португалия (10 %), Италия (13 %) [3]. При этом в большинстве стран у людей с синдромом Дауна вообще нет возможности получить работу на обычном предприятии и, закончив школу, они чаще всего остаются дома, без работы. Только в Нидерландах, Австрии и Германии практически все взрослые с синдромом Дауна так или иначе трудоустроены.

В России такие организации, в которых применяется труд людей с синдромом Дауна, создаются энтузиастами, и, вероятно, одним из наиболее успешных проектов, который в настоящее время осуществляется в тесной связи с государственными органами, стали социально

защищенные мастерские в Пскове [1]. Хочется заметить, что название встречи представителей европейских стран «Инклюзия в сфере занятости» кажется неслучайным. Оно не говорит только о занятости на предприятиях открытого рынка труда. Так, в Италии, как сказано в отчете, есть, по существу, инклюзивные «социальные кооперативы», в Германии – социально защищенные мастерские нового типа, в которых работают не только инвалиды. Предоставление разнообразных возможностей для людей с синдромом Дауна, отвечающих широкому спектру их потребностей, – важная задача и для государственных органов, и для общественных организаций всех стран, в том числе и России. Каждый из людей с синдромом Дауна – уникальный человек с особыми интересами, навыками и личными качествами, которые он может принести в свою работу. Мы не должны предполагать, что все люди с синдромом Дауна будут отлично справляться с какой-то работой или что они могут выполнять только неквалифицированную работу и будут этим полностью удовлетворены. Один человек с синдромом Дауна будет хорошо работать в кафе вместе с командой коллег и получать от этого удовольствие, в то время как другому по душе придется работа в офисе. Человек, который любит детей, может проявить себя в уходе за детьми, а другой будет наслаждаться физической работой на открытом воздухе или получать радость от работы садовником. Речь идет о том, чтобы подобрать работу в соответствии с интересами и навыками человека с синдромом Дауна и обеспечить ему при этом необходимую поддержку.

Во Владимире дети и подростки с синдромом Дауна, состоящие в ВООО АРДИ «Свет», работают волонтерами с младшими детьми в Школе Жизни организации. Они помогают воспитателям, фактически осуществляя функции младших воспитателей. Эта деятельность поощряется организацией поездками на экскурсии не только по области, но и по России.

В феврале ребята посетили Волгоград, ранее побывали на Кавказе, путешествовали на теплоходе по Волге и т.д.

В России социализация детей и подростков с синдромом Дауна посредством занятий спортом проводится в Российском государственном социальном университете под руководством декана факультета физической культуры, доктора педагогических наук Александра Мохова.

Иностранцы спортсмены с синдромом Дауна активно участвуют в международных соревнованиях, главными из которых являются Трисомные игры (Trisome Games) – аналог Олимпийских игр для людей с этим синдромом, впервые прошедшие в 2016 году в Италии.

В 2024 году игры состоялись в Анталье (Турция), где участники со всего мира установили множество рекордов в плавании, легкой атлетике и других дисциплинах.

Атлеты соревнуются в плавании, легкой атлетике, настольном теннисе, дзюдо, спортивной гимнастике и мини-футболе.

В 2024 году российские спортсмены установили мировые рекорды на Трисомных играх.

Помимо профессиональных игр, люди с синдромом Дауна участвуют в Специальной Олимпиаде, они устанавливают мировые рекорды в плавании, легкой атлетике и гимнастике, доказывая, что целеустремленность позволяет преодолевать ментальные особенности а также активно привлекаются в качестве волонтеров на крупные спортивные события. Такие соревнования помогают спортсменам покорять вершины, а также разрушать стереотипы.

Основные достижения и известные спортсмены с синдромом Дауна:

Алексей Дегтярев и София Алешина – многократные победители и рекордсмены международных турниров (в т.ч. рекорды Европы). Андрей Востриков – знаменитый российский гимнаст, завоевавший множество медалей на международной арене, Крис Никич (США) – первый человек с синдромом Дауна, преодолевший в триатлоне дистанцию Ironman, Умед Мамадкулов – первый россиянин, прошедший этот триатлон, российские спортсмены с синдромом Дауна завоевывают звания мастеров спорта.

Владимирские молодые люди с синдромом Дауна успешно занимаются плаванием, ездят на региональные соревнования по России, занимаются конным спортом в течении всего года, на улице и в крытом манеже.

Спорт для людей с синдромом Дауна – это не только медали, но и социализация, укрепление здоровья и демонстрация возможностей, разрушающих стереотипы.

Список литературы

1. Иванова, Н. Ю. Как помочь человеку с ментальными особенностями найти работу // Синдром Дауна. XXI век. – 2018. – № 2 (21). – С. 28–50.
2. Талицкая, З. В., Урядницкая, Н. А. К взрослой жизни // Синдром Дауна. XXI век. – 2018. – № 1 (20). – С. 57–62.
3. Найти свое место в обществе. Трудоустройство людей с синдромом Дауна в США и Европе. 2019. сайт. – URL: https://downsideup.org/elektronnaya-biblioteka/nayti-svoe-mesto-v-obshchestve-trudoustroystvo-lyudey-s-sindromom-dauna-v-ssha-i/?sphrase_id=294402

Natalya Sergeevna Knyazeva

PhD in Sociology

VOOO ARDI "Svet", Specialist

Email: yelena.taranova.79@inbox.ru

Irina Igorevna Nechaeva

PhD in Sociology, Associate Professor

Email: nechaevaii@list.ru

ISSUES OF SOCIALIZATION OF PEOPLE WITH DOWN SYNDROME IN RUSSIA, THE USA, AND EUROPEAN COUNTRIES: CASE STUDY OF EMPLOYMENT AND SPORTS

Abstract. The article provides statistical data on the prevalence of Down syndrome in Russia and Europe, as well as factors affecting fertility. The issues of employment of people with Down syndrome in the USA, Germany and other European countries are considered in detail. Special attention is paid to the Russian practice of socialization through work and sport.

Keywords: Down syndrome; socialization; employment; social adaptation

Князьнеделин Радислав Алексеевич
доктор экономических наук, главный научный сотрудник
ФГБУ «33 ЦНИИИ» Минобороны России, г. Вольск-18
E-mail: radislav@yandex.ru

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА: КОНЦЕПЦИЯ ЗАКРЫТОЙ ПРОЗРАЧНОСТИ И ПОЭТАПНАЯ МОДЕЛЬ ВНЕДРЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуется проблематика цифровой трансформации системы государственного оборонного заказа Российской Федерации и интеграции технологий искусственного интеллекта в процессы управления оборонными закупками. Обоснована авторская концепция «закрытой прозрачности» как механизм преодоления противоречия между подотчетностью и государственной секретностью. Предложена трехуровневая архитектура Единой цифровой платформы управления ГОЗ (ЕДПУ-ГОЗ) с дифференцированным доступом к данным. Разработана формула совокупного уровня кибернетической устойчивости ($СУК > 2,0$). Введен показатель информационной интеграции ГОЗ (ИИИ-ГОЗ: текущее значение 0,233, целевое – 0,75 к 2030 г.). Обоснована трехэтапная модель внедрения ИИ: автоматизация – рекомендательные системы – автономные решения с человеческим контролем. Предложена модель «двойного ключа» распределения юридической ответственности за решения, принимаемые с участием ИИ.

Ключевые слова: 275-ФЗ; государственный оборонный заказ; закрытая прозрачность; искусственный интеллект; кибербезопасность; оборонно-промышленный комплекс; цифровая трансформация

1. Цифровая экосистема ГОЗ и концепция «закрытой прозрачности»

Современная система военно-политического управления Российской Федерации функционирует в условиях беспрецедентного стратегического противостояния, характеризующегося одновременным воздействием нескольких взаимоусиливающих факторов: проведением

специальной военной операции, масштабным санкционным давлением, глобальной технологической гонкой вооружений и стремительным ростом объемов оборонных расходов. По данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI), мировые военные расходы в 2024 году достигли рекордного уровня в 2 718 млрд долларов США при росте на 9,4% – наиболее значительном увеличении за десятилетний период непрерывного наращивания [14]. Совокупные расходы 32 государств – членов НАТО составили 1 506 млрд долларов (55% мировых); расходы Соединенных Штатов – 997 млрд, Китайской Народной Республики – 314 млрд. Расходы Российской Федерации оценены в 149 млрд долларов (7,1% валового внутреннего продукта, третье место в мировом рейтинге, рост на 38% в реальном выражении). Указанная динамика отражает фундаментальную ресурсную асимметрию: совокупный военный бюджет НАТО более чем в десять раз превышает оборонные расходы России, что объективно обуславливает стратегический императив максимизации отдачи от каждого рубля, вложенного в систему государственного оборонного заказа (далее – ГОЗ).

Федеральный бюджет Российской Федерации на 2025 год, утвержденный Федеральным законом от 2 декабря 2024 г. № 419-ФЗ, предусматривает расходы по разделу «Национальная оборона» в объеме 13 490,9 млрд рублей – 32,5% расходов федерального бюджета и приблизительно 6,3% ВВП [10]. На 2026 год Федеральным законом от 28 ноября 2025 г. № 426-ФЗ «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» расходы на национальную оборону определены в размере 12 930 млрд рублей (29,3% бюджета при совокупных расходах 44 070 млрд рублей и прогнозируемом ВВП 235 070 млрд рублей) [10]. Вместе с расходами на национальную безопасность и правоохранительную деятельность (3 910 млрд рублей) совокупные расходы на оборону и безопасность в 2026 году достигают 16 840 млрд рублей, что составляет 38% федерального бюджета. Данный масштаб финансирования превращает проблему информационного обеспечения управления ГОЗ в стратегический приоритет военно-политического курса государства: каждый процент потерь вследствие институциональных дисфункций означает десятки миллиардов рублей, которые не трансформируются в реальную военную мощь.

Вместе с тем действующая информационная инфраструктура системы ГОЗ характеризуется критической фрагментарностью: множество ведомственных информационных систем функционируют автономно, обмен данными осуществляется преимущественно в ручном режиме, информация о реальном состоянии исполнения государственных контрактов поступает к лицам, принимающим решения, с существенным запаздыванием и в заведомо неполном виде. Данная информационная фрагментация является тем системным ограничением, которое в значительной мере нивелирует усилия по совершенствованию нормативно-правовой базы ГОЗ, поскольку даже оптимально выстроенные процедуры не могут функционировать эффективно при отсутствии адекватного информационного обеспечения. Как указал О. Уильямсон в рамках институциональной экономической теории, предприятие – исполнитель государственного контракта всегда располагает значительно более полной информацией о реальных производственных затратах и ходе выполнения работ, чем государственный заказчик, и данное информационное преимущество формирует устойчивые стимулы для недобросовестного поведения – завышения себестоимости, затягивания сроков и иных форм злоупотреблений [7]. Параллельно стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ), определенного Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490, открывает принципиально новые возможности для повышения эффективности управления ГОЗ, однако порождает комплекс правовых и технологических проблем [6].

Цифровая трансформация системы ГОЗ в рамках настоящего исследования понимается не как перевод документооборота в электронный формат или автоматизация отдельных рутинных операций (подходы, принципиально недостаточные для решения системных проблем), а как качественное преобразование институциональной архитектуры управления оборонными закупками, обеспечивающее четыре принципиальных изменения. Первое изменение – замена дискретного ручного обмена данными между ведомствами непрерывным автоматизированным потоком структурированной информации в режиме реального времени. Второе – переход от постфактумного контроля к предиктивному управлению рисками с возможностью прогнозирования срыва сроков за 30–90 дней до их фактического проявления. Третье – внедрение интеллектуальных систем поддержки принятия решений на всех

уровнях управленческой вертикали. Четвертое – создание цифрового двойника системы ГОЗ, позволяющего моделировать последствия альтернативных решений до их практической реализации [2].

Принципиально важно, что четырехуровневая агентская модель управления ГОЗ – от Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации (далее – ВС РФ) через Правительство Российской Федерации и Военно-промышленную комиссию (далее – ВПК) к Министерству обороны Российской Федерации (далее – МО РФ) и далее к предприятиям оборонно-промышленного комплекса (далее – ОПК) – получает в контексте цифровой трансформации практическое технологическое воплощение. Каждый уровень агентских отношений требует специфического информационного обеспечения, и именно цифровая платформа с дифференцированным доступом к данным способна обеспечить каждый уровень информацией, необходимой и достаточной для выполнения его функций. Цифровая трансформация, целенаправленно сокращая информационную асимметрию через автоматизированный мониторинг производственных процессов предприятий ОПК, обязательный раздельный учет затрат по каждому государственному контракту и непрерывный ценовой анализ, является одновременно инструментом повышения экономической эффективности ГОЗ и важнейшим инструментом политического контроля государства над стратегически значимым сектором. Именно это обстоятельство определяет политологическое значение цифровой трансформации: она представляет собой не технический, а политический процесс, изменяющий распределение информационной власти между субъектами системы [7].

Нормативно-правовая база информационного обеспечения ГОЗ сформирована комплексом взаимосвязанных актов. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» устанавливает специальные режимы раздельного учета результатов финансово-хозяйственной деятельности, обязательность казначейского сопровождения расчетов по контрактам ГОЗ и использование идентификатора государственного контракта для сквозного отслеживания движения бюджетных средств по цепочкам кооперации [8]. Единая информационная система в сфере закупок и специализированная электронная площадка АСТ ГОЗ обеспечивают базовую информационную инфраструктуру. Качественный скачок ознаменован принятием

Федерального закона от 28 декабря 2024 г. № 511-ФЗ, предусматривающего создание автоматизированной системы мониторинга цен ГОЗ, вступившей в действие 1 апреля 2025 года [11]. Вместе с тем перечисленные элементы функционируют разрозненно – системы казначейского сопровождения, ведомственные информационные системы МО РФ и Минпромторга не интегрированы в единое информационное пространство, что воспроизводит проблему фрагментарности на новом технологическом уровне.

Для преодоления данного системного противоречия разработана концепция «закрытой прозрачности» – градуированного режима информационного доступа к данным о ГОЗ. Суть концепции состоит в отказе от двойственной позиции «полная открытость» против «полная закрытость» в пользу дифференцированного многоуровневого режима доступа, при котором каждый уполномоченный субъект получает именно тот объем и тот тип данных, которые необходимы для выполнения его функций в системе военно-политического управления. Архитектура «закрытой прозрачности» предполагает три уровня доступа, детализированных в таблице 1. Первый уровень (стратегический) предназначен для высшего военно-политического руководства – Президента Российской Федерации как Верховного Главнокомандующего ВС РФ, Правительства, ВПК – и обеспечивает полный доступ к агрегированным данным, включая аналитические панели принятия стратегических решений. Второй уровень (операционный) предназначен для структурных подразделений МО РФ, Минпромторга, Счетной палаты Российской Федерации [5] и включает детализированные данные о контрактах с полной финансовой информацией, но без тактико-технических характеристик систем вооружения, военной и специальной техники (далее – ВВСТ), раскрытие которых может нанести ущерб военной безопасности. Третий уровень (исполнительский) предназначен для предприятий ОПК и обеспечивает доступ к информации, непосредственно относящейся к контрактам данного предприятия, без доступа к данным других исполнителей [8].

Таблица 1 – Трехуровневая архитектура «закрытой прозрачности» ЕДПУ-ГОЗ

Уровень	Субъекты доступа	Объем информации	Ограничения
Стратегический (I)	Президент РФ, Правительство РФ, ВПК	Полный доступ к агрегированным данным, аналитические панели	Высший допуск секретности
Операционный (II)	МО РФ, Минпромторг, Счетная палата, ФАС	Данные по контрактам с финансовой информацией	Без ТТХ систем ВВСТ
Исполнительский (III)	Предприятия ОПК, субподрядчики	Информация по собственным контрактам	Без данных других исполнителей

Источник: составлено автором.

Практическим воплощением концепции «закрытой прозрачности» выступает модель Единой цифровой платформы управления ГОЗ (далее – ЕДПУ-ГОЗ). Платформа предполагает интеграцию действующих информационных систем – ЕИС, АСТ ГОЗ, систем казначейского сопровождения, ведомственных систем МО РФ и Минпромторга – в единое информационное пространство с унифицированным протоколом обмена данными и единым реестром субъектов доступа. Архитектура базируется на микросервисной модели, обеспечивающей масштабируемость и отказоустойчивость при работе с массивами данных, генерируемыми системой ГОЗ объемом свыше 13 трлн рублей ежегодно. Защита данных реализуется через комбинацию шифрования каналов связи (уровень ГОСТ Р 34.12–2015), мандатного управления доступом, протоколирования всех операций с данными и многофакторной аутентификации пользователей. Экономическое моделирование совокупного эффекта проведено по трем сценариям: базовый (снижение потерь на 15% при уровне потерь 8% от оборонного бюджета) – ежегодная экономия 162 млрд руб.; оптимистичный (снижение потерь на 28% при уровне потерь 10%) – 378 млрд руб.; пессимистичный (снижение потерь на 5% при уровне потерь 6%) – 40,5 млрд руб. Даже при пессимистичном сценарии совокупные затраты на создание ЕДПУ-ГОЗ (18–30 млрд руб.) окупаются менее чем за один год полноценного функционирования, что соответствует принципу результативности бюджетных

расходов, закреплённой статьёй 34 Бюджетного кодекса Российской Федерации [3].

ЕДПУ-ГОЗ обеспечивает технологическую реализацию «управляемой децентрализации» – расширения оперативных полномочий военных округов и видов ВС РФ по самостоятельному размещению заказов в пределах установленных лимитов при одновременном усилении информационного контроля со стороны центральных органов управления. Данный подход отвечает требованиям оперативности, выявленным в ходе специальной военной операции: децентрализованные субъекты принимают решения на основе собственной компетенции и понимания потребностей войск, а центральные органы в режиме реального времени контролируют принятые решения через аналитические панели ЕДПУ-ГОЗ и могут вмешаться при выявлении нарушений или неэффективных решений. Без цифровой платформы «управляемая децентрализация» неизбежно трансформируется в неуправляемую, поскольку оперативный мониторинг решений, принимаемых на местах, окажется невозможным [5].

Для количественной оценки степени информационной интеграции системы ГОЗ разработан показатель ИИИ-ГОЗ (индекс информационной интеграции государственного оборонного заказа), вычисляемый по формуле (1):

$$\text{ИИИ-ГОЗ} = (w_1 \cdot D + w_2 \cdot I + w_3 \cdot A + w_4 \cdot R) / 4, (1)$$

где D – доля оцифрованных процессов управления ГОЗ; I – степень межведомственной совместимости информационных систем; A – уровень аналитической обработки данных; R – охват мониторингом в реальном времени; $w_1 = 0,30$, $w_2 = 0,25$, $w_3 = 0,25$, $w_4 = 0,20$ – весовые коэффициенты, определённые экспертным методом. Расчёт по состоянию на 2025 год даёт значение 0,233, что свидетельствует о начальной стадии цифровой интеграции: отдельные элементы автоматизации присутствуют, однако межведомственная совместимость и аналитическая обработка остаются на низком уровне. Целевое значение – не менее 0,75 к 2030 году – предполагает полноценное функционирование ЕДПУ-ГОЗ, интеграцию не менее 80% процессов управления и обеспечение аналитической обработки данных с элементами предиктивной аналитики. Сопоставление с ИВЭО (индексом военно-экономической

обеспеченности, равным 0,69) показывает: информационная интеграция критически отстает от общего институционального развития системы, что однозначно подтверждает приоритетность цифровой трансформации как направления совершенствования ГОЗ [2].

2. Искусственный интеллект в системе ГОЗ: возможности и риски

Искусственный интеллект определяется Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека, в том числе самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма, и получать результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека [6]. Указом Президента Российской Федерации от 15 февраля 2024 г. № 124 данный документ существенно дополнен: введены понятия больших генеративных моделей и набора данных, уточнен принцип защищенности – разграничение ответственности разработчиков и пользователей ИИ-технологий исходя из характера и степени причиненного вреда. Применительно к сфере ГОЗ предлагается рабочее определение: ИИ в системе оборонных закупок – класс программных и программно-аппаратных комплексов, способных на основе машинного обучения, анализа больших данных и предиктивной аналитики автоматизировать принятие решений или формировать рекомендации для должностных лиц на всех этапах жизненного цикла ГОЗ – от планирования потребностей ВС РФ в ВВСТ до контроля исполнения контрактов и оценки боевой эффективности поставленных образцов.

Национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 года прямо оговаривает: технологии ИИ в сферах государственного управления и ОПК выводятся из-под общего режима открытости с установлением специального закрытого режима регулирования [6]. Фактически формируются две зоны регулирования – открытая гражданская и закрытая оборонно-государственная. Парадоксально, что именно в оборонной зоне, где риски наиболее значительны и последствия ошибок потенциально катастрофичны, законодательство остается наиболее фрагментарным. Федеральный закон № 275-ФЗ не содержит положений, регулирующих применение ИИ в управлении ГОЗ; отсутствует

правовой механизм распределения ответственности за решения, принимаемые с участием алгоритмических систем [8]. Данный правовой вакуум – наибольшие риски при наименьшем регулировании – является центральной проблемой, на решение которой направлены нормативные предложения настоящего исследования.

Возможности применения ИИ структурированы по шести направлениям, каждое из которых обладает специфическим потенциалом и рисками. Первое – автоматизация планирования потребностей и формирования технических заданий на ВВСТ: системы ИИ, обученные на массивах данных о характеристиках существующих образцов вооружений, результатах боевого применения и тенденциях развития военных технологий, способны сокращать сроки подготовки документации на 35–50%. Второе – интеллектуальное ценообразование: анализ массивов данных о стоимости комплектующих, трудозатратах, рыночной конъюнктуре и ретроспективных ценах по аналогичным контрактам, что особенно актуально в контексте Федерального закона от 28 декабря 2024 г. № 511-ФЗ [11]. Третье – предиктивный мониторинг контрактов: выявление рисков срыва сроков за 30–90 дней на основе косвенных индикаторов – динамики расходования бюджетных средств, темпов поставок комплектующих, загрузки производственных мощностей. Четвертое – предиктивное техническое обслуживание ВВСТ на основе анализа данных телеметрии. Пятое – антикоррупционный скрининг: автоматическое обнаружение аномальных паттернов в ценообразовании, во взаимосвязях контрагентов и необъяснимых отклонениях. Шестое – логистическая оптимизация цепей поставок комплектующих в условиях санкционного давления, включая поиск альтернативных поставщиков и маршрутов [1].

Международный опыт свидетельствует о стремительном наращивании интеграции ИИ в оборонные закупки ведущих военных держав, формирующем императив ответных действий для обеспечения стратегической конкурентоспособности. В январе 2026 года Министерство обороны Соединенных Штатов приняло Стратегию ИИ, определяющую семь приоритетных проектов (Pace-Setting Projects) и наделяющую Управление по цифровым технологиям и ИИ (Chief Digital and Artificial Intelligence Office, CDAO) полномочиями по обеспечению развертывания новейших моделей ИИ в течение 30 дней после их публичного релиза; министр обороны США заявил, что 2026 год должен

стать годом военного доминирования ИИ [15]. Финансирование программ ИИ Пентагоном оценивается в 13,4 млрд долларов на 2026 год; приоритет отдается модульным открытым архитектурам и конкурентным закупкам среди малых инновационных команд [12]. Франция реализует параллельную стратегию: в мае 2024 года создано Министерское агентство по ИИ обороны (AMIAD), к концу 2025 года набравшее свыше 150 инженеров; развернут крупнейший в Европе классифицированный суперкомпьютер ASGARД для обучения военных моделей ИИ; закон о военном программировании на 2024–2030 годы предусматривает инвестиции свыше 2 млрд евро в данное направление [13]. Указанные факты свидетельствуют: интеграция ИИ в оборонные закупки является не факультативным дополнением, а стратегическим императивом, отставание в котором создает прямые риски для военной безопасности государства.

Предлагаемая трехэтапная модель внедрения ИИ учитывает международный опыт и российскую институциональную специфику. Первый этап (2025–2027 гг.) – автоматизация: внедрение систем мониторинга ценообразования на базе закона № 511-ФЗ, автоматизация формирования типовых технических заданий по стандартным категориям ВВСТ, создание аналитических панелей для высшего руководства на базе ЕДПУ-ГОЗ. Второй этап (2027–2029 гг.) – рекомендательные системы, работающие по модели «двойного ключа»: ИИ-система формирует аналитическую рекомендацию (оценку рисков, ценовой прогноз, ранжирование поставщиков), а уполномоченное должностное лицо санкционирует или отклоняет рекомендацию, сохраняя юридическую ответственность за конечное решение. Третий этап (2029–2030+ гг.) – автономные решения с обязательным человеческим контролем: наделение ИИ-систем полномочиями по принятию решений в строго определенных параметрах (типовые закупки малого объема, стандартные мониторинговые операции) при сохранении возможности немедленного вмешательства. Каждый этап сопровождается обязательной сертификацией по ГОСТ Р 56939–2024 и формированием Центра компетенций ИИ-ГОЗ (далее – ЦК ИИ-ГОЗ) при МО РФ [4].

Текущее значение ИИИ-ГОЗ составляет 0,233, что отражает начальный этап интеграции: элементы автоматизации присутствуют лишь в подсистемах ценового мониторинга и электронных площадок. Целевое значение – не менее 0,75 к 2030 году – предполагает охват ИИ-

системами всех шести обозначенных направлений при условии достижения пороговых значений киберустойчивости. Совместное использование ИИИ-ГОЗ и ИВЭО (0,69) позволяет формировать комплексную картину состояния системы: низкое значение ИИИ-ГОЗ при относительно высоком ИВЭО однозначно указывает на информационную фрагментацию как основной ограничивающий фактор эффективности, что подтверждает приоритетность цифровой трансформации [2].

3. Правовая ответственность и система КПЭ цифровой трансформации

Центральной правовой проблемой внедрения ИИ в систему ГОЗ является вопрос юридической ответственности за решения, принятые автономными или полуавтономными системами. Действующее законодательство Российской Федерации – Уголовный кодекс, Кодекс об административных правонарушениях, Федеральный закон № 275-ФЗ – основано на принципе персональной ответственности должностного лица за каждое управленческое решение, что вступает в фундаментальное противоречие с ситуацией, когда решение формируется или существенно подготавливается алгоритмом [8]. Если ИИ-система рекомендовала заключить контракт с определенным поставщиком на определенных ценовых условиях и данная рекомендация оказалась ошибочной, влекущей бюджетные потери или срыв поставок ВВСТ, возникает правовая коллизия: кто несет ответственность – разработчик алгоритма, оператор системы или должностное лицо, утвердившее рекомендацию [1]?

Для разрешения данной коллизии предлагается модель «двойного ключа», реализующая принцип обязательного человеческого контроля над решениями, затрагивающими расходование средств федерального бюджета на оборону. ИИ-система формирует аналитическую рекомендацию – оценку рисков, ценовой прогноз, ранжирование поставщиков, выявление аномалий, – а уполномоченное должностное лицо принимает юридически значимое решение, санкционируя или отклоняя рекомендацию с обязательной фиксацией оснований в электронном журнале ЕДПУ-ГОЗ. Ответственность распределяется следующим образом: разработчик алгоритма отвечает за техническую корректность, точность обучающих данных, отсутствие систематических искажений и прохождение обязательной сертификации по ГОСТ Р 56939–2024 [4]; оператор системы – за правильность ввода исходных

данных, своевременное обновление параметров и контроль целостности данных; должностное лицо – за конечное управленческое решение, включая решение следовать рекомендации ИИ при наличии у него возможности самостоятельной оценки обоснованности. Данная модель позволяет интегрировать ИИ в управление ГОЗ без разрушения сложившейся системы персональной ответственности, сохраняя конституционный принцип подотчетности государственного управления.

Кибербезопасность систем ИИ, функционирующих в контуре управления ГОЗ, является критическим фактором, определяющим границы допустимого применения данных технологий. Специфические угрозы, свойственные ИИ-системам, включают: состязательные атаки – целенаправленное внедрение искаженных данных для манипулирования результатами работы алгоритмов машинного обучения; отравление обучающих наборов данных (data poisoning), при котором злонамеренная модификация тренировочных данных приводит к систематическим ошибкам модели; эксплуатацию уязвимостей для извлечения конфиденциальной информации; несанкционированный доступ к параметрам обученных нейронных сетей, которые могут содержать критически важные сведения об оборонных закупках в структуре весов. Правовой основой режима защиты информации выступает Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [9].

Для количественной оценки киберустойчивости ИИ-систем в ГОЗ разработана формула совокупного уровня кибернетической устойчивости (далее – СУК), представленная выражением (2):

$$\text{СУК} = (K_1 \cdot P + K_2 \cdot D + K_3 \cdot R + K_4 \cdot M) / \sum K_i, (2)$$

где P – устойчивость к атакам (оценивается результатами обязательного тестирования); D – защита данных обучения (целостность и конфиденциальность обучающих наборов); R – отказоустойчивость (способность продолжать работу при частичной компрометации); M – мониторинг аномалий (качество систем обнаружения аномального поведения). Пороговое значение – свыше 2,0 по четырехбалльной шкале; системы, не достигающие данного порога, не допускаются к эксплуатации в контуре управления ГОЗ. Представляется целесообразным за-

крепить обязательное тестирование ИИ-систем на устойчивость к состязательным атакам в рамках процедур военной приемки, что потребует внесения изменений в действующую нормативную базу [4].

Система ключевых показателей эффективности (далее – КПЭ) цифровой трансформации предполагает трехуровневую структуру, корреспондирующую с архитектурой «закрытой прозрачности» и обеспечивающую мониторинг на каждом уровне принятия решений. Стратегический уровень КПЭ включает: ИИИ-ГОЗ как интегральный показатель цифровой зрелости; долю контрактов ГОЗ с полным цифровым сопровождением от планирования до приемки; динамику средних сроков исполнения контрактов. Операционный уровень: точность ценовых прогнозов ИИ-систем (целевая – не менее 85%); среднее время реакции на выявленные аномалии (целевое – не более 24 часов); процент охвата мониторингом кооперационных цепочек второго и третьего уровней. Технический уровень: значение СУК для каждой ИИ-системы; время восстановления после сбоев и кибератак; процент прохождения тестирования на устойчивость к состязательным атакам. Данная система связана с моделью МВЭ критериев эффективности ГОЗ: показатели Е4 (транспарентность), Е5 (контролируемость), Е6 (адаптивность), Е10 (технологическое соответствие) получают количественное наполнение через ИИИ-ГОЗ и СУК [2].

Цифровая трансформация и внедрение ИИ позволяют системно преодолеть одно из пяти системных противоречий, выявленных в ходе исследования, – противоречие между формальными процедурами и реальными практиками. Данное противоречие проявляется в устойчивом разрыве между нормативным порядком и фактическим поведением участников, обусловленном невозможностью полного контроля при традиционных методах управления. Автоматизация снижает возможности для неформальных отклонений, поскольку алгоритм не допускает пропуска обязательных этапов; непрерывный мониторинг делает любое отклонение немедленно видимым для контролирующих органов. Именно в восстановлении реальной информационной власти конституционных институтов государства над системой оборонных закупок – переходе от субъектов, монопольно контролировавших информацию в непрозрачных зонах бюрократического управления, к институтам, несущим ответственность за военную безопасность, – состоит

глубинное военно-политическое значение цифровой трансформации ГОЗ [5].

Совокупность нормативных предложений образует целостный правовой комплекс, достаточный для легитимного и безопасного применения ИИ в системе ГОЗ. Первая инициатива – разработка Концепции применения ИИ в деятельности ВС РФ и в системе ГОЗ (формат – указ Президента Российской Федерации, ответственные – МО РФ совместно с Минцифры и Минпромторгом, срок – 2026 год). Вторая – внесение поправок в Федеральный закон № 275-ФЗ: специальная глава об ИИ в ГОЗ, правовое основание для обработки данных алгоритмами, обязательность интерпретируемости алгоритмов, принимающих решения о расходовании бюджетных средств [8]. Третья – обязательное тестирование ИИ-систем на устойчивость к состязательным атакам при военной приемке (постановление Правительства Российской Федерации, 2027 год, после создания ЦК ИИ-ГОЗ). Четвертая – отнесение обученных весов нейронных сетей, используемых в системах ВВСТ и управления ГОЗ, к государственной тайне (ответственные – ФСБ России, МО РФ, 2026 год). Все предложенные инициативы встраиваются в действующую правовую систему без нарушения принципов разделения властей, персональной ответственности должностных лиц и соразмерности ограничений [4].

Список литературы

1. Аракелян, К.Э., Аракелян, Г.К. О мерах правового регулирования применения искусственного интеллекта в организациях оборонно-промышленного комплекса // Оборонно-промышленный комплекс: управление, экономика и финансы, право. 2023. – № 2.

2. Буренок, В.М. Системный анализ военно-экономического потенциала государства. М.: Граница, 2018. – 214 с.

3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ. сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 20.03.2026).

4. ГОСТ Р 56939–2024. Защита информации. Разработка безопасного программного обеспечения. Общие требования. М.: Стандартинформ, 2024.

5. Счетная палата Российской Федерации. Отчет о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2024 году. сайт. – URL: https://ach.gov.ru/reports/report_2024 (дата обращения: 25.03.2026).

6. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/

7. Уильямсон О. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / Пер. с англ. СПб.: Лениздат, 1996. – 702 с.

8. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе». сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140175/ (дата обращения: 28.03.2026).

9. Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (дата обращения: 28.03.2026).

10. Федеральный закон от 28 ноября 2025 г. № 426-ФЗ «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов». сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_520057/ (дата обращения: 29.03.2026).

11. Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 511-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном оборонном заказе»». сайт. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280013> (дата обращения: 30.03.2026).

12. Congressional Research Service. Realignment of DOD’s Chief Digital and AI Officer (CDAO). IN12615. December 1, 2025. website. – URL: <https://www.congress.gov/crs-product/IN12615> (дата обращения: 15.03.2026).

13. Ministère des Armées. Agence ministérielle pour l’intelligence artificielle de Défense (AMIAD). website. – URL: <https://www.defense.gouv.fr/amiad-agence-ia-defense> (дата обращения: 18.03.2026).

14. SIPRI. Trends in World Military Expenditure, 2024. SIPRI Fact Sheet. Stockholm, April 2025. website. – URL: <https://www.sipri.org/publications/2025/sipri-fact-sheets/trends-world-military-expenditure-2024> (дата обращения: 19.03.2026).

15. Secretary Of War 1000 Defense Pentagon Washington, DC 20301-1000. Artificial Intelligence Strategy for the Department of War. January 9,

2026. website. –URL: <https://crystalbook.ru/wp-content/uploads/2026/01/ARTIFICIAL-INTELLIGENCE-STRATEGY-FOR-THE-DEPARTMENT-OF-WAR.pdf> (дата обращения: 21.03.2026).

***Князnedelin Radislav Alekseevich,**
Doctor of Economics, Chief Researcher
FSBI "33 Central Research Institute" of the Ministry of Defense
of the Russian Federation, Volsk-18
E-mail: radislav@yandex.ru*

DIGITAL TRANSFORMATION AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE SYSTEM OF THE STATE DEFENSE ORDER: THE CONCEPT OF CLOSED TRANSPARENCY AND A PHASE-BY-PHASE IMPLEMENTATION MODEL

Abstract. The article examines the issues of digital transformation of the state defense order system of the Russian Federation and the integration of artificial intelligence technologies into defense procurement management processes. The author's concept of "closed transparency" is substantiated as a mechanism for overcoming the contradiction between accountability and state secrecy. A three-level architecture of the Unified Digital GOZ Management Platform (EDPU-GOZ) with differentiated data access is proposed. A formula for the cumulative level of cybernetic stability ($QMS > 2.0$) has been developed. The indicator of information integration of GOZ (III-GOZ) has been introduced.: the current value is 0.233, the target is 0.75 by 2030). A three-stage model of AI implementation is substantiated: automation - recommendation systems – autonomous solutions with human control. A model of the "double key" distribution of legal responsibility for decisions made with the participation of AI is proposed.

Keywords: 275-FZ; state defense order; closed transparency; artificial intelligence; cybersecurity; military-industrial complex; digital transformation

Кузнецов Даниил Алексеевич
студент

Ивановский государственный университет, г. Иваново

E-mail: dankuznetsov777@gmail.com

Панкратова Екатерина Владимировна

*кандидат социологических наук, доцент, зав. кафедрой социологии,
социальной работы и управления персоналом*

Ивановский государственный университет, г. Иваново

E-mail: e_v_pankratova@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ ПРАКТИКИ САМОКОНТРОЛЯ ЗДОРОВЬЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ УСТАНОВОК РОССИЯН

Аннотация. В статье рассматривается влияние цифровых технологий на трансформацию поведенческих установок россиян в сфере заботы о здоровье. Анализируется переход от пассивной модели потребления медицинских услуг к активной модели самоконтроля, опосредованной использованием мобильных приложений, носимых устройств и телемедицины. На основе данных социологических опросов и анализа вторичных источников выявляются ключевые тренды: фрагментация ответственности за здоровье, опривычивание цифрового мониторинга и формирование «гибридного» сознания, сочетающего доверие к технологиям и традиционным медицинским институтам. Особое внимание уделяется рискам цифровизации самоконтроля, включая развитие ипохондрии, утечку персональных данных и стигматизацию групп с низкой цифровой грамотностью. Делается вывод о формировании нового социального типажа – «цифрового пациента», чьи поведенческие установки переопределяют современную конфигурацию социальных отношений в системе здравоохранения.

Ключевые слова: цифровые практики; самоконтроль здоровья; трансформация поведения; медицинские приложения; носимые устройства; телемедицина; цифровой пациент; социология медицины

С учетом активной цифровизации всех аспектов жизни в России, как это предусмотрено стратегическими документами, трансформация

подходов к здоровью становится первостепенной задачей. Старая модель взаимоотношений "врач-пациент", основанная на подчинении и пассивности пациента, уходит в прошлое. На смену ей приходят новые формы сотрудничества, где центральная роль отводится самому человеку, который теперь обладает цифровыми инструментами для управления своим здоровьем. В связи с этим возникает необходимость исследовать, как цифровые технологии влияют на поведение россиян, превращая заботу о здоровье из редкого события в непрерывную практику, основанную на алгоритмическом управлении. Люди все чаще прибегают к цифровым технологиям для самостоятельного управления своим здоровьем. Сюда относится использование мобильных приложений для подсчета шагов, контроля рациона, анализа сна, измерения давления, а также обращение к телемедицине и онлайн-консультациям. По данным Аналитического центра НАФИ за 2024–2025 годы, доля россиян, применяющих цифровые устройства для мониторинга здоровья, стабильно увеличивается, достигая более 45% среди молодежи 18–35 лет [6]. Это указывает на глубокие изменения в ценностях и нормах поведения, а не просто на технический прогресс.

Один из главных векторов трансформации здоровья – это смещение ответственности. В прошлом забота о здоровье лежала преимущественно на государстве и врачах, но теперь ответственность за него все больше ложится на самого человека. Благодаря цифровым технологиям, позволяющим постоянно отслеживать биометрические данные, люди начинают стремиться к идеальным показателям, заданным приложениями (например, по количеству шагов или сну). Это, с одной стороны, делает нас более дисциплинированными, но с другой – вызывает беспокойство, когда мы не соответствуем этим цифровым стандартам. В результате наше физическое состояние оценивается не по ощущениям, а по цифрам, создавая "количественное" представление о себе [1]. Однако в условиях высоких трудовых нагрузок населения и отсутствия возможности планомерного профессионального мониторинга здоровья, и такие цифровые показатели дадут возможность осознать отклонение от нормы и стимулируют обращение человека за медицинской помощью.

Важным трендом становится автоматизация заботы о здоровье через цифровые устройства. Использование фитнес-браслетов и смарт-часов переходит из разряда осознанного выбора в привычное действие,

интегрируясь в повседневную жизнь [4]. Опираясь на данные статьи Владимира Ромашова, можно сказать, что у молодых людей формируется четкий алгоритм: они начинают день с оценки качества сна, фиксируют свою физическую активность и ведут записи о питании. Эти новые ритуалы не только перестраивают распорядок дня, но и порождают новые формы социального взаимодействия, например, в виде онлайн-групп для обмена спортивными достижениями. Это позитивная тенденция, так как для молодежи референтными группами выступают их сверстники. Ориентация на молодого человека, ведущего здоровый образ жизни, следящего за показателями своего здоровья и в конечном счете, демонстрирующего жизненный успех, – это важный аспект жизнедеятельности молодого поколения и отличный мотиватор конструирования собственной жизни.

В качестве третьего вектора выступает формирование "гибридного" медицинского сознания. Цифровые инновации не вытесняют полностью классическую медицину, но существенно меняют модель взаимодействия с ней. Современный российский пациент, прежде чем записаться на прием, сначала обращается к поисковым системам для самодиагностики и сверяет симптомы в мобильных приложениях. Поэтому изменяется подход к здоровью: вместо того, чтобы сразу обращаться к врачу, люди теперь склонны сначала искать информацию или консультироваться онлайн. Это создает парадокс: повышается осведомленность о здоровье, но одновременно ослабляется доверие к врачам, поскольку заключения интернета или приложений могут казаться более надежными. Однако такое поведение не является капризом, а скорее следствием современных реалий медицины, где запись к специалисту часто требует длительного ожидания.

Люди используют эти технологии не потому, что сами этого хотят, а потому, что иначе в нынешней российской медицине работать сложно.

Как показывают результаты медико-социологических исследований, ключевыми факторами, стимулирующими обращение к цифровым инструментам самодиагностики, выступают организационные барьеры в получении очной медицинской помощи. Согласно опросу врачей, проведенному в Воронежской и Московской областях, среди основных преимуществ телемедицины респонденты выделяют "возможность

оказания медицинской помощи в отдаленных регионах" (38%) и "удобство для пациентов (экономия времени и средств на проезд)" (33,3%) [3]. При этом 66,7% опрошенных врачей **никогда не использовали телемедицинские технологии в своей практике**, что свидетельствует о сохраняющемся разрыве между растущим спросом населения и реальной готовностью системы здравоохранения к внедрению дистанционных форматов взаимодействия [3].

Процесс изменения поведенческих моделей в российском обществе сопряжен с рядом социальных опасностей, которые требуют внимания. Главная из них – это цифровое неравенство. Доступ к современным цифровым инструментам для поддержания здоровья требует финансовых вложений и определенного уровня цифровой грамотности. Это означает, что пожилые люди, маломобильные граждане и жители отдаленных регионов часто не могут полноценно участвовать в этих практиках, что, в свою очередь, углубляет существующее социальное неравенство в доступе к услугам по сохранению здоровья [2]. В условиях проживания в отдаленных сельских районах, где система медицинской помощи работает слабо, человек оказывается в состоянии высокого риска, когда и гаджеты не сигнализируют о проблемах со здоровьем и врач не приедет вовремя.

Во-вторых, следует отметить явление, известное как "цифровая ипохондрия". Стремление к полному контролю над своим состоянием, присущее определенной части населения, может приводить к развитию необоснованных опасений относительно здоровья. Малейшие отклонения от установленных норм, зафиксированные цифровыми приложениями, интерпретируются как признаки заболевания, вызывая тревогу. Это, в свою очередь, стимулирует повышенный спрос на диагностические процедуры, увеличивая нагрузку на систему здравоохранения, несмотря на отсутствие объективных нарушений в состоянии здоровья. Но эта ситуация – далеко не доминирует в современном российском обществе. И такая гиперответственность за свое здоровье воспринимается как девиация, критикуется и врачами, и в целом населением. Между тем, здоровье для человека – ценность и основа жизнедеятельности.

Серьезным вызовом является формирование доверия к алгоритмам и обеспечение конфиденциальности данных. Цифровые инструменты для мониторинга здоровья генерируют колоссальные объемы

личной информации, которая представляет интерес как для коммерческих структур (торговых площадок, страховых компаний), так и для злоумышленников. Современные россияне находятся в состоянии внутреннего конфликта: они готовы обменивать свои данные на индивидуальные рекомендации, но при этом испытывают значительное беспокойство по поводу их безопасности. Согласно, данным ВЦИОМ, более 60% пользователей мобильных приложений для здоровья не ознакомлены с условиями использования, что создает риск неосознанного согласия на обработку их персональных данных [5]. **Особого внимания заслуживает государственная политика в области цифрового здравоохранения. В рамках нацпроекта «Здравоохранение» к 2025 г. планируется обеспечить 100% граждан возможностью доступа к электронным медицинским картам и телемедицинским консультациям. Однако, как показывают данные, институциональное внедрение цифровых сервисов (например, Единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения — ЕГИСЗ) пока опережает формирование готовности населения к их активному и осознанному использованию. Существует явный разрыв: государство активно внедряет цифровые технологии, но люди в повседневной жизни развивают свои собственные способы самоконтроля, ориентируясь на потребительские сервисы, а не на государственные инициативы. Чтобы преодолеть эту пропасть, необходимо внедрить программы по повышению цифровой грамотности в сфере здравоохранения. Эти программы должны научить не только техническим навыкам, но и критическому мышлению при работе с алгоритмическими рекомендациями.**

Благодаря цифровым инструментам для заботы о своем здоровье, россияне меняют свои привычки, превращаясь в "цифровых пациентов". Эти люди берут на себя больше ответственности за свое самочувствие, действуют более независимо, но при этом сталкиваются с новыми рисками, связанными с работой алгоритмов. Чтобы общество справилось с этими переменами, нужно не только развивать технологии, но и пересматривать, как мы работаем с людьми, как учим и как рассказываем о здоровье. Важно, чтобы люди научились критически оценивать информацию из цифровых источников, чтобы использовать ее с пользой для себя, не навредив своему душевному состоянию и не потеряв веру в обычную медицину.

Список литературы

1. Лукина, А. В. Количественное Я: социологический анализ практик самотрекинга // Социологические исследования. – 2024. – № 2. – С. 112–121.
2. Михеева, А. Р. Цифровое неравенство в сфере здравоохранения: региональный аспект // Журнал исследований социальной политики. – 2024. – Т. 22. № 3. – С. 401–416.
3. Полякова, В.Д., Щетинина, Н. А. Телемедицина в России: исследование осведомленности и готовности врачей к цифровым изменениям // Вестник экспериментальной и клинической хирургии. – 2025. – Т. 14. – С. 647–650.
4. Итоги года на рынке носимых устройств в России// Владимир Ромашов // Mobilereview.com. 2026. 4 февраля. сайт. – URL: <https://mobile-review.com/all/news/itogi-goda-na-rynke-nosimyh-ustrojstv-v-rossii/> (дата обращения: 20.03.2026).
5. ВЦИОМ. Здоровье онлайн: доверие и риски. Пресс-выпуск № 5678. –2025.
6. Цифровое здоровье: тренды и барьеры. Аналитический отчет НАФИ., 2025. – 48 с.

Kuznetsov Daniil Alekseevich

Student

Ivanovo State University, Ivanovo

E-mail: dankuznetsov777@gmail.com

Pankratova Ekaterina Vladimirovna

PhD in Social Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Social Work, and Human Resources Management

Ivanovo State University, Ivanovo

E-mail: e_v_pankratova@mail.ru

DIGITAL PRACTICES OF HEALTH SELF-CONTROL: TRANSFORMATION OF RUSSIANS' BEHAVIORAL ATTITUDES

Abstract. The article examines the impact of digital technologies on the transformation of Russians' behavioral attitudes in the field of health care. The article analyzes the transition from a passive model of medical service consumption to an active model of self-control mediated by the use

of mobile applications, wearable devices, and telemedicine. Based on sociological survey data and secondary source analysis, the article identifies key trends: fragmentation of health responsibility, digital monitoring habituation, and the formation of a "hybrid" consciousness that combines trust in technology and traditional medical institutions. The article also focuses on the risks of digitalization of self-control, including the development of hypochondria, personal data leakage, and the stigmatization of groups with low digital literacy. It is concluded that a new social type is emerging – the “digital patient,” whose behavioral patterns are redefining the current configuration of social relations in the healthcare system.

Keywords: digital practices; self-health monitoring; behavioral transformation; medical applications; wearable devices; telemedicine; digital patient; sociology of medicine

Куликов Вячеслав Александрович

студент кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: kulax-slava@mail.ru

Щитко Владимир Сергеевич

кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: sl100@mail.ru

ДОКСИНГ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ДЕВИАНТНАЯ ПРАКТИКА И КАК ФОРМА КИБЕРБУЛЛИНГА

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема доксинга как сложного феномена, имеющего двойственную природу. Проводится анализ доксинга на соответствие трем главным признакам интернет-травли. Особое внимание уделяется признакам, выводящим доксинг за пределы кибербуллинга, описываются последствия доксинга и предлагаются меры цифровой гигиены.

Ключевые слова: доксинг; девиантное поведение; цифровая среда; кибербуллинг

С развитием цифровой среды появляются разные формы девиантного поведения. Доксинг является наиболее опасной и тяжелой разновидностью кибербуллинга, но при этом обладает чертами самостоятельной формы девиантного поведения. Такой двойственный взгляд на проблему доксинга не противоречит, а отражает сложность данного феномена.

Термин «доксинг» начал использоваться в конце 20 века в хакерской субкультуре, но со временем вышел за пределы узких групп и стал популярной практикой в интернет-пространстве, применяемой в отношении частных и публичных лиц. Доксинг – это публикация частных персональных данных без согласия индивида [4].

Для начала рассмотрим данное явление как разновидность травли в интернете. Классическое определение кибербуллинга имеет три важных признака: намеренность причинения вреда, повторяемость действий и несбалансированность сил между жертвой и агрессором [3]. Доксинг соответствует всем трем признакам: прослеживается намеренность причинения вреда в целенаправленной публикации личных данных жертвы. Повторяемость заключается в том, что после слива личных данных атаки могут длиться месяцами в виде постоянных звонков с неизвестных номеров, сообщений и разнообразных рассылок. А дисбаланс сил проявляется в том, что человек не знает, кто именно его преследует, в то время как агрессор имеет важную информацию о повседневной жизни жертвы.

Помимо признаков, которые мы рассмотрели, доксинг может являться продолжением простого кибербуллинга. Когда обычная травля в интернете перестает действовать, агрессор переходит к более опасным методам – сливу данных. В таком ключе доксинг является не отдельным феноменом, а эскалацией внутри уже имеющейся травли. Возможен и другой исход, когда кибербуллинг начинается после слива личных данных, так как личная информация становится ресурсом для дальнейшей травли [1]. Некоторые российские исследователи считают доксинг видом кибербуллинга наряду с троллингом, флеймингом и другими. Такой подход актуален и у зарубежных исследователей [2].

Доксинг можно считать и самостоятельной формой девиантного поведения. При рассмотрении данного явления обнаруживаются признаки, которые выводят его за пределы кибербуллинга. Во-первых, если

при классической травле в интернете агрессор использует оскорбительные слова или публичные угрозы, то при доксинге используются личные данные жертвы: адрес проживания, номер телефона, паспортные данные, а также информация о родственниках и т.д. Это более высокий уровень вторжения в частную жизнь жертвы. Во-вторых, доксинг формирует прямую угрозу физической безопасности индивида, в то время как кибербуллинг в основном наносит репутационный и психологический ущерб жертве. Например, после слива места проживания человека возможен приход агрессивно настроенных личностей, создающих угрозу за пределами цифровой среды.

Другим признаком, выделяющим доксинг как самостоятельную форму девиантных практик, является техническая сложность процесса. Для того чтобы написать оскорбительный комментарий или отправить угрозу в социальных сетях, не требуется владение специальными навыками. Доксинг же предполагает умение пользоваться методами OSINT (поиск информации из открытых источников), работу с утекшими базами данных, а иногда и навыки социальной инженерии. Все это делает доксинг более профессиональной формой отклоняющегося поведения.

Следует отметить, что в российском законодательстве отсутствует прямая статья о кибербуллинге. А доксинг может быть квалифицирован по статье 137 УК РФ («Нарушение неприкосновенности частной жизни») [5]. При более тяжелых обстоятельствах может быть квалифицирован по статьям о клевете, угрозах или вымогательстве. Таким образом, доксинг имеет более разработанную юридическую ответственность, в отличие от кибербуллинга, что в очередной раз доказывает его самостоятельность как формы девиантного поведения.

Практика доксинга остается очень опасной и острой проблемой. Жертвы данной практики могут испытывать различные проблемы в жизни. Это страх выходить из дома, паранойя на фоне ожидания угроз, социальная изоляция, потеря работы или вынужденная смена места жительства [3]. Специалисты по цифровой безопасности выделяют некоторые меры, позволяющие не оказаться в роли жертвы при доксинге: ограничение доступа посторонних к личной информации в различных мессенджерах и приложениях; установка надежных и разнообразных паролей; установка двухфакторной аутентификации на все учетные записи; отказ от ввода личных данных на непроверенных сайтах; не вступать в контакт с нарушителем при угрозе доксинга.

Важно отметить, что современные социальные институты неэффективно реагируют на доксинг. Различные интернет-платформы удаляют персональные данные только после жалобы, но к тому моменту информация уже распространилась по всему интернету [2]. Неэффективность реагирования и возможность скрыть свои цифровые следы создает у агрессоров ощущение безнаказанности и закрепляет доксинг как обыденную практику.

Таким образом, доксинг является проблемой двойственного характера. С одной стороны, его можно анализировать как одну из форм кибербуллинга в цифровой среде, а с другой – как самостоятельную девиантную практику, которая является нарушением приватности.

Список литературы

1. Бочкарева, Е. В., Стренин, Д. А. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – № 1 (61). С. 91–97. сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-pravovye-aspekty-kiberbullinga> (дата обращения: 02.04.2026).

2. Галяшина, Е. И., Никишин, В. Д. Концепты агрессивного информационного воздействия в аспекте информационно-мировоззренческой безопасности интернет-пользователей // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 14, № 11. – С. 1623–1636.

3. Красулина, К. Р., Чернышева, А. В. Социальные аспекты кибербуллинга и его последствия // Энгельмейеровские чтения. М.: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2025. – С. 78–80.

4. Романовская, Е. А. Публично-правовые основы противодействия доксингу // Наука. Общество. Государство. – 2023. – Т. 11, № 2 (42). – С. 65–74.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024). Ст. 137.

6. Щербак, В. Е. Квалификация доксинга по современному уголовному законодательству: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – №5 (136). С. 163–167. сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsiya-doksinga-po-sovremennomu-ugolovnomu-zakonodatelstvu-problemy-teorii-i-praktiki> (дата обращения: 02.04.2026).

Kulikov Vyacheslav Alexandrovich
Student of the Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir

E-mail: kulax-slava@mail.ru

Shchitko Vladimir Sergeevich
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head
of the Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
E-mail: sl100@mail.ru

DOXING AS AN INDEPENDENT DEVIANT PRACTICE AND AS A FORM OF CYBERBULLYING

Abstract. This article examines the problem of doxing as a complex phenomenon with a dual nature. It analyzes doxing in terms of its compliance with the three main characteristics of online harassment. Special attention is given to the characteristics that distinguish doxing from cyberbullying, and the consequences of doxing are described, along with suggestions for digital hygiene measures.

Keywords: doxing; deviant behavior; digital environment; cyberbullying

Молодкин Александр Борисович
магистрант направления «Психолого-педагогическое образование»
Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: mr.apple04@mail.ru

Щитко Владимир Сергеевич
кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой социологии
Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail: sl100@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Аннотация. В статье на основе теоретического анализа и эмпирических данных 2024–2026 гг. рассматривается процесс трансформации жизненных стратегий современной российской молодежи под воздействием факторов социальной неопределенности. Раскрываются основные подходы к пониманию жизненных стратегий в социологии. Особое внимание уделяется роли образовательной среды высшего учебного заведения. Анализируются результаты всероссийских и региональных исследований. Делается вывод о необходимости трансформации образовательной среды в направлении развития у студентов навыков работы с неопределенностью, рефлексии и адаптивности.

Ключевые слова: жизненные стратегии; социальная неопределенность; молодежь; высшее образование; образовательная среда; адаптация; долгосрочное планирование

Современное российское общество переживает период глубоких структурных изменений, которые часто описываются в терминах «турбулентность», «нестабильность», «рискогенность». Эти характеристики в полной мере относятся к социальной реальности, в которой происходит формирование жизненных стратегий молодого поколения. В отличие от предшествующих эпох, где существовали относительно четкие жизненные траектории, сегодня молодые люди сталкиваются с множественностью альтернатив и одновременно с отсутствием гарантий успеха при выборе любой из них [12]. Как отмечают эксперты

ВЦИОМ, российское образование развивает у молодежи коммуникацию и адаптивность, но не учит толерантности к неопределенности и рефлексии – метанавыкам, которые труднее всего поддаются развитию. Мы переходим от идеи «дорожной карты карьеры» к «карьерному квесту», где цели проявляются через опыт и адаптацию [6].

Понятие жизненной стратегии активно разрабатывалось в российской социологии. В наиболее общем виде жизненная стратегия понимается как система перспективных целей, ценностных ориентаций и способов их достижения, которая определяет поведение личности в долгосрочной перспективе [25]. Посредством когортного анализа выявлен социальный и морально-психологический профиль современной молодежи: молодые люди более оптимистичны, у них выше чувство возможного, они больше верят в справедливый мир, чем старшие поколения. В то же время им свойственна эгоистичность и завистливость [17].

Особый интерес представляет роль образовательной среды. Высшая школа традиционно воспринималась как институт, снижающий неопределенность за счет стандартизации жизненного пути [9]. Однако сегодня исследователи фиксируют кризис этой функции: диплом о высшем образовании перестал быть гарантией трудоустройства [19]. Тем не менее, именно образовательная среда обладает потенциалом стать пространством, где молодые люди могут освоить навыки работы с неопределенностью [21].

В социологии существует несколько подходов к анализу жизненных стратегий. В рамках деятельностно-ценностной концепции Т. И. Заславской жизненные стратегии рассматриваются как элемент социальной трансформации [11]. Этот подход особенно важен для понимания современной российской ситуации, где институциональные изменения напрямую отражаются на повседневных выборах людей.

Ю. А. Зубок и В. И. Чупров, разрабатывая концепцию «рискологического подхода», показали, что молодежь в России живет в ситуации «общества риска», где традиционные институты перестали выполнять функцию защиты и прогнозирования. Молодые люди вынуждены самостоятельно оценивать риски, что приводит к распространению «краткосрочных» жизненных стратегий [13].

В зарубежной социологии важный вклад внес У. Бек, который ввел понятие «рефлексивная модернизация». Согласно Беку, индивиды

вынуждены самостоятельно конструировать свои биографии, неся полную ответственность за успехи и неудачи. Эта «биография своими руками» особенно характерна для молодежи [3].

В современных исследованиях подчеркивается, что на субъективное благополучие молодежи влияют как традиционные детерминанты, так и специфические риски нестабильных ситуаций (военные конфликты, безработица, резкие культурные перемены). Поддержание субъективного благополучия связано с сочетанием внешних ресурсов и внутренних психологических механизмов (надежда, ощущение контроля, резилентность) [10].

Таким образом, ключевая особенность современных жизненных стратегий – их **рефлексивность** и **гибкость**. Жесткое следование однажды выбранному пути уступает место постоянному мониторингу ситуации и готовности к корректировке планов [16].

Анализ литературы и эмпирических исследований позволяет выделить несколько основных факторов, порождающих неопределенность и трансформирующих жизненные стратегии российской молодежи.

Экономическая нестабильность и рынок труда. Как показывают исследования FutureToday (2025 г.) на выборке из 24 107 выпускников топовых российских вузов, 63% студентов уже работают (23% – на постоянной основе) [24]. Рынок труда характеризуется разрывом между формальными квалификациями и реальными навыками, востребованными работодателями [19]. Одновременно растет доля NEET-молодежи – молодых людей, которые не учатся, не работают и не проходят профессиональную подготовку. По данным Института экономики и инноваций (2025 г.), доля NEET составляет от 16 до 18 процентов [8].

Цифровизация и технологические изменения. Внедрение искусственного интеллекта, автоматизация, развитие маркетплейсов и платформенной занятости создают новые возможности, но одновременно повышают неопределенность. Масштабная цифровизация жизненного пространства студенческой молодежи порождает рискогенность их социализационных траекторий [1].

Ценностный кризис. Результаты исследований жизненных ориентаций студенческой молодежи продемонстрировали смещение ценностных приоритетов в сторону индивидуализации, а также укрепле-

ние позиций ценностей адаптации [15]. Молодые люди вынуждены самостоятельно синтезировать противоречивые установки, что часто приводит к внутренним конфликтам [27].

Внешнеполитическая реальность. Изменение геополитической ситуации, санкции, ограничение доступа к зарубежным образовательным и карьерным возможностям также влияют на жизненные стратегии. Согласно опросу Фонда содействия изучению общественного мнения (2026 г.), абсолютное большинство студентов ориентировано на получение работы в нашей стране, только 9% рассматривают возможность трудоустройства за границей [7].

Эмпирические исследования последних лет фиксируют конкретные изменения в жизненных стратегиях российской молодежи. В работе А.В. Воронцовой и Е. Е. Блиновой (2025 г.), проведенной на выборке студентов двух вузов (n=694), выявлено, что горизонт планирования студентов не различается статистически значимо, а субъективная оценка решенности задачи построения жизненной стратегии также схожа. Выявлена амбивалентность воздействия университета на этот процесс [5].

Исследование М. А. Райкиной и А. В. Воронцовой (2024 г.) на основе анализа 1215 заявок образовательных организаций показало противоречие между актуальностью задачи построения жизненной стратегии для студенческого возраста и недостатком деятельности по психолого-педагогическому сопровождению этого процесса [20].

Особый интерес представляет феномен «отложенного взросления». Молодые поколения повсеместно откладывают традиционные этапы взросления: профессиональное самоопределение, финансовую самостоятельность, создание семьи. Если два десятилетия назад в возрасте 20 лет оплачиваемая работа была у абсолютного большинства, то сегодня доля тех, кто в 20 лет зарабатывает самостоятельно, неуклонно снижается [18].

Образовательная среда вуза понимается как совокупность условий, ресурсов и практик, которые влияют на процесс обучения, воспитания и социализации студентов [14].

Развитие рефлексивных способностей. Образованию необходимо учить молодежь осознанно мыслить и рефлексировать, чтобы подготовить к нестабильным карьерным траекториям [6]. В 2026 году

в России планируется разработать карьерное портфолио студентов для более адресной поддержки [4].

Формирование адаптивности. Проектная работа, участие в конференциях, стажировках позволяют студентам приобретать опыт принятия решений в нестандартных ситуациях. В 2025 году взят курс на автономизацию образовательных институтов [26].

Социальная поддержка и наставничество. Согласно опросу студентов МГУ (2023 г.), за последнее десятилетие произошли существенные изменения в оценке студентами получаемого образования и их профессиональных запросах [2].

Интеграция образования и практики. Разрыв между академическим знанием и реальными требованиями рынка труда – один из главных источников неопределенности. По данным опроса студентов (2026 г.), 45% студентов знакомятся с потенциальными работодателями в стенах учебных заведений, а 42% проходят стажировки [22].

Однако существуют и ограничения: бюрократизация, формализм, оторванность программ от реальности [23].

В условиях нарастающей социальной неопределенности жизненные стратегии российской молодежи становятся более гибкими, ситуативными, краткосрочными [12]. Традиционные институты, включая высшее образование, утрачивают свою прогностическую функцию [19]. Тем не менее, образовательная среда вуза обладает значительным, но недостаточно используемым потенциалом для формирования у студентов навыков рефлексии, адаптации и долгосрочного планирования [14]. Для реализации этого потенциала необходимы системные изменения: пересмотр учебных планов, подготовка преподавателей-наставников, развитие практико-ориентированного обучения [4]. Без этого высшая школа рискует окончательно превратиться в институт, транслирующий устаревшие знания.

Список литературы

1. Алексеенок, А. А. Трансформация жизненных стратегий студенческой молодежи в условиях цифровизации / А. А. Алексеенок, А. В. Исаев, Ю. В. Каира // Научный результат. Социология и управление. – 2025. – Т. 11, № 3. – С. 161–184.
2. Алешковский, И. А. Студенты МГУ о своем образовании и карьерных перспективах / И. А. Алешковский, А. Т. Гаспарисвили, О. В.

Крухмалева и др. // Вестник Московского Университета. Серия 20. – 2026. – № 1. – С. 9–33.

3. Бек, У. Общество риска: на пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.

4. В России в 2026 году разработают карьерное портфолио студентов // Российская газета. 15.01.2026. сайт. – URL: <https://rg.ru/2026/01/15/v-rossii-v-2026-godu-razrabotaiut-karernoe-portfolio-studentov.html> (дата обращения: 02.04.2026).

5. Воронцова, А. В. Жизненные стратегии студентов вуза: опыт сравнительного анализа / А. В. Воронцова, Е. Е. Блинова // Перспективы науки и образования. – 2025. – № 2 (74). – С. 230–245.

6. ВЦИОМ: школам и вузам нужно учить молодежь осознанно мыслить и рефлексировать // Ведомости. 23.10.2025. сайт. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/10/23/1149088-vtsiom-shkolam-i-vuzam-nuzhno-uchit-molodezh-osoznanno-mislit> (дата обращения: 02.04.2026).

7. «Время реальных возможностей»: почему студенты видят свое будущее в тесной связи с развитием страны // ФедералПресс. 25.01.2026. сайт. – URL: <https://fedpress.ru/article/3421844> (дата обращения: 03.04.2026).

8. NEET-молодежь, или поколение неработающих // Российская газета. 02.04.2025. URL: <https://rg.ru/2025/04/02/neet-molodezh.html> (дата обращения: 04.04.2026).

9. Дюркгейм, Э. Социология образования / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. Т. А. Пахомовой. – М.: ИНТОР, 1996. – 280 с.

10. Егорова, М. А. Субъективное благополучие молодежи в период социокультурной нестабильности / М. А. Егорова, А. А. Сердюк // Современная зарубежная психология. – 2025. – Т. 14, № 4. – С. 56–65.

11. Заславская, Т. И. Социентальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция / Т. И. Заславская. – М.: Дело, 2002. – 568 с.

12. Зубок, Ю. А. Молодежь в обществе риска: теоретические основания и практические подтверждения / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Социологические исследования. – 2017. – № 3. – С. 62–72.

13. Зубок, Ю. А. Социология молодежи: энциклопедический словарь / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. – М.: Академия, 2008. – 384 с.
14. Коваленко, А. А. Методика психолого-педагогического сопровождения построения жизненных стратегий студентами вузов / А. А. Коваленко, М. А. Райкина // Вестник Костромского государственного университета. – 2025. – Т. 31, № 4. – С. 58–69.
15. Лиханова, Т. Ю. Жизненные ориентиры и ценности современной студенческой молодежи / Т. Ю. Лиханова // Социально-политические науки. – 2024. – Т. 14, № 6. – С. 39–45.
16. Махнач, А. В. Жизнеспособность студенческой молодежи России в условиях неопределенности / А. В. Махнач, А. И. Лактионова, Ю. В. Постылякова // Российский психологический журнал. – 2024. – Т. 21, № 3. – С. 56–70.
17. Муздыбаев, К. Жизненные стратегии современной молодежи: межпоколенческий анализ / К. Муздыбаев // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2024. – Т. 27, № 1. – С. 100–125.
18. Отложенное взросление: новые жизненные сценарии молодежи / под ред. Е. Н. Заборовой. – Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2025. – 112 с.
19. Попова, Е. С. Профессиональное образование как ресурс адаптации молодежи: динамика восприятия / Е. С. Попова // Социологические исследования. – 2025. – № 10. – С. 65–79.
20. Райкина, М. А. Психолого-педагогическое сопровождение построения жизненных стратегий студентами / М. А. Райкина, А. В. Воронцова // Science for Education Today. – 2024. – № 6. – С. 84–105.
21. Самыгин, П. С. Жизненное проектирование молодежи в условиях социальной неопределенности / П. С. Самыгин, С. И. Самыгин, А. Р. Каспаров, Л. Н. Тутова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 5. – С. 44–49.
22. Социальный портрет современной студенческой молодежи / под ред. З. Т. Голенковой. – М.: Институт социологии РАН, 2025. – 128 с.
23. Фруммин, И. Д. Университет в эпоху неопределенности: новые вызовы и старые решения / И. Д. Фруммин // Вопросы образования. – 2020. – № 1. – С. 8–25.
24. Чечель, Ю. Тренды карьерных ожиданий студентов — 2025-2026 годов выпуска: цифры и инсайты // TenChat. 10.06.2025.

сайт. –URL: <https://tenchat.ru/media/3419920-trendy-karernykh-ozhidaniy-studentov--20252026-godov-vypuska-tsifry-i-insayty> (дата обращения: 04.04.2026).

25. Шабанова, М. А. Социология свободы: трансформирующееся общество / М. А. Шабанова. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. – 432 с.

26. Экспертный совет «АО»: «Деловая папка» ректора. Ключевые идеи на 2025/26 учебный год // Аккредитация в образовании. 2025. сайт. –

URL: https://akvobr.ru/ekspertnyj_sovet_ao_delovaya_papka_rektora.html (дата обращения: 01.04.2026).

27. Ядов, В. А. Стратегия социологического исследования / В. А. Ядов. – М.: Омега-Л, 2012. – 568 с. Зачем так много литературы??

Molodkin Alexander Borisovich

Master's student in the field of Psychological and Pedagogical Education

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: mr.apple04@mail.ru

Shchitko Vladimir Sergeevich

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

Head of the Department of Sociology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: sl100@mail.ru

TRANSFORMATION OF LIFE STRATEGIES IN CONDITIONS OF UNCERTAINTY: THE ROLE OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Abstract. Based on theoretical analysis and empirical data from 2024-2026, the article examines the process of transforming the life strategies of modern Russian youth under the influence of social uncertainty factors. The main approaches to understanding life strategies in sociology are revealed. Special attention is paid to the role of the educational environment in higher education institutions. The results of national and regional studies are analyzed. The article concludes that it is necessary to transform the educational environment in order to develop students' skills in dealing with uncertainty, reflection, and adaptability.

Keywords: life strategies; social uncertainty; youth; higher education; educational environment; adaptation; long-term planning

Нелюбина Варвара Юрьевна

студентка кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: varuskanelubina@gmail.com

Орлик Елена Николаевна

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: enorlik@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ХАРАКТЕРИСТИК РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются характеристики разных поколенческих срезов и их социальная обусловленность в рамках теории поколений Уильяма Штрауса и Нила Хоува. С течением времени и скоростью развития современного общества возникают новые поколения, имеющие значительные отличия. Характеристика поколений применяется в организационной психологии, маркетинге, образовании, государственном управлении и многом другом, поэтому ее изучение является актуальным. Цель работы – проанализировать роль социальных событий в образовании отличительных черт разных поколений.

Ключевые слова: поколение; поколенческий срез; социальное событие; социализация; поколенческий архетип; социальные ценности; циклы поколений; межпоколенческие различия

Определение поколения.

Явление поколения рассматривается в разных науках и разных контекстах, в следствие этого термин «поколение» можно рассматривать с разных сторон. Далее приведено несколько примеров определения.

1. Поколение отражает средний временной промежуток от рождения человека до момента появления у него собственных детей.
2. Поколение – социальная группа, объединенная по критерию времени рождения.

3. Поколение – представители определенного уровня генеалогического древа (в данном случае разница в возрасте представителей одного поколения может составлять 40-50 лет, что значительно больше традиционно выделяемых хронологических рамок представителей одного поколенческого среза).

4. Поколение – определенная группа людей, которая имеет сходный исторический и культурный опыт [1].

Таким образом можно увидеть, что точно трактовать термин без обращения к специфике исследования затруднительно. Однако последнее из представленных определений имеет более социологическую направленность.

В центре социологического анализа находятся процессы социализации, передача социальных установок, а также возрастные критерии, указывающие на пик общественной активности. Это приводит к выделению конкретных возрастных категорий, изучаемых через призму специфики этапов их социального формирования. По этой причине определение «поколения» в социологии таково: поколение – складывающаяся в силу объективных социально-демографических и культурно-исторических условий общность современников, имеющих типичные социально-психологические, идейно-нравственные и этнокультурные характеристики, сходные духовные ценности, а также социальный опыт и образ жизни [2].

Теория поколений У. Штрауса и Н. Хоува.

В начале 90-х годов XX века два американских исследователя Н. Хоув и В. Штраус независимо друг от друга начали изучать такой популярный социальный феномен как конфликт поколений. Объединившись, в 1991 году исследователи написали книгу «Generations» («Поколения»), в которой они рассматривали основные тенденции изменений поведения представителей различных поколенческих групп. В ее основу они положили идею о том, что поведение человека зависит от того, в каких условиях он жил и воспитывался до 12-14 лет, а также какие ключевые события могли повлиять на него за данный период.

Согласно теории Н. Хоува и У. Штрауса, история движется циклами по 80–90 лет, каждый из которых включает четыре этапа. Ключевую роль играют два противоположных периода – кризис и подъем. В кризисные времена общество склонно к самопожертвованию и поиску

порядка, тогда как в периоды подъема доминируют ценности индивидуализма, а государственные институты подвергаются критике. Каждому этапу соответствует свой архетип: «пророки», «странники», «герои» и «художники».

Пророки рождаются после кризиса, во время подъема. Ориентированы на ценности, идеологию, мораль, стремятся к переустройству общества, склонны к коллективизму. Странники рождаются во время пробуждения. Растут в эпоху разобщенности, ценят личную свободу, прагматизм, независимость и стойкость. Герои появляются во время спада. Оптимистичные, энергичные, ориентируются на достижения и коллективные действия. Художники появляются во время кризиса. Они более чувствительны, склонны к компромиссам, ценят порядок, стабильность и творческий подход, действуют осторожно.

Отличительные социальные аспекты, в которые формировались поколения.

1. «Молчаливое поколение» или «молчуны» (1923–1943 годы), архетип «художников». Они жили в период Сталинских репрессий, Второй мировой войны, восстановления разрушенной страны, начала использования антибиотиков. В связи с этими событиями им свойственны преданность, соблюдение правил и законов, уважение к должности и статусу, честь, терпение.

2. Поколение «бэби-бумеры» (1943–1963 годы). Они относятся к архетипу «пророков». На них наибольшее влияние оказали: Советская оттепель, покорение космоса, холодная война, использование противозачаточных таблеток, гарантированность медицинского обслуживания. Благодаря успехам своей страны представители поколения – оптимисты, готовые приложить усилия ради достижения цели. Они заинтересованы в личностном росте и вознаграждении, а также для них характерны коллективизм и командный дух. Большое значение они придают спорту.

3. Поколение X, или «бумеры» (1963–1982 годы), представляет архетип «странников». Ключевыми факторами их первичной социализации стали Холодная война, афганский конфликт, проникновение наркотиков и эпидемия СПИДа. Поскольку их родители из поколения «бэби-бумеров» были постоянно заняты, дети поколения X выросли более самостоятельными. Их отличительными чертами стали готов-

ность к переменам, свобода выбора, глобальная осведомленность, техническая подкованность, индивидуализм, стремление к непрерывному обучению, неформальность суждений, поиск эмоций, прагматизм и опора исключительно на собственные силы.

4. Поколение Y, известное также как «миллениалы» (1982–1997 гг.), ассоциируется с архетипом «героев». Оно выросло в условиях распада СССР, терактов, военных конфликтов, пандемии атипичной пневмонии и бурного развития цифровых технологий. Именно они продемонстрировали «миллениалам», что ничто не вечно. Они скептически к власти и авторитетам, склонны к быстрым решениям, опасаясь упустить какую-либо возможность. Гибкие к переменам, быстро адаптируются к новым условиям. Благодаря стремлению родителей – поколения X – защитить их от угроз, таких как рост преступности, политическая нестабильность и иные риски, «миллениалы» поздно вступают во взрослую жизнь и медленно отходят от родительского контроля [4].

5. Поколение Z или «зумеры» (1997–2010 гг.), архетип «художников». Оно сформировалось в эпоху бурного внедрения цифровых технологий, проникновения гаджетов в быт и активного развития интернет-среды. Для них характерна высокая цифровая грамотность, легкость обращения с современными устройствами, умение ставить четкие цели и достигать их. Ключевой чертой является толерантность: они поддерживают социальную справедливость, отвергают расовые и культурные стереотипы. Ценят свободу в профессиональной деятельности, проявляют творческий подход, стремятся находить нестандартные решения в разных сферах [3].

6. «Поколение Альфа». Их рамки пока четко не установлены, но чаще обозначаются с 2011 по 2024 год. Как и «беби-зумеры» относятся к архетипу «пророков». Их отличительной чертой стало время первого самостоятельного использования гаджетов: в возрасте от 2х до 4х лет. Пока сложно говорить про их личность, так как самым старшим представителям поколения «Альфа» на данный момент около 14–15 лет. Тем не менее, наиболее ясными являются следующие черты: высокая цифровая интеграция, способность быстро переключаться между задачами и обрабатывать большие объемы информации, трудность с концентрацией, повышенная индивидуальность, развитые социальные навыки в онлайн-среде.

По результатам проведенного анализа видно, что социальные события, происходящие в период детства и взросления человека выступают важным фактором в формировании его черт, таким образом образуется поколение. Каждый поколенческий срез демонстрирует устойчивые ценностные ориентации и модели поведения, вытекающие из исторического и социального контекста. Следовательно, понимание социальных событий, формирующих поколение, становится инструментом к объяснению межпоколенческих различий.

Список литературы

1. Воронцова, Ю. А. Теоретическая основа теории поколений // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – №3 (72). – С. 268–273. сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskaya-osnova-teorii-pokoleniy>
2. Дубин, Б. В. Поколение: социологические границы понятия // Мониторинг. – 2002. – №2. – С. 11–15. сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokolenie-sotsiologicheskie-granitsy-ponyatiya>
3. Никитина, Д. О. Поколение Z: особенности и характеристики // Социология. – 2021. – №3. – С. 136–140. сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokolenie-z-osobennosti-i-harakteristiki>
4. Ожиганова, Е. М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2015. – №1 (1). – С. 94–97. сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-pokoleniy-n-houva-i-v-shtrausa-vozmozhnosti-prakticheskogo-primeneniya>

Nelyubina Varvara Yuryevna
Student of the Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
E-mail: varuskanelubina@gmail.com

Orlik Elena Nikolaevna
Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
E-mail: enorlik@mail.ru

SOCIAL ASPECTS OF THE FORMATION OF CHARACTERISTICS OF DIFFERENT GENERATIONS

Abstract: The article examines the characteristics of different generational cohort and their social conditioning within the framework of the theory of generations by William Strauss and Neil Howe. With the passage of time and the pace of development of modern society, new generations are emerging that have significant differences. Generational characteristics are used in organizational psychology, marketing, education, public administration, and more, so their study is relevant. The purpose of the work is to analyze the role of social events in the formation of distinctive features of different generations.

Keywords: generation; generational cohort; social event; socialization, generational archetype; social values; generational cycles; intergenerational differences

Николаенко Полина Сергеевна
магистрантка кафедры социологии, социальной работы и
управления персоналом

Ивановский государственный университет, г. Иваново

E-mail: ps.nikolaenko@mail.ru

Панкратова Екатерина Владимировна

кандидат соц. наук, доцент, зав. кафедрой социологии, социальной
работы и управления персоналом

Ивановский государственный университет, г. Иваново

E-mail: e_v_pankratova@mail.ru

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ КАК АГЕНТЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ Г. ИВАНОВО)

Аннотация. Представленная статья посвящена анализу деятельности патриотических организаций как агентов патриотического воспитания молодых людей. Авторское эмпирическое исследование было проведено по материалам г. Иваново, что позволяет глубже изучить особенности и специфику общественно-патриотических организаций, их влияние на гражданское и патриотическое воспитание современной городской молодежи. В статье представлены репрезентативные данные об актуальности общественных движений, оценке молодыми людьми организаций, активно участвующих в патриотическом воспитании подростков и значимости данных объединений для благополучия и процветания страны с учетом социально-демографических факторов.

Ключевые слова: патриотические движения; патриотизм; гражданственность; патриотическое воспитание; современная молодежь

Патриотическое воспитание в условиях разнообразия вызовов внешнего и внутреннего характера становится в российском обществе приоритетным направлением государственной молодежной политики, обеспечивающим национальную безопасность страны [4]. В связи с этим наибольшую значимость приобретает патриотическое воспитание молодых людей, поскольку они опора и будущее нашей страны. Обладая энергией, новаторством и смелыми идеями, подрастающее по-

коление ответственно за продолжение и развитие исторического наследия России, обеспечение устойчивого роста и укрепление позиций государства на мировой арене [3].

Важность формирования и развития патриотического воспитания подчеркнул президент РФ Владимир Путин в декабре 2023 года. Президент отметил, что воспитывать молодых людей в духе патриотизма очень важно. На сегодняшний день в российских школах с подростковыми коллективами работают, в том числе, и профессиональные военные, т. к. самое лучшее воспитание – это личный пример, что подчеркнул глава государства [1].

Патриотическое воспитание включает в себя проведение классных, кураторских часов, памятных дней, участие в патриотических акциях и мероприятиях, встречи с ветеранами ВОВ, участниками СВО, участие подрастающего поколения в патриотических движениях и другое. В настоящее время, в нашей стране активно развиваются общественно-патриотические организации, призванные решить проблемы занятости молодого поколения, его духовно-нравственного, гражданского, патриотического воспитания, формирования традиционных ценностей молодежи и их защиты от пропаганды и влияния западного мировоззрения [2].

В 2025 году было проведено авторское социологическое исследование, целью которого являлось изучение и анализ мнения молодежи города Иваново о роли патриотических движений в профилактике и коррекции негативного отклоняющегося поведения. Объектом исследования выступали участники современных российских патриотических организаций города Иваново (n=202).

В ходе опроса необходимо было выяснить степень важности патриотического воспитания в нашей стране. Так, большинство молодых людей считают, что формирование патриотических ценностей, мировоззрения приобретает все большую актуальность для российского общества в современных условиях. Четверть участников общественных организаций оценили важность развития патриотизма в стране на 3 балла. Наименьшее количество подростков отметили, что в России патриотическое воспитание молодежи совсем не актуально (см. рис.1).

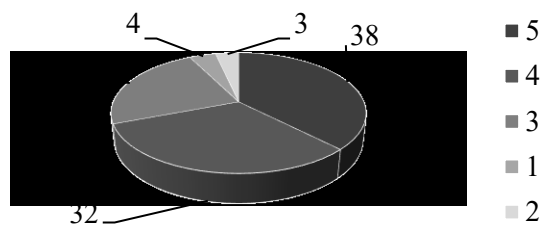

Рис 1. Оценка молодыми людьми важности развития патриотизма в нашей стране на сегодняшний день, в % (n=202)

В исследовании важным индикатором выступали институты и агенты, которые принимают активное участие в патриотическом воспитании молодого поколения. Так, большинство участников общественных организаций отметили, что активное влияние на формирование патриотических взглядов молодежи оказывают образовательные учреждения и общественно-патриотические организации. Около половины молодых людей отметили, что семья и родственники оказывают существенное влияние на патриотическое воспитание подрастающего поколения. Около трети подростков считают, что активно принимают участие в развитии патриотических взглядов молодежи органы государственной власти и армия. Меньшая часть участников общественных движений к таким институтам и агентам относит СМИ и церковь, а наименьшее количество молодежи – досуговые центры. Также на меньшую часть подростков никто не повлиял при формировании и развитии патриотических взглядов (см.рис.2).

Рис 2. Институты и агенты, которые активно участвуют в патриотическом воспитании молодежи, в % (n=202)

Таблица 1 – Институты и агенты, активно участвующие в патриотическом воспитании молодежи, в зависимости от их продолжительности участия в патриотических организациях, в % (n=202)

Институты и агенты патриотического воспитания	Продолжительность участия		
	До года	От года до двух лет	От двух лет и более
Органы государственной власти	37,5	33,3	33,3
Образовательные учреждения	55,2	59,5	74,6
Общественные движения, организации, объединения	47,9	57,1	79,4
Семья и родственники	44,8	57,1	49,2
Армия	28,1	31,0	31,7
Церковь	12,5	14,3	14,3
Досуговые центры	6,3	7,1	6,3
СМИ	15,6	19,0	11,1
Никто не повлиял	12,5	7,1	4,8

Из анализа институтов и агентов, активно принимающих участие в патриотическом воспитании молодежи, в зависимости от продолжительности участия подростков в общественной организации, мы делаем вывод, что в практически равной степени молодые люди относят к наиболее активно участвующим организациям в патриотическом воспитании образовательные учреждения, общественно-патриотические движения и семью (родственников).

Также стоит отметить, что прослеживается зависимость между продолжительностью участия в молодежном объединении и выбором ответа «общественные движения, организации и объединения». Итак, мы видим, что чем дольше участник состоит в общественной организации, тем выше процент его ответов о значимости роли патриотических движений в формировании и развитии патриотических взглядов молодого поколения. Это можно объяснить тем, что подросток организует или принимает участие в военно-патриотических мероприятиях, приобщен к созидательному виду деятельности, работает для развития и благополучия своей страны. Вследствие этого, у него формируются и развиваются чувства патриотизма и гражданственности (см.табл.1).

Изучая мнение молодежи о значимости патриотических объединений для процветания страны, мы делаем вывод, что большая часть

молодых людей считают, что воспитание гражданственности, патриотизма и любви к своему Отечеству формируют и развивают у подростков общественные организации. Половина участников патриотических объединений отмечают, что данные организации приобщают подростков к ведению здорового образа жизни, занятию спортом. Меньше половины молодежи отметили, что важность патриотических движений состоит в том, что они всестороннее развивают детей и подростков, формируют у них духовно-нравственные ценности, подготавливают юношей к военной службе в Вооруженных силах России. Около трети участников считают, что молодежные организации воспитывают у подрастающего поколения бережное отношение к героическому прошлому нашего народа, к себе, окружающим людям, животным и природе. Меньше четверти молодых людей отметили пользу деятельности данных организаций в увеличении динамики роста патриотизма среди молодежи, воспитание отрицательного отношения к вредным привычкам и привлечение граждан к работе по возрождению и сохранению духовно-нравственных ценностей страны (см.рис.3).

Рис 3. Значение патриотических движений для страны в оценках их участников, % (n=202)

Большая часть молодежи считает, что данные организации воспитывают гражданственность, патриотизм и любовь к своей Родине,

приобщают молодое поколение к ведению ЗОЖ и физической активности. Также стоит отметить, чем дольше молодые люди состоят в общественном объединении, тем выше процент их ответов, что данные организации воспитают в подрастающем поколении чувства гражданственности, патриотизма и любви к Родине, бережное отношение к героическому прошлому народа, увеличивается динамика роста патриотизма среди граждан страны (см.табл.2).

Таблица 2 – Значение патриотических движений для страны в зависимости от продолжительности участия в патриотическом движении, в % (n=202).

Значение патриотических движений для страны	Продолжительность участия		
	До года	От года до двух лет	От двух лет и более
Приобщение молодежи к ведению здорового образа жизни	52,6	50,0	47,6
Совершенствование ценностно-ориентированных качеств личности, обеспечение условий для самовыражения обучающихся, их творческой активности	36,1	42,9	46,0
Воспитание гражданственности, патриотизма и любви к Родине	60,8	66,7	74,6
Физическое и духовно-нравственное развитие детей и подростков	46,4	42,9	39,7
Подготовка подрастающего поколения к военной службе и воспитание уважения к Российской Армии	41,2	35,7	41,3
Воспитание бережного отношения к героическому прошлому нашего народа, землякам	33,0	38,1	46,0
Увеличение динамики роста патриотизма среди населения	17,5	19,0	28,6
Привлечение населения к работе по возрождению и сохранению культурных и духовно-нравственных ценностей России	16,5	14,3	23,8
Воспитание отрицательного отношения к вредным привычкам	18,6	23,8	20,6
Воспитание бережного отношения к себе, окружающим людям, природе	32,0	35,7	23,8
Другое	2,1	0	1,6

Таким образом, деятельность патриотических движений имеет существенное влияние на гражданское и патриотическое воспитание современной молодежи. Активность данных объединений направлена на формирование патриотического сознания, чувства верности Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины. Благодаря созидательному виду деятельности, приобщению подростков к общественно-важному труду, влияющего на развитие и благополучие страны, патриотические движения воспитывают молодых людей в духе патриотизма и гражданственности, поэтому, по праву, являются агентами патриотического воспитания современной молодежи.

Список литературы

1. «Итоги года», 2023. сайт. – URL: <https://mayakgazeta.ru/2023/12/14/prezident-otmetil-vazhnost-patrioticheskogo-vospitanija/> (дата обращения: 13.03.2026).

2. Губенко, М. С., Ковалев, А. С. Место и роль молодежных патриотических организаций в системе военно-патриотической работы // Вестник адъюнкта. №1. 2019. сайт. – URL: <https://vestnik-adyunkta.ru/16-novuj-vypusk/80-mesto-i-rol-molodezhnykh-patrioticheskikh-organizatsij-v-sisteme-voenno-politicheskoy-raboty> (дата обращения: 13.03.2026).

3. Омельченко, Е. Л., Лисовская, И. В. Молодежь как барометр будущего? Молодежная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодежной политике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – №2. – С. 66–92.

4. Пономарев, А. П., Шалин, В. В., Самыгин, С. А. Патриотическое воспитание современной российской молодежи: основные проблемы и перспективные направления // Общество: социология, психология, педагогика. – 2025. – №2. – С. 95–102.

Nikolaenko Polina Sergeevna
Graduate student of the Department of Sociology, Social Work and
Personnel Management

Ivanovo State University, Ivanovo

E-mail: ps.nikolaenko@mail.ru

Pankratova Ekaterina Vladimirovna

Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Social Work and Personnel Management

Ivanovo State University, Ivanovo

E-mail: e_v_pankratova@mail.ru

PATRIOTIC MOVEMENTS AS THE AGENTS OF PATRIOTIC EDUCATION OF MODERN YOUTH (ON THE EXAMPLE OF THE CITY OF IVANOVO)

Abstract. This article analyzes the activities of patriotic organizations as the agents of patriotic education among young people. The author's empirical study, based on data from the city of Ivanovo, allows for a deeper understanding of the characteristics and specifics of social and patriotic organizations and their impact on the civic and patriotic education of today's urban youth. The article presents representative data on the relevance of social movements, young people's assessments of organizations actively involved in patriotic education of adolescents, and the importance of these associations for the well-being and prosperity of the country, taking into account sociodemographic factors.

Keywords: patriotic movements; patriotism; citizenship; patriotic education; and modern youth

Орлик Елена Николаевна

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии
Владимирский государственный университет г. Владимир

E-mail: enorlik@mail.ru

ДОВЕРИЕ В КОНФЛИКТНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Аннотация. Проводится анализ влияния исходного уровня доверия между сторонами конфликтного взаимодействия на выбор стилей и стратегий конфликта. На конкретных примерах показывается, как и

при каких обстоятельствах происходит утрата доверия между конфликтантами. Рассматривается крайний случай отсутствия исходного доверия у тех участников конфликта, кто отдает предпочтение техниками манипулирования своими оппонентами.

Ключевые слова: доверие; уровень доверия; радиус доверия; нормальное доверие; недоверие; конфликт; деструктивный конфликт; конструктивный конфликт; стиль конфликтного поведения; стратегия конфликта; обман; манипуляция

Современное общество устроено так, что в целях удовлетворения своих потребностей мы вынуждены общаться с большим количеством незнакомцев. Нам не приходится в голову знакомиться с водителем маршрутки, который доставит нас до места назначения, или представляться кассиру при оплате нашей покупки, заводить знакомство с медсестрой, делающей забор крови для определения ее химического анализа. И чтобы наши отношения с другими лицами состоялись, мы должны иметь определенный запас доверия к ним, социальным общностям и институтам, которые они представляют. Количество наших контактов с разными социальными единицами трудно подсчитать, но можно замерить уровень нашего доверия к ним.

Доверие имеет сложную иерархическую структуру, которую можно представить таким образом: генерализованное (обобщенное), институциональное, межгрупповое, базовое (межличностное). Согласно результатам последних социологических исследований генерализованное доверие в России, понимаемое как доверие к людям как таковым, составляет 22,8 %, что соответствует показателям остальных европейских стран. Уровень доверия людям другой национальности составляет 37,7%; друзьям – 84,4%, доверие коллегам – 73,9%, доверие семье среди россиян является самым высоким и достигает 86,7%, [3]. Если же говорить об институциональном доверии, то последние годы оценка «полностью доверяю» президенту и правительству страны держится на уровне 75%, и 40% в предпочтениях россиян отводится региональной и местной власти [2].

Доверие формируется в процессе социализации личности по мере накопления ею социального опыта и связей с другими людьми. При этом назначение социализации взрослого и ребенка существенно

разнятся. Если ребенок усваивает базовые ценности, формируя мотивацию определенного поведения (быть вежливым, подчиняться авторитетам и правилам), то взрослый, исходя из опыта интеракций с разными людьми и характера ситуаций, в которых они осуществляются, производит коррекцию своего поведения, критично оценивает существующие нормы и правила, развивает специфические навыки и коммуникационные возможности.

При этом если радиус доверия ребенка исчерпывается узким кругом родных и близких людей, то радиус доверия взрослого человека выходит за пределы семейного и родственного общения. Ребенок в силу ограниченности опыта общения с другими лицами более склонен доверять им, и, как правило, слепо доверяет людям из ближнего круга. В качестве иллюстрации можно привести пример привязанности детей к матерям, злоупотребляющим алкоголем и наркотическими веществами, несмотря на отсутствие со стороны последних должного ухода и заботы о них. Дети, разлученные с непутевыми родительницами, переживают бурю негативных эмоций, пребывая в страхе перед неопределенностью их будущего пребывания в казенном учреждении, где им гарантированы уход и забота, которых они были лишены в своих семьях. Взрослый же человек строит свои отношения с другими людьми на уровне взвешенного, нормального доверия, хотя в ряде случаев может испытывать, как и ребенок, избыточное доверие (проявляя доверчивость), но также способен проявлять недоверие и даже открытую враждебность к другим субъектам социальных отношений. Так, любой здравомыслящий человек не станет одалживать деньги малознакомому человеку, но вряд ли откажет другу. Но если друг откажется возвращать одолженную ему сумму, то скорее всего он потеряет дружеское расположение, и, если сумма дружеской ссуды была значительной, то кредитор обратится в суд.

Отсюда, как минимум, напрашиваются следующие выводы: доверие является необходимым условием любого взаимодействия между людьми; доверие является не только чувством, но и результатом рефлексивного реагирования человека на ситуацию, в которой он оказался; наконец, доверие – это особый ресурс, который, как всякий ресурс, может как накапливаться, так и уменьшаться. Причем процесс убывания доверия может осложнить восстановление исходного уровня доверия, а то и воспрепятствовать ему. В данном случае формулировка

отставки высокопоставленного должностного лица «из-за утраты доверия» приобретает особый смысл и значение. Таким образом, доверие в общественных отношениях является неотъемлемым условием общественного порядка и личностного благополучия.

Итак, уровень доверия в зависимости от его объекта и ситуации, в которой оказался субъект оценки, может сильно различаться. Если взять конфликтное взаимодействие, то уровень доверия/недоверия между его участниками играет ключевую роль как в развитии конфликта, так и в способе его разрешения.

Социальная среда современного общества в силу социального, культурного, религиозного, этнического многообразия достаточно конфликтостойка. Цифровизация общественных отношений, с одной стороны, повысила доступность получения многих услуг и товаров, убрав из лексикона людей понятие «очередь» с ее «вас тут не стояло», а с другой – предоставила возможность доверительных контактов с удаленными третьими лицами. Вместе с тем современные коммуникационные технологии породили новый вид конфликта – кибербулинг, когда в сетевом сообществе один из его участников произвольно объявляется жертвой и подвергается остракизму и травле другими его пользователями. Выход из такого конфликта прост – отказ от общения с данным онлайн-сообществом. В реальном (невертуальном) взаимодействии все обстоит гораздо сложнее: трудно выйти из отношений, в которых человек связан определенными обязательствами. В этой связи следует также упомянуть, что развитие рыночных отношений особенно на рынке труда, порождает необходимость взаимодействия людей со многими незнакомцами в условиях большой неопределенности и рисков. При этом каждый соискатель рабочего места полон надежд на достойную оплату своего труда и комфортные условия для приложения своих профессиональных способностей. Но не каждый работодатель, заинтересованный в потенциальном сотруднике нужной квалификации, может удовлетворить эти запросы. Некоторые из них, чтобы заполучить квалифицированного специалиста, идут на обман, заманивая кандидата на искомое рабочее место заманчивыми предложениями, который позже оборачивается конфликтом. Приведем пример: руководителю крупного предприятия требуется заместитель по качеству. На рынке труда специалисты по качеству с опытом работы и развитыми

навыками (в силу новизны специализации, которая не так давно включена в перечень подготовки в вузах страны) находятся в дефиците. И чтобы привлечь такого специалиста нужно обойти конкурентов, то есть сделать претенденту предложение, от которого трудно отказаться. В нашем случае, руководитель предприятия пообещал претенденту высокую для данного региона заработную плату, которая наряду с другими социальными бонусами должна была дублироваться аналогичной суммой в конверте, не упоминаемой в контракте. Соискатель сочел данное предложение достойным и решился на переезд с семьей на новое место работы. В течение полугода руководитель предприятия честно выполнял взятые на себя обязательства, а потом стал от них уклоняться под разными предлогами. По истечению времени в ситуации, когда его заместитель в очередной раз упрекнул его в нарушении принятых на себя обязательств, директор был вынужден признаться, что у предприятия нет ресурсов дублировать официальный оклад своего заместителя черным налом, и что он сознательно пошел на обман, чтобы получить ценного специалиста для своего предприятия. Перед заместителем директора, когда он осознал всю полноту ситуации, в которой оказался, что у него нет возможности подать в суд на своего работодателя, поскольку речь шла о неофициальной договоренности, встала дилемма: либо смириться с ситуацией, либо искать новое место работы. Он предпочел искать новую работу, так как его доверие к работодателю серьезно пошатнулось.

Конфликт как контрпункт конфликтной ситуации должен вызреть, сформироваться. Открытому противостоянию сторон, полагающих только свои интересы и требования справедливыми, требуется время. Это время в социологии конфликта называется социальной напряженностью, характеризующейся не только осознанием несправедливости, сколько невозможностью более принимать сложившееся положение дел как статус кво. В случае затягивания латентной фазы социальной напряженности доверие сторон как ценностная доминанта взаимодействия подвергается ревизии, результатом которой может стать его убыль, ведущая к росту недоверия. Любой конфликт начинается с инцидента.

В качестве примера обратимся к семейному конфликту, где доверие сторон друг к другу изначально очень высокое. Представим ситуа-

цию, что молодой супруг пришел с работы домой, предвкушая спокойный вечер после непростого рабочего дня. Однако его ждал непростой разговор с супругой, находящейся в декретном отпуске по уходу за ребенком. Он был обескуражен: он все делает, чтобы ребенок и его жена ни в чем не нуждались, выкладывается на все 100% на работе, чтобы получить давно обещанное ему повышение. Но его супругу такое положение дел, когда он исключительно живет заботами производства, не устраивает. Оказывается, она разрывается между уходом за ребенком и ведением дома, устала от недосыпа и ей трудно мириться с сокращением времени на уход за собой. Но ведь он тоже устает от рабочих перегрузок, забросил занятия спортом, давно не встречался с друзьями. К тому же он никогда не отказывается помочь, если супруга просит. И ведь с аргументами ни одной из сторон не поспоришь. Этот конфликт легко перевести в деструктивное русло: достаточно супругам перейти в разговоре на повышенные тона, вспомнить взаимные упущения за время супружества, перейти к взаимным оскорблениям. Повторения подобного сценария семейных конфликтов со временем снизит порог обоюдного доверия супругов, и не исключено, что их брак распадется. Но если уровень доверия высок, то супруги смогут конструктивно решить возникшую проблему, включив рефлексию, совместно найдя выход из столь типичной житейской ситуации. Например, увеличат число покупок товаров и продуктов с доставкой на дом, или наймут на почасовую работу помощницу по ведению хозяйства, или обратятся за помощью к близким родственникам. Тем более, что ситуация носит временный характер. В таком случае доверие между супругами укрепится, как укрепится и их семейное благополучие. Согласно социологическим наблюдениям, общие взгляды на семейные роли супругов и их постоянное общение ведут к выработке у них ряда общих черт таких, как: оптимизм и живая эмоциональность; усердие в семейных делах; способность попеременно исполнять роль то ведущего, то ведомого; доброжелательность и эмпатия в отношениях; умение обращаться с деньгами [4].

Приведенные примеры позволяют нам разделять все конфликты в зависимости от уровня доверия конфликтантов на конструктивные, ведущие к переходу отношений сторон на более высокий уровень благодаря увеличению их обоюдного доверия, и деструктивные, которые с убыванием доверия хотя бы у одной из сторон конфликта приводят к

полному разрыву отношений. Речь идет о двойственном характере конфликтов. Любое конфликтное столкновение можно повернуть как в конструктивное, так и деструктивное русло. При этом природа возникновения конфликтов также двойственна, проявляясь в ресурсно-ценностном происхождении запросов конфликтантов. Когда мы говорим о ресурсной основе конфликта, то речь идет о некотором дефиците финансов, времени, власти, статусности, поддержки, внимания, или недоступности определенных благ и материальных объектов; ценностные же конфликты связаны с расхождениями представлений людей о добре и зле, вере, жизненном выборе и стратегиях, культурных традициях, стереотипах.

При этом в зависимости от уровня доверия людей, возможны разные стили и стратегии их поведения в конфликте. Если доверие между конфликтантами изначально находилось на нормальном уровне, то скорее всего они могут выбрать стиль сотрудничества, найдя выход из конфликта полностью удовлетворяющий обе стороны, или прибегнут к компромиссу, пожертвовав ради сохранения доверительных отношений частью своих интересов, не исключено также, что одна из сторон выберет стиль приспособления, принеся на время в жертву свои интересы. Если же уровень доверия невелик, то скорее всего стороны прибегнут к стилю соперничества, выбрав стратегию удовлетворения своих интересов в ущерб противной стороне, или может быть одна из сторон из-за отсутствия реальных шансов на успех в решении спорной проблемы попросту не станет ее публично до времени обсуждать, и тем самым избежит открытого выяснения отношений с оппонентом. Иными словами, стиль и стратегия поведения человека в конфликте в первую очередь объясняется изначально уровнем доверия между людьми. Так, любой разумный человек не будет критиковать друга за выбор цвета или фасона одежды, если не разделяет его вкуса, но всегда поддержит его, если тот оказался в трудной жизненной ситуации, например, из-за неудачного выбора партнера по бизнесу, сделанного вопреки его дружеским предостережениям.

Иногда случается и такое, что доверие между сторонами до начала конфликтного взаимодействия находилось на нормальном уровне, но в ходе эскалации конфликта по мере предъявления взаимных претензий и публичного выражения недовольства друг другом стороны перешли «на личности», и о самостоятельном разрешении

конфликта речи уже не может идти. В таком случае требуются переговоры с участием третьей, авторитетной в глазах конфликтантов стороны. Обратимся к примеру, в одной крупной компании возникла конфронтация между отделом разработок и производственным отделом. Начальник производственного отдела упрекал своего коллегу, руководившего отделом разработок, в волоките, слабом учете издержек внедрения новых технологий, игнорировании запросов производства. Его оппонент в свою очередь упрекал коллегу в игнорировании сложности задач, стоящих перед отделом разработок, недооценке конструктивных предложений отдела. Любое производственное совещание сопровождалось скандальными перепалками начальников этих отделов, что не могло не раздражать руководство компании. В результате, исполнительный директор компании обратился за помощью к научному консультанту. После обстоятельных интервью с начальниками обоих отделов и анкетирования членов их коллективов, консультант выяснил, что отдел разработок в своей текущей деятельности не считал нужным советоваться по поводу технических нововведений и очередности их внедрения с производственным отделом, а тот, в свою очередь, не считал целесообразным делиться своими техническими проблемами с коллегами соседнего отдела, ограничившись критикой его предложений. После обсуждения сложившейся ситуации в присутствии руководства компании начальники отделов признали свои недочеты и приняли на себя обязательства по их устранению. По истечению некоторого времени все забыли о громких разборках между отделами, между ними наладились тесные деловые взаимоотношения, уровень доверия между членами коллективов был восстановлен, что не могло не сказаться на эффективности работы всей компании.

Но бывает и так, что одна из сторон конфликта сталкивается с оппонентом, который априори не испытывает доверия ни к кому. Такого рода людей обычно называют циниками: они привыкли «ломать комедию», разыгрывать роли, стараясь произвести на окружающих выгодное для себя впечатление. В конфликтном столкновении они нередко опускаются до грубой лести, «напускают туману», используют намеки, чтобы скрыть истинные планы от своего оппонента. Речь идет о манипуляторах, которые всегда придерживаются в конфликте стратегии «Выигрыш – Проигрыш». Умелый манипулятор исподволь подводит своего оппонента к решениям и действиям, которые не отвечают

его интересам и расходятся с его намерениями. При этом манипуляторы делают это столь искусно, что у его оппонента создается впечатление, что к такому решению спорного вопроса, которое является желательным для манипулятора, он пришел самостоятельно. Вспомним басню И. А. Крылова «Ворона и Лисица», в которой «Лисицу сыр пленил», и чтобы его получить она окутывает ворону флером лести: у той «с похвал вскружилась голова»: «И на приветливы Лисицыны слова Ворона каркнула во все воронье горло: сыр выпал – с ним плутовка такова» [1].

Или, к примеру, некая медийная личность продала свою элитную недвижимость в мегаполисе, однако, спустя некоторое время решила публично опротестовать эту сделку. И чтобы укрепить свою довольно шаткую в правовом отношении позицию по возврату недвижимости от нового владельца, она решила привлечь на свою сторону общественное мнение. И начинается лицедейство: на экранах российских телеканалов данная особа предстала перед публикой в необычном для себя амплуа не дивы с пышной прической, облаченной в красивый вечерний наряд, любовно подобранный ее костюмером, а скромно одетой с убранными волосами растерянной пенсионерки, которую «обвели вокруг пальца» недобросовестные риэлторы. Многие сердобольные граждане и ее поклонники искренне прониклись ее «горем», недоумевая, как такое, вообще, могло произойти. Действительно, было о чем задуматься. Неужели знаменитость, имеющая ни один объект элитной недвижимости, и, следовательно, богатый опыт работы с риэлторами, могла пойти на сомнительную в юридическом плане сделку? И почему в масс медиа не появляется покупатель этой недвижимости? Неужели он в сговоре с посредниками этой сделки? Обсуждение конфликта перешло в соцсети, где поднимался вопрос и о том, почему бы знаменитости не договориться с новым владельцем недвижимости на признание сделки ничтожной с возвратом ему денег, потраченный на ее покупку, с тем чтобы исправить свою ошибку. Но, по всей видимости, у знаменитости были иные планы, которым, к чести правосудия, не суждено было сбыться. Как гласит известное латинское изречение: «*Dura lex sed lex*».¹ Суд, несмотря на «медийную пену», поднятую знаменитостью, и надеющейся обойти своего оппонента в юридическом разбирательстве, принял решение в пользу добросовестного приобретателя

¹ Закон суров, но это закон

недвижимости, который на момент заключения данной сделки не имел собственного жилья.

Примечательно, что манипулятор только в случае провала своего плана, когда он либо изобличен, либо его уловки проигнорированы оппонентом, показывает свое истинное лицо, которое бывает крайне неприглядным.

Именно так закончился этот конфликт: знаменитость не смогла справиться с обуревавшими ее эмоциями, и дала несколько обличающих себя комментариев в соцсетях, что привело ее к репутационным потерям. Таким образом, чтобы не оказаться в положении манипулируемого, следует либо обратиться к третьей беспристрастной стороне (как это было в данном случае), либо встать над ситуацией, попробовать ответить на следующие вопросы: «С чего начался конфликт и какие события ему предшествовали?», «Каковы интересы оппонента, и в чем они выражаются?». А затем уже выстраивать диалог с оппонентом, задавая вопросы по сути конфликтного противостояния, не поддаваться на эмоции и отвлекающие маневры оппонента, стараясь удерживать конфликт в конструктивном русле, сохраняя доверие в отношениях.

Список литературы

1. Крылов, И. А. Басни. Драматургия. – Москва : Правда, 1982. – 415 с.
2. Тощенко, Ж. Т. Общественный договор в современной России: достигнут ли баланс интересов. //Социологические исследования. – 2025. – № 2. – С. 3–14.
3. Цзинь Цзюнькай, Веселов, Ю.В., Скворцов Н.Г. Методология сравнительного социологического исследования доверия (на примере России и КНР) // Социологические исследования. – 2025. – № 4. – С. 3–13.
4. Шейнов, В.П. Управление конфликтами. – СПб., 2014. – 572 с.

Orlik Elena Nikolaevna
PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
E-mail: enorlik@mail.ru

TRUST IN CONFLICT INTERACTION

Abstract. The paper analyzes the influence of the initial level of trust between the parties to a conflict on the choice of conflict styles and strategies. It uses specific examples to show how and under what circumstances trust between conflict participants is lost. The paper also examines the extreme case of a lack of initial trust among those conflict participants who prefer to manipulate their opponents.

Keywords: trust; level of trust; radius of trust; normal trust; distrust; conflict; destructive conflict; constructive conflict; style of conflict behavior; conflict strategy; deception; manipulation

Павлова Софья Николаевна
студентка кафедры социологии
Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail: pavlovasophia8@yandex.ru
Баранова Лариса Михайловна
кандидат философских наук, доцент кафедры социологии
Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail: baranovaalm@yandex.ru

ВОЛОНТЕРСТВО КАК СПОСОБ САМОРЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Волонтерская деятельность является действенным инструментом самореализации студентов в условиях экономической нестабильности. Объединяя теоретические знания с практическими навыками, она способствует развитию профессиональных компетенций и коммуникативных способностей, а также помогает в самоидентификации и формировании комплексного представления о себе.

Ключевые слова: волонтерство; самореализация; молодежь; самоопределение; самооценка

В современном мире социальное развитие молодежи протекает в условиях высокой неопределенности, что усложняет поиск путей самореализации, а также ставит сложные задачи самоопределения. Подобная тенденция приводит к негативным последствиям для физического и психологического здоровья личности. Такие последствия можно избежать, если ввести в работу с молодыми людьми такие формы активности, которые позволяют совместить личностное развитие с общественной пользой. Например, с помощью волонтерства, которое является такой формой активности.

Волонтерство прошло долгую эволюцию и превратилось из простой благотворительности в сложный социальный институт, который представляет собой инструмент личностного развития и реализации прав человека [4]. Оно является бескорыстной индивидуальной и групповой деятельностью в решении социальных проблем, а также эффективным способом самореализации молодежи. В 2001 году Международная Ассоциация Добровольческих Усилий приняла Всеобщую Декларацию Добровольчества. В этом документе волонтерство описывается как глобальное явление, способствующее реализации прав человека и личностному самосовершенствованию участников.

Молодежи изначально присуще стремление к самореализации и поэтому важно своевременно вовлекать их в социально значимые и продуктивные виды деятельности [5]. Но в современном мире молодые люди часто сталкиваются с необходимостью выбора между двумя не идеальными формами. С одной стороны, отсроченная модель, которая провоцируется традиционными образовательными институтами. Она нацеливает молодых людей на получение знаний и навыков, ограничивая их стремление к мгновенной реализации амбиций. В данном случае самореализация переносится на неопределенное будущее [5]. С другой стороны, форсированный или ускоренный формат воздействия, навязываемый массовой культурой и социальными сетями. Такой вид требует немедленной реализации себя в рамках самоутверждения, что часто выражается в удовлетворении меркантильных и потребительских запросов. В данном процессе отсутствует нравственная основа и действия становятся краткосрочными и искаженными [5].

Волонтерские движения выступают в качестве актуального формата самореализации, который позволяет избежать данной дилеммы [5]. Данный вид активности дает молодежи проявить себя в настоящем

времени с помощью своих знаний и навыков, применяя их к решению первоочередных социальных проблем. Волонтерство, основанное на правилах добровольности, бескорыстия и солидарности, открывает путь к созданию пространства для саморазвития, в котором взаимодействуют и пересекаются как личные, так и общественные интересы.

В настоящее время мотивация включения в волонтерскую деятельность разнообразна, однако можно выделить преобладающую: стремление к самореализации. По результатам опроса участников волонтерского движения в 2023 году больше половины респондентов, в частности 54%, видят в волонтерской деятельности способ принести пользу обществу, и этот показатель на 8% больше, чем в 2018 году. Возрастание данного показателя может указывать на то, что волонтерство начинает восприниматься как область применения своих талантов и сил [1]. На втором месте в рейтинге мотиваций – желание участвовать в решении общих проблем (36%). Наблюдается рост интереса к самореализации, что свидетельствует о позитивном восприятии обществом волонтерской деятельности.

Качественные исследования дают более глубокое понимание мотивов, значимых для самореализации. При изучении волонтеров, работающих во время чрезвычайных ситуаций, были выделены устойчивые группы мотивов, которые можно применить к другим сферам добровольческой деятельности [2].

1. Альтруистические мотивы. Они отражают внутреннюю потребность помогать другим, творить добро, улучшать жизнь, что оценивается как подлинное человеческое желание делать мир лучше.

2. Личностные мотивы (саморазвитие). Эта категория наиболее распространенная и связана с получением и усвоением новых навыков, знаний. Здесь есть возможность испытать себя и стремиться к самореализации.

3. Социальные мотивы. Они заключаются в желании принадлежать к определенной группе единомышленников, ощущении чувства братства, сопричастности, сплоченности и стремлении получить одобрение социума.

4. Защитные мотивы. В них кроется намерение уйти от личных проблем или рутины с помощью решения задач, имеющих большое значение. Это дает возможность совершить переоценку собственных трудностей и дистанцироваться от тягостных мыслей.

Ключевое значение имеет социокультурный механизм самореализации в деятельности волонтерских организаций. Его суть заключается в том, что он предоставляет молодежи возможность проявить свою активность в социально значимых структурах, что позволяет почувствовать реализацию своего потенциала, а также найти смыслы, которые соотносятся с культурными ценностями и общественными интересами [5].

Эмпирические исследования подтверждают важность волонтерства как ресурса самореализации молодежи. Сравнительный анализ студентов, которые включены в волонтерские движения, и тех, кто не интересуется данной тематикой, выявил, что первые более ориентированы на универсальные ценности (терпимость, социальная справедливость, объективность). Также они имеют склонность к альтруизму, как основному мотиватору своей деятельности [3].

Наряду с этим, волонтеры показывают более высокие показатели по шкалам «Локус контроля-Я» и «Локус контроля-Жизнь». Это свидетельствует об их уверенности в своих собственных силах, способности контролировать жизненные события и осмысленно воспринимать действительность.

Таким образом, молодежная волонтерская деятельность выступает важным инструментом формирования и развития самосознания, а также способствует повышению самооценки молодежи.

Список литературы

1. Волонтеры России: мониторинг // ВЦИОМ. Новости. 2023. сайт. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volontery-rossii-monitoring>.
2. Воронина, Н. С. Мотивы волонтеров в условиях чрезвычайных ситуаций // Вестник Института социологии. – 2021. – Т. 12, № 4. – С. 87–107.
3. Капустина, А. Н. Волонтерская деятельность как ресурс самореализации личности // Universum: Психология и образование. – 2016. – № 3–4 (22). – С. 1–12.
4. Майкова, В. П., Данилова, О. А. Волонтерство как фактор духовно-нравственного развития личности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2022. – № 2. – С. 100–107.

5. Шутенко А. И., Шутенко Е. Н., Харченко И. Е. Студенческое волонтерство как практика актуальной самореализации личности // Проблемы современного педагогического образования. – 2024. – № 85-3. – С. 465–468.

Pavlova Sofia Nikolaevna

Student, Department of Sociology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: pavlovasophia8@yandex.ru

Baranova Larisa Mikhailovna

PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Sociology

Vladimir State University, Vladimir

Email: baranovaalm@yandex.ru

VOLUNTEERING AS A WAY FOR YOUTH TO SELF-REALIZE

Abstract. Volunteer activities are an effective tool for students' self-realization in times of economic instability. By combining theoretical knowledge with practical skills, they contribute to the development of professional competencies and communication abilities, as well as help in self-identification and the formation of a comprehensive self-image.

Keywords: volunteering; self-realization; youth; self-determination; self-esteem

Перфилова Алиса Сергеевна
студентка кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: alisa.spmusic@yandex.ru

Аргунова Вера Николаевна

доктор социологических наук, профессор кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: v_argunova@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОКАЗАТЕЛЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА РЕГИОНОВ РОССИИ

Аннотация. Статья раскрывает социально-экономическое неравенство регионов России через проблему депопуляции и миграционного оттока молодежи из отстающих территорий в перенасыщенный центр. Цель работы заключается в том, чтобы показать, как перенасыщение центров и поляризация общества в наше время усиливают разрыв между центром и периферийными регионами, разрушая социальную ткань нации. В отличие от других исследований по социальному неравенству регионов, эта статья подчеркивает кадровый дефицит и угрозу стабильности России как бомбу замедленного действия, и предлагает соответствующие социологические меры по сохранению социальной стабильности страны.

Ключевые слова: социально-экономическое неравенство; миграция; периферия; аномия; уровень жизни; качество жизни; депопуляция; коэффициент Джини

Введение

Социально-экономическое неравенство регионов России проявляется в критической проблеме депопуляции и миграционного оттока молодежи из отстающих регионов. Актуальность этой проблемы обусловлена перенасыщением центра (Москва, Санкт-Петербург и др.), ростом количества этнических конфликтов, а также поляризацией общества, что усиливает разрыв между центром и периферией, угрожая социальной стабильности страны.

Сейчас ситуация представляет собой бомбу замедленного действия, которая угрожает социальной стабильности страны, усиливая разрыв между центром и периферией. В 2025 году из десятки лидеров по самым депрессивным регионам России – Тывы, Ингушетии, Чечни, Калмыкии, Алтая, Бурятии, Камчатки, Магадана, Чукотки и Курганской области – уехало почти 513 тысяч молодых людей в возрасте 18–35 лет. То есть за один год Тыва потеряла 15,2% своей молодежи, Ингушетия – 12,8%, Чечня – 10,1%, Калмыкия – 11,7%, и данные других периферийных регионов не обнадеживают. Многие мигранты сознательно покидают родные села, оставляя их без надежд на процветание. И не только территории пустеют, но и распадаются семьи мигрантов, что обрекает старшие поколения жить без последующей смены. В Ингушетии и Тыве рождаемость понизилась на 1,4 ребенка на женщину (ниже уровня нормального воспроизводства населения, который составляет 2,1–2,2).

Такая ситуация может лишить к 2030 году Россию до 2 миллионов молодых трудоспособных людей (до 6 миллионов людей в самом работоспособном возрасте 30–39 лет) и разорвать социальную ткань нации, создавая сильный кадровый дефицит в периферийных регионах – там мало врачей, инженеров, учителей.

Важность проблемы сейчас в том, что больше половины россиян считают региональное неравенство сильнейшей угрозой стабильности страны, делая уязвимыми окраины – Кавказ, Сибирь, Дальний Восток; возможен риск сепаратизма и потери контроля над этими регионами.

Глубокий разрыв между центром и периферией является основной причиной миграционного оттока и депопуляции из отстающих регионов. В пределах каждого региона население стремится в региональные столицы, представленные крупными городами, концентрирующими многие виды ресурсов. Глубинка, к которой относятся малые, средние города и сельская местность, теряет население, прежде всего – молодежь (наиболее активно мигрируют люди в возрасте 17–19 лет по окончании средней школы) [1]. Очень часто молодые люди бегут не за деньгами, а от социальной пустоты – в своих регионах они чувствуют себя невидимками в собственной жизни и не видят надежды на будущее; в семье кто-то уезжает, кто-то остается, и так разрываются социальные связи. В социологии это так называемое явление аномии, то есть разрыва между тем, что ожидает общество и что оно может дать.

Эта социальная пустота напрямую связана с социально-экономическим неравенством регионов страны, которое измеряется через уровень жизни и качество жизни.

Уровень жизни – это объективные показатели по Росстату, включающие доходы населения, уровень безработицы, обеспеченность жильем, доступ к коммунальным услугам и другое. Таким образом, социологи определяют, есть ли у населения все необходимое для существования. УЖ показывает разрыв в 3–4 раза. В свою очередь, качество жизни представляет собой количественный подход, который используется для измерения субъективного благополучия населения в регионах России.

По данным РИА Рейтинга регионы классифицируют по социально-экономическому развитию, которое включает в себя двум критериям:

- Экономический (ВРП на душу населения, бюджетная самодостаточность, уровень инвестиций).
- Социальный (среднедушевые доходы, уровень бедности, занятость, демография и качество среды (жилье, здравоохранение, образование, экология, безопасность, инфраструктура) и др.)

Типы регионов РФ:

1. Регионы-лидеры – субъекты, которые фактически «тянут» за собой всю национальную экономику, являются донорами федерального бюджета, не получают никаких дотаций и перечисляют значительную часть налогов в центр. ВРП на душу населения в этих регионах существенно превышает среднероссийский уровень. Москва – 84,5 балла, Санкт-Петербург – 84,2 балла. Уровень жизни самый высокий (70+), т.е. доходы значительно выше среднероссийских, безработица около 2%, жилье больше 30 м² на человека. Качество жизни самое высокое – 80–85 баллов.

2. Опорные регионы, такие, как Самара, Нижний Новгород, – крупные индустриальные, агропромышленные центры страны. Они, как правило, тоже являются донорами, но по уровню жизни заметно уступают лидерам – рейтинговый балл обычно находится в диапазоне 60–70, высокие доходы здесь от ресурсов, промышленности, безработица 3–4%, комфортное жилье для населения. Качество жизни тут хорошее (70–80 баллов).

3. Среднеотстающие регионы – их экономика функционирует, однако не способна полностью обеспечить себя за счет собственных доходов. Рейтинговый балл качества жизни – от 40 до 60, доходы населения близки к среднероссийским или несколько ниже, оказываются базовые услуги, бедность ниже среднего. Башкортостан, Ставропольский и Алтайский края, Бурятия, Чувашия, Крым, Владимирская область – представители этой группы. Многие из них имеют хорошую природную базу, но страдают от оттока молодежи, слабой инвестиционной привлекательности.

Такое низкое качество жизни в отстающих регионах приводит к социальному дефициту: там здравоохранение убивает раньше времени, а опросы отмечают апатию у подрастающего поколения. Молодежь уезжает не от голода, а от чувства ненужности. Тогда как крупные города «выкачивают» население из сел и деревень, малых и средних городов, большинство которых испытывает глубокий кризис, переставая быть реальными центрами развития [2].

За 10 лет (2015–2025) центральные регионы значительно улучшили их качество жизни за счет институциональных реформ, а периферия показывает минимальные сдвиги, при этом разрыв не сокращается, а растет, усиливая миграцию. Тыва поднялась на пару позиций, но остается в нижней пятёрке. Ингушетия стабильно занимает последнее место из-за безработицы, низкой квалификации и других факторов. Калмыкия стала исключением. Социальные программы и культурные хабы дали рост качества жизни на 12%. Молодежь возвращается, семьи воссоединяются за счет восстановления и укрепления социальных связей.

Важность разницы в уровне жизни и качестве жизни можно рассмотреть на примере Тывы, где уровень жизни воспринимается терпимо за счет дотаций от государства, но качество жизни низкое. Здесь и слабое образование, и апатия у большинства молодежи. Из-за этого молодое поколение и уезжает в центр, где уровень и качество жизни сохраняют баланс – деньги дают связи, радость, статус. Крупные города «выкачивают» население из сел и деревень, малых и средних городов, большинство которых испытывает глубокий кризис, переставая быть реальными центрами развития.

Усиление депопуляции неизбежно ведет к геополитической уязвимости окраин, как говорилось ранее, и не процветая, эти регионы

притягивают внешнее влияние (сепаратистские настроения уже есть у молодежи в Тыве). Плотность населения в Чукотке и Магадане упала ниже 1 человека на км² – это территории без коренного населения, легко доступные для информационных войн и этнических конфликтов.

Коэффициент Джини по качеству жизни растет (0,405 до 0,411 по Росстату) сигнализирует о критической поляризации страны. Центр открывает для людей много доступных возможностей, перспектив, пока периферия находится в социальной невидимости. В наше время общество представляет собой две части: «золотой центр» и «оставленная периферия». Депопуляция стирает традиции, преемственность поколений, целостность территорий. Если уже значительная часть населения чувствует несправедливость и ограниченность жизненных перспектив, то появляется угроза для социальной стабильности, так как эта ситуация ведет к росту недовольства и конфликтов внутри общества. Поэтому если в скором времени не будут предприняты срочные продуманные меры, то регионы рискуют перестать чувствовать себя частью одного государства, а 513 тысяч оттока населения из отстающих регионов в 2025 году могут непременно привести к более огромным потерям.

Социологические меры преодоления депопуляции и миграционного оттока из отстающих регионов:

1. Развитие социальной инфраструктуры

Доступ к образованию и хорошей медицине обеспечивает уверенность людей в будущем. Молодежь учится в родных городах, не уезжая в большие. Те, кто болеет, могут лечиться без затруднений. Так, в Новосибирской или Томской областях сильные местные вузы удерживают студентов: они заканчивают учебу и остаются работать, потому что для них реализованы первые возможности для карьерного роста. Культурные пространства, такие как парки, клубы, фестивали, собирают людей вместе, чтобы общаться и гордиться своим регионом, усиливают социальные связи между людьми и соответственно желание остаться там.

2. Участие населения в принятии решений.

Развитие механизмов общественного контроля и включение жителей для обсуждения стратегий развития региона повышает их внимание и интерес и ответственность за будущее их территории.

3. Поддержка социальной мобильности

Необходимо создание программ для молодежи, а именно стипендий, стажировок, которые помогают расти в своем регионе, без переезда в центр. Например, в Ростовской области развивают местные университеты с нужными специальностями – выпускники вузов находят работу рядом. Поэтому у них и нет стремления переехать в столицу.

4. Повышение субъективного качества жизни

Безопасность укрепляется освещением, добровольными патрулями, что минимизирует социальную тревожность жителей регионов. Различные экологические проекты, такие как волонтерские уборки и посадки деревьев, улучшают окружающую среду и вовлекают людей в заботу о территории. Так, в благоприятной среде молодежь будет чувствовать себя комфортно. Также благоустройство (парки, новые дворы) и программы доступного жилья с льготами дают мотивацию остаться в своем регионе.

Заключение

Социально-экономическое неравенство регионов России – значительная проблема, которая уже сегодня проявляется в депопуляции отстающих территорий, не прекращающей увеличиваться. Хотя и есть определенные улучшения в уровне жизни, качество жизни в таких регионах все также низкое, что стимулирует миграцию и усиливает социальное расслоение общества. Такой резкий рост неравенства является сильнейшей угрозой национальной безопасности страны [3]. Очевидно, чтобы остановить депопуляцию и сократить разрыв между регионами, мало каких-то локальных мер – нужна долгосрочная, скоординированная политика и инициатива как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Список литературы

1. Мкртчян, Н. В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsiya-molodezhi-iz-malyh-gorodov-rossii/viewer>
2. Нефедова, Т. Г., Трейвиша, А. И., Шелудков А. В. Полимасштабный подход к выявлению пространственного неравенства в России как стимула и тормоза развития. 2022. сайт. – URL: <https://izvestia.igras.ru/jour/article/view/1576/851>

3. Яковлева, А. И. Экономическое неравенство и бедность в современном российском обществе. 2020. сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskoe-neravenstvo-i-bednost-v-sovremen-nom-rossiyskom-obschestve/viewer>

Perfilova Alisa Sergeevna
Student of the Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
E-mail: alisa.spmusic@yandex.ru

TO THE QUESTION OF INDICATORS OF SOCIO-ECONOMIC INEQUALITY OF THE RUSSIAN REGIONS

Abstract. The article reveals the socio-economic inequality of Russia's regions through the problem of depopulation and the migration outflow of young people from lagging territories to an oversaturated center. The aim of the work is to show how the oversaturation of the centers and the polarization of society in our time increase the gap between the center and the peripheral regions, destroying the social fabric of the nation. Unlike other studies on regional social inequality, this article highlights the shortage of personnel and the threat to Russia's stability as a ticking time bomb, and suggests appropriate sociological measures to preserve the country's social stability.

Keywords: socioeconomic inequality; migration; periphery; anomie; standard of living; quality of life; depopulation; Gini coefficient

Руднева Ольга Олеговна
Младший научный сотрудник
Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, г. Москва
E-mail: rudneva.olga.99@mail.ru

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В МОСКВЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация. В представленной статье отражен авторский анализ влияния цифровизации политического пространства на электоральную культуру в Москве. Рассмотрены новые форматы политической активности избирателей в условиях цифровой среды. Новшество данной статьи в отличие от большинства публикаций по теме заключается в комплексном рассмотрении цифровизации политического пространства: как ее позитивных, так и негативных аспектов.

Ключевые слова: электоральная культура; культура; Москва; цифровизация, политическое пространство

На протяжении последних 15 лет Москва, как и другие отечественные и мировые мегаполисы, переживает стремительную цифровизацию, затрагивающую все сферы общественной жизни, в том числе и политическую. Это, в свою очередь, вызывает трансформацию диалога между обществом и властью в рамках изменения общественного мнения о политических процессах вообще и об избирательном процессе в частности, что приводит в конечном итоге к трансформации электоральной культуры москвичей [4].

В современных условиях наиболее важным аспектом влияния цифровизации на трансформацию электоральной культуры в Москве с уверенностью можно назвать расширяющийся доступ к информационной среде. Всемирная паутина, социальные сети и сетевые СМИ дают избирателям возможность постоянно быть в курсе политических событий, а именно, получать актуальную информацию о политических партиях, их программах и кандидатах не только в период избирательных кампаний, но и в любое другое время. Рост точек бесплатного Wi-Fi в

Москве, создание потенциальными политическими игроками специальных групп в социальных сетях, где освещаются основные события партийной жизни, или независимых кандидатов, тематические группы по интересам позволяют москвичам в момент голосования делать свой выбор более осознанно, в противовес существующей тенденции голосовать лишь для формальной отдачи своего голоса или же по принципу от первого полученного источника информации о грядущей избирательной гонке [6].

В то же время постоянно увеличивающийся по скорости и по содержанию поток информации становится фрагментарным и все более неоднородным. Помимо существенного количества достоверной и полезной политической информации, мы, к сожалению, наблюдаем также значительное количество новостей, фейков, дезинформации и неполикорректной пропаганды. Этот фактор делает необходимым формирование у избирателей навыков отфильтровывания информации, тренировки критического мышления и освоения навыков безопасного поведения в сети. При таких обстоятельствах электоральная культура в Москве переживает трансформацию от пассивно-формальной к активно-участвующей [1].

Политическая культура активного участия в избирательных процессах в контексте позитивного восприятия процессов цифровизации политического пространства мобилизует избирателей в политических группах социальных сетей, давая инструменты для собственной постановки политических проблем, что, как было отмечено ранее, обусловлено ростом возможностей использования цифровой среды в сфере политики и общей возможностью активности в цифровом поле для жителей Москвы [2].

Вместе с тем важно понимать, что дистанционный формат участия в политической жизни страны, как возможность, имеет и обратную сторону. Реально недостаточная вовлеченность некоторых избирателей в формате «диванного эксперта» или «клик-мейкера» создает лишь иллюзию осведомленности об избирательных процессах, что вызывает риски, наоборот, еще большей запутанности у москвичей в политических процессах. Также важно сказать о том, что далеко не все категории населения Москвы имеют равный доступ и возможность ис-

пользования цифровых технологий, что в современных условиях в некоторых случаях ведет к ограничению участия в политической жизни [5].

При этом цифровые платформы особенно активно используются на предвыборных кампаниях в московском регионе. Происходит работа с адресной рекламой, привлекаются в качестве агитаторов блогеры, организуются дебаты в онлайн-пространстве. Благодаря использованию этих возможностей кандидаты имеют возможность быстрее и доступнее доносить информацию до своих избирателей, что создает ощущение личной коммуникации, позволяющий более подробно рассмотреть индивидуальность кандидатов или партий [3].

Тем не менее, цифровизация политического пространства в этом разрезе ставит перед обществом и новые проблемы, связанные с прозрачностью проверки достоверности политической информации, ведь в условиях все большего использования технологий ИИ многое несуществующее можно создать: проблему доверия к справедливости процесса отдачи голоса в ходе электронного голосования, проблему защиты персональных данных, защиты от манипуляций [7].

Таким образом, электоральная культура в Москве в условиях цифровизации политического пространства имеет следующие характеристики. Москвичи, благодаря увеличению числа способов получения и передачи информации, получают все больше доступа к разного рода политической информации, что позволяет кандидатам мобилизовать свой существующий и потенциальный электорат, а избирателям влиять на принятие политических решений, голосуя более осознанно. Предвыборные гонки становятся более персонализированными посредством таргетной рекламы и групп по политическим интересам, в то же время стоит опасаться иллюзии вовлеченности избирателей и иметь в виду, что доступ к цифровой среде имеют не все москвичи, а некоторые категории населения испытывают недоверие к возможностям дистанционного участия в выборных процессах. Рост запроса на прозрачность избирательного процесса, защиту персональных данных и защиту от манипуляций и дезинформации в избирательном процессе требует совершенствования всех систем цифровой среды и повышения медиаграмотности москвичей.

Список литературы

1. Воскобойник, А. А. Информационная избыточность как проблема коммуникации XXI века // Молодой ученый. – 2024. – № 14 (513). – С. 308–309.
2. Гаджиева, А. О., Костырко А. А., Кошель А. С. 2023. «Активное избирательное право в цифровую эпоху: правовой аспект». Вестник Санкт-Петербургского университета. Право 4: С. 888–904.
3. Минаева, Л. В. Потенциал цифровых технологий в избирательных кампаниях // Коммуникология. – 2024. – №1. – С. 13–27.
4. Намханова, М. В., Репинский, Д. Н., Волошина, Е. С. Влияние цифровизации на повышение эффективности государственного управления развитием города // Профессорский журнал. Серия: Экономические науки. – 2025. – №3 (7). – С. 36–50.
5. Титов, В. В. Российское политическое пространство перед лицом цифровизации: основные риски // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – №2. – С. 1–4.
6. Цалиев, А. М., Лолаева, А.С. Цифровизация избирательного процесса: глобальные тренды и российская практика // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2025. – №2. – С. 222–229.
7. Шевченко, Л. В. Трансформация общественно-политической коммуникации в условиях цифровизации общества // Гуманитарий Юга России. – 2022. – № 6. – С. 191–201.

Rudneva Olga Olegovna
Junior research assistant
Institute of Socio-Political Research
Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
E-mail: rudneva.olga.99@mail.ru

ELECTORAL CULTURE IN MOSCOW IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF THE POLITICAL SPACE

Abstract. The presented article reflects the author's analysis of the impact of digitalization of the political space on the electoral culture in Moscow. New formats of political activity of voters in the digital environment

are considered. The innovation of this article, unlike most publications on the topic, is a comprehensive examination of the digitalization of the political space: both its positive and negative aspects.

Keywords: electoral culture; culture; Moscow; digitalization, political space

Смирнова Мария Юрьевна
студентка направления Социология
Ивановский государственный университет, г. Иваново
E-mail: ms8963733@gmail.com

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ОБЛАСТНОМ ЦЕНТРЕ И МАЛОМ ГОРОДЕ (НА ПРИМЕРЕ ИВАНОВА И ШУИ)

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния типа поселения на патриотические ориентации студенческой молодежи. Цель работы – выявить различия в самоидентификации, понимании патриотизма и факторах его формирования у студентов областного центра (Иваново) и малого города (Шуя) с учетом гендерного аспекта. Новизна исследования заключается в сравнительном анализе патриотических установок молодежи в двух типах поселений одного региона, что позволяет определить ресурс развития гражданского общества в разных городских средах. Результаты показали, что в малом городе уровень патриотической самоидентификации выше (88,2% против 76% в Иваново), патриотизм чаще связывается с активной позицией и готовностью к действию, а традиционные институты социализации (семья, школа, медиа) играют более значимую роль, чем в областном центре, где агенты социализации более фрагментированы. Выявлены также гендерные различия в патриотических ориентациях.

Ключевые слова: патриотизм; патриотические ориентации; студенческая молодежь; гражданская идентичность; гражданское общество; сравнительный анализ; областной центр; малый город

В современном дискурсе патриотизм все чаще рассматривается не просто как эмоциональная связь человека со своей страной, но и как

значимый ресурс развития гражданского общества. В основе патриотизма лежит не просто эмоциональная привязанность к родной земле, а целостная система взглядов, чувств и поведенческих установок, направленных на укрепление связи между личностью и государством, историей и культурой своей нации [2]. Патриотизм способен обеспечить консолидацию общества в духе любви к Родине, что, в свою очередь, будет способствовать единению россиян как нации по гражданству, сохранению общественно-политической стабильности в стране, восстановлению национальной экономики и укреплению обороноспособности государства. В этом контексте особый интерес представляет сравнительный анализ студенческой молодежи в областном центре (Иваново) и малом городе (Шуя), а также учет гендерных различий, поскольку именно эти факторы задают различные траектории формирования гражданской идентичности. Действенность патриотического воспитания, его отличие от обычных формальных мероприятий, может проверяться только реальным результатом – все более усиливающимися практическими проявлениями чувства патриотизма всем населением страны, а в особенности его руководством, их каждодневной реальной патриотической деятельностью.

Исследование показало, что самовосприятие себя в качестве патриота напрямую связано с типом поселения и может рассматриваться как индикатор интеграции молодежи в гражданское сообщество. В малом городе Шуя доля респондентов, идентифицирующих себя как патриоты, составляет 88,2%, что заметно выше, чем в областном центре, где этот показатель равен 76%. При этом показательно, что доля затруднившихся с ответом в Иваново (19,6%) более чем вдвое превышает аналогичный показатель среди шуян (9,8%). Это расхождение свидетельствует о большей размытости критериев гражданской идентичности в крупном городе, тогда как в малом городе патриотизм сохраняет устойчивую связь с локальной солидарностью, что создает благоприятную основу для развития гражданских инициатив на местном уровне. Содержательное наполнение самого понятия патриотизма также варьируется: если для студентов Шуи доминирующим выступает осознание важности любви к Родине и необходимости защиты ее интересов (80,4%), то среди ивановцев этот прагматично-ценностный аспект выражен слабее (68%). Таким образом, в малом городе патрио-

тизм чаще ассоциируется с активной позицией и готовностью к действию, что напрямую коррелирует с формированием гражданской субъектности [1].

Гендерный аспект вносит в эту картину принципиальные уточнения. Женщины демонстрируют более высокую эмоциональную вовлеченность в патриотическую проблематику: они чаще мужчин (84% против 64%) акцентируют осознание важности любви к Родине и необходимости защиты ее интересов, а также в большей степени ориентированы на знание истории, культуры и традиций (72% против 58,8% у мужчин). Женщины могут быть более восприимчивы к инициативам в сфере сохранения культурного наследия и социальной солидарности, тогда как мужчины более тяготеют к темам исторической справедливости и защиты интересов.

Формирование патриотизма происходит через систему институтов социализации, и здесь также фиксируются значимые различия между двумя городами. Семья выступает ключевым агентом для обеих групп (78% в Иванове и 82% в Шуе), что подтверждает фундаментальную роль первичной социализации. Однако в малом городе значительно выше влияние учителей (54% против 36% в Иванове), а среди коренных жителей Шуи важнейшим каналом становятся телепередачи и фильмы (73%). В областном центре, напротив, выше значимость интернета (44% против 36% в Шуе). Эти данные свидетельствуют о том, что в малых городах традиционные институты – семья, школа, локальные медиа – сохраняют свою консолидирующую функцию, создавая устойчивую среду для формирования единых гражданских ценностей. В областном центре агенты социализации более фрагментированы, что потенциально может затруднять выработку согласованной гражданской позиции.

Важным аспектом формирования гражданской идентичности выступает то, какие именно события региональной истории вызывают у молодежи чувство гордости. Здесь также обнаруживается существенная дифференциация. Развитие текстильной промышленности как повод для гордости отмечают 76,5% шуян и 68,6% ивановцев, тогда как создание первого общегородского совета рабочих и депутатов вызывает гордость у 54,9% студентов Иванова, что почти в два раза выше, чем среди шуян (27,5%). Это различие отражает актуализацию разных исторических нарративов в образовательной и культурной среде двух

городов. Для Иванова более значимы события, связанные с формированием гражданских институтов и политической самоорганизацией, тогда как для Шуи доминируют достижения в сфере экономического развития.

Не менее значимым для понимания потенциала развития гражданского общества является то, какие деструктивные факторы воспринимаются молодежью как основные угрозы. Жители областного центра чаще указывают на рост социального неравенства и снижение взаимопомощи (62,7%), что может свидетельствовать об их большей чувствительности к экономическим и социальным диспропорциям, характерным для крупного города. В свою очередь, шуяне в качестве главной угрозы выделяют распространение аморального поведения (58,8%), что отражает обеспокоенность сохранением традиционных моральных устоев в малом городе. Гендерный аспект также вносит существенные различия: мужчины чаще женщин акцентируют угрозу искажения исторической правды и разрушения исторической памяти (56,9%), что указывает на их большую вовлеченность в историко-политическую проблематику.

Наконец, анализ предлагаемых мер по воспитанию патриотизма показывает различие в запросе на формы гражданского участия. Шуяне в большей степени ориентированы на поддержку молодежных общественных патриотических организаций (68,6% против 56% в Иванове) и на финансирование творческих культурных проектов (51%). Ивановцы же чаще видят эффективный механизм во введении специальных программ по истории и культуре (52%). Это различие указывает на то, что в малом городе выше запрос на институционализацию гражданского участия через конкретные организации и проекты, тогда как в областном центре предпочтение отдается формальным образовательным механизмам.

Таким образом, патриотические ориентации студенческой молодежи выступают значимым, но неоднородным фактором развития гражданского общества. В малом городе (Шуя) патриотизм формируется преимущественно через традиционные институты социализации, носит более консолидированный характер и в большей степени сопряжен с готовностью к практическому гражданскому участию и поддержке общественных организаций. В областном центре (Иваново) агенты социализации фрагментированы, патриотические установки

более рефлексивны и в меньшей степени связаны с конкретными гражданскими практиками. Гендерное измерение дополняет эту картину, показывая, что женщины ориентированы на ценностно-эмоциональные и культурно-исторические компоненты патриотизма, что открывает возможности для их вовлечения в социокультурные гражданские инициативы, тогда как мужчины – на формальные и историко-политические аспекты. Учет выявленных территориальных и гендерных особенностей представляет собой необходимое условие для выработки эффективных стратегий развития гражданского общества в регионе.

Список литературы

1. Смирнова, М. Ю. Особенности патриотических ориентаций студентов ИвГУ, обучающихся в г. Иваново и г. Шуя // Малые города большой страны: сборник научных статей и материалов Третьей Всероссийской научно-практической конференции (г. Иваново, 5–6 июня 2025 г.). Иваново, 2025. – С. 520–526.

2. Турсынбаева, С. Р. Понятие патриотизма и его значение в современном обществе // УОРА. 2025. – №6–2. – С. 50–53.

Smirnova Maria Yuryevna
Student of the field of Sociology
Ivanovo State University, Ivanovo
E-mail: ms8963733@gmail.com

COMPARATIVE ANALYSIS OF PATRIOTIC ORIENTATIONS OF STUDENT YOUTH IN THE REGIONAL CENTER AND A SMALL CITY (ON THE EXAMPLE OF IVANOVO AND SHUYA)

Abstract. The article is devoted to the problem of the influence of the type of settlement on the patriotic orientations of students. The purpose of the work is to identify the differences in self-identification, understanding of patriotism, and the factors of its formation among students of the regional center (Ivanovo) and a small town (Shuya), taking into account the gender aspect. The novelty of the study lies in the comparative analysis of the patriotic attitudes of young people in two types of settlements in the same region, which allows us to identify the resource for the development of civil

society in different urban environments. The results showed that in a small town, the level of patriotic self-identification is higher (88.2% vs. 76% in Ivanovo), patriotism is more often associated with an active position and readiness for action, and traditional institutions of socialization (family, school, and media) play a more significant role than in the regional center, where the agents of socialization are more fragmented. Gender differences in patriotic orientations were also identified.

Keywords: patriotism, patriotic orientations, student youth, civic identity, civil society, comparative analysis, regional center, small town

Соколова Елена Алексеевна

студентка кафедры социология

Владимирский государственный университет г. Владимир

E-mail: elena_sokolova06@bk.ru

Орлик Елена Николаевна

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии

Владимирский государственный университет г. Владимир

E-mail: enorlik@mail.ru

ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

Аннотация. В статье рассматривается портрет современного предпринимателя с учетом истории развития этого понятия, законодательных норм и того, как предпринимателей рассматривают в обществе. Актуальность темы состоит в том, что предпринимательство в современной России становится не только важной частью экономики, но и престижным занятием, которое формирует новые модели поведения, ценности и социальные ожидания. Цель работы – составить портрет современного предпринимателя исходя из анализа его личностных и профессиональных качеств, учитывая научные теории и мнение молодежи.

Ключевые слова: предприниматель; психологические качества предпринимателя; эгоистический интерес; риск; новаторство; общественное мнение

Для того, чтобы описать портрет современного предпринимателя необходимо разобраться в терминологии. Понятие «предприниматель» в научный оборот одним из первых ввел французский экономист Ричард Кантильон еще в XVIII столетии. С тех пор за этим термином закрепилось значение, описывающее человека, сознательно идущего на риск ради создания нового дела, реализации инновационных идей, предложения рынку уникальных товаров или услуг. В России схожее толкование можно найти в трудах В. И. Даля, где «предпринимать» означает затевать, решаться на выполнение какого-либо нового и значительного дела, а «предприимчивый» характеризует человека, склонного к таким смелым начинаниям [2]. В современном российском законодательстве, в частности Гражданском кодексе РФ, предпринимательской деятельностью признается «самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке» [3].

Предпринимательство является сравнительно новым феноменом, затрагивающим все сферы деятельности общества. Этот феномен можно рассматривать с различных аспектов:

Государственная политика. Необходим определенный контроль над предпринимательской деятельностью, но также важно поддерживать уровень государственной поддержки, которая определяет свободу и ответственность предпринимателя. В настоящее время предприниматели занимают важную нишу в экономике государства, являясь основными налогоплательщиками, создавая новые рабочие места, новую систему отношений, занимаясь благотворительностью и тд.

Представление о предпринимательстве в общественном сознании. Образ предпринимателя менялся в разные периоды исторические эпохи, а также зависел от общественного сознания, политической и экономической ситуации, в которой это предпринимательство развивается. Например, деятельность купцов и торговцев расценивалась в общественном сознании как «греховная» и недостойная [4, 2].

Сегодня предпринимательская деятельность воспринимается в обществе как престижное занятие. Такое отношение обусловлено тем, что собственное дело нередко обеспечивает высокий доход и дает человеку возможность свободнее распоряжаться своим временем. Кроме

того, предприниматели ассоциируются с успешными личностями, находящимися в постоянном развитии и стремящимися к новым знаниям. Вместе с тем, путь в предпринимательство требует не только базовых знаний и умений, но и наличия специфических личностных характеристик [1].

Одним из первых исследователей, обратившихся к изучению психологических качеств предпринимателя, был немецкий социолог Вернер Зомбарт. Согласно его точке зрения, предприниматель должен обладать тремя группами качеств:

Качества завоевателя, которые описывают дух первооткрывателя и позволяют действовать в условиях неопределенности. К этим качествам относятся: целеустремленность, упорство, воля, энергичность и стрессоустойчивость.

Качества организатора. Это умение выстроить систему взаимодействия, управлять людьми, а также координировать и контролировать их действия. В современной интерпретации в эту группу качеств можно включить менеджмент.

Качества торговца, то есть умение извлекать выгоду из взаимодействия с рынком и клиентом. К этой группе относятся: качественная презентация товара, привлечение потребителей и клиентоориентированность [4, 3].

Предприниматель часто предстает как социально ориентированный индивидуалист, движимый личным интересом. Однако Талкотт Парсонс заметил, что «нет оснований полагать, что «эгоистический интерес» всегда прост и ясен». Согласно Парсонсу, личность человека состоит из множества взаимосвязанных элементов. Он выделяет несколько ключевых черт [2]:

1. **Эгоистический интерес** как фундамент предпринимательства – это не примитивная жажда денег, это сложный комплекс этических, психологических и мировоззренческих свойств, где центральное место занимает **удовлетворение** человека, проявляющееся в самых разных формах. В то же время, «страсть к наживе» отнюдь не исчезает. Денежный доход служит простым и универсальным мерилем успеха, символом профессионального статуса и престижа.

2. **Творческое новаторство** – это одна из центральных характеристик, неотъемлемый элемент и одновременно критерий личной свободы. Само по себе создание нового воплощает в себе глубинную сущность человеческой деятельности.

3. Предпринимательская деятельность по определению связана с **риском**. Неопределенность будущего и вероятностная природа большинства действий являются основой для проявления свободы.

4. **Рациональность**, то есть способность трезво анализировать реальные проблемы, открывающиеся возможности и собственные стратегические замыслы.

5. **Ответственность** предпринимателя за свои решения и результаты своей инновационной деятельности.

На базе Елабужского института Казанского федерального (Приволжского) университета было проведено исследование в 2014 году для изучения образа российского предпринимателя у молодых людей (Выборка исследования составила 100 человек в возрасте от 18 до 23 лет. В выборку вошли юноши и девушки различных факультетов и специальностей).

В ходе опроса были получены следующие результаты:

При составлении портрета современного предпринимателя большинство респондентов отметили следующие качества и черты личности российского предпринимателя: лидерские качества, активность (68%); умение договариваться, вести переговоры (56%); трудолюбие, целеустремленность (38%). Образ предпринимателя в общественном сознании носит позитивный характер [4, 5].

Проведенный анализ показывает, что портрет современного предпринимателя сочетает в себе ключевые черты («завоеватель, организатор, торговец» по Зомбарту) и соответствия определенным требованиям – умение рационально мыслить, действовать в условиях неопределенности, нести ответственность и прочие. В сознании людей, в частности молодежи, предприниматель воспринимается положительно: его видят лидером, активным, трудолюбивым и умеющим договариваться. При этом в основе предпринимательской мотивации лежит не просто желание заработать, а сложный комплекс личных интересов: потребность в творчестве, свободе, признании и самореализации. Таким образом, современный предприниматель – это не только

человек, который зарабатывает деньги, но и социально ориентированный индивидуалист, чья сущность сочетает в себе набор личностных качеств, а также профессиональных знаний и умений.

Список литературы

1. Бронникова, В. Д., Иванченко, Л. А. Портрет предпринимателя // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2022. – № 3. – С. 149–151 сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/portret-predprinimatelya>

2. Гелих, О. Я. Предпринимательство как социальный феномен // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2003. – №5. – С. 217–229. сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predprinimatelstvo-kak-sotsialnyy-fenomen>

3. Иващенко, А. А. Понятие предпринимательской деятельности в гражданском законе Российской Федерации и цивилистической доктрине // Общество и право. – 2013. – №2 (44). – С. 45–48. сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-predprinimatelskoy-deyatelnosti-v-grazhdanskom-zakone-rossiyskoy-federatsii-i-tsivilisticheskoy-doktrine>

4. Мухарлямова, А. Ю., Холуева, К. А. Анализ образа предпринимателя в современном обществе // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3. сайт. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13030>

Sokolova Elena Alekseevna
Student of the Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
E-mail: elena_sokolova06@bk.ru

Orlik Elena Nikolaevna
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
E-mail: enorlik@mail.ru

PORTRAIT OF A MODERN ENTREPRENEUR

Abstract. The article examines the portrait of a modern entrepreneur, taking into account the history of the development of this concept, legislative norms and how entrepreneurs are viewed in society. The relevance of the topic lies in the fact that entrepreneurship in modern Russia is becoming not only an important part of the economy, but also a prestigious occupation that forms new patterns of behavior, values and social expectations. The purpose of the work is to create a portrait of a modern entrepreneur based on an analysis of his personal and professional qualities, taking into account scientific theories and the opinion of young people.

Keywords: entrepreneur, psychological qualities of an entrepreneur, selfish interest, risk, innovation, public opinion

Тримасова Диана Евгеньевна
студентка направления подготовки Реклама и связи с обществом
ответственностью

«Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород

E-mail: ditrimasova@yandex.ru

Семченко Ирина Владимировна

кандидат социологических наук, доцент кафедры социология и организации работ с молодежью «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород

E-mail: Semchenko@bsuedu.ru

РОЛЬ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается роль массовой культуры как одного из ключевых факторов, влияющих на процесс формирования социальной идентичности, преимущественно среди молодежи и подростков. Особое внимание уделяется двойственной природе влияния продуктов массовой культуры: с одной стороны, как главного источника ролевых и поведенческих моделей, стандартов образов мышления, мировоззрения и процесса социализации, а с другой – как фактора, способствующего развитию конформизма, утрате индивидуальности и стремления к подражанию. Рассматривается феномен навязывания стандартов «успешного успеха». В работе подчеркивается необходимость критического осмысления культурного контента и важность саморефлексии для построения устойчивой идентичности.

Ключевые слова: массовая культура; социальная идентичность; самоидентификация; молодежь; конформизм; «успешный успех»; социализация

Массовая культура выступает мощным инструментом, участвующим в формировании личности. Ее роль особенно важна для молодежи, которая находится в поиске своего «я». В это время индивид нуждается в опоре извне, поиске собственных смыслов, убеждений, стиля и личной философии. А массовая культура, в свою очередь, ста-

новиться не просто ориентиром, но и своеобразным зеркалом – она отражает социальные процессы, общественные нормы, предлагая и, зачастую, навязывая стандартизированные модели поведения и мышления. Массовая культура формирует представления о том, кто такой успешный человек, в чем смысл жизни и т.п. напрямую влияя на процесс формирования идентификации человека.

Актуальность темы исследования обусловлена значительным влиянием цифровой среды на формировании социальной идентичности. В условиях информационной перегрузки и навязывания стандартов поведения обостряется стремление к утрате индивидуальности навязанными образами. Необходимость изучения механизмов этого влияния обусловлена потребностью в выработке навыков критического восприятия контента.

Массовая культура в современном мире играет значительную роль в формировании социальной идентичности человека. Она является доминирующей массовым типом культуры, которая направлена на широкую публику, ориентирована на удовлетворение широкого слоя населения. В первой половине 20 века происходят значительные изменения в развитии социокультурной сферы. Она зародилась в процессе модернизации и перехода традиционного типа общества к индустриальному. На его развитие и распространение повлияло стремительное развитие технологий, такие как средства массовой коммуникации – радио, телевидение, газеты. Они стали доступны большому количеству человек, тем самым обеспечивая новые способы проведения досуга, а также поиска и осмысления поступающей информации. Этот процесс стал началом развития и слияния некоторых социокультурных групп, а также постепенного «стирания» границ между ними. Массовая культура постепенно начала ассоциироваться со свободой самовыражения, творчества, а также стремления к изменениям. Это перешло из просто развлечения в механизм воздействия на общественное сознание. К примеру, радио распространяло определенные песни, тем самым создавая пространство для участия в общекультурных явлениях, тем самым объединяя людей с разными социальными положениями в обществе.

Процесс формирования массового сознания благодаря зарождения массовой культуры стал необратимым и повсеместным. Отсюда можно выделить несколько признаков массовой культуры. В первую очередь, как отмечено ранее, это общедоступность. Так как массовая

культура стала доступна для широкого слоя населения, ее доступный характер часто граничит с некоторой «примитивностью». Произведения массовой культуры часто не требуют особой подготовки, поэтому легки для восприятия и по содержанию просты. Еще одним признаком массовой культуры является его увлекательный характер [6]. Произведения созданы на понятные большинству темы: любовь, отношения, приключения и т.п. Также для массовой культуры характерна серийность выпуска определенного продукта: он рассчитан привлечь как можно большее количество человек, поэтому часто может выпускаться несколько раз, чтобы каждый его выход собирал аудитории. Для того, чтобы быть аудиторией массового продукта вовсе не обязательна какая-то подготовка перед просмотром или прослушиванием, отсюда и следующий признак – пассивность восприятия. А также зритель может не выдвигать серьезных требований перед просмотром, а также каких-либо усилий во время него. И, конечно, важным признаком массовой культуры является его коммерческий характер. Производство направлено, прежде всего, на получение максимальной выгоды выхода произведения.

Массовая культура направлена на то, чтобы человек, приходя после тяжелого рабочего дня имел возможности, без погружения в контекст, отдохнуть и расслабиться. Именно это и является особенностью его быстрого развития.

Преимущества массовой культуры очевидны, это, в первую очередь, конечно, доступность [3]. Теперь, такие развлечения, как кино и радио стали открыты для изучения широкой массы, а не только для элиты. Люди смогли также просвещаться и получать удовольствие от культуры. Массовая культура стала носить рекреационные свойства – позволять отдохнуть и восстановиться, чтобы завтра с новыми силами снова пойти работать, но уже с ощущением отдыха. Массовая культура может по-настоящему воспитывать общество, а также прививать людям определенные ценности и мировоззрения, например, мысли о том, что все в мире справедливо: если много работать, получишь много благ и т.п.

В феномене массовой культуры также можно выявить и недостатки: это, конечно, появление низкопробной и откровенно плохой продукции. Излишняя доступность может замедлить развитие общества, так как снизиться доля высокого искусства. Также если компания

ориентирована на получение максимальной прибыли, она может превратить искусство в исключительный продукт потребления, не несущий под собой смыслов. Это лишает искусства «души», то есть заинтересованности в создании чего-то глубокого и новаторского. Массовая культура способна штамповать одинаковых героев, лишая тем самым уникальности и оригинальности произведения. Но главным недостатком массовой культуры, если этот инструмент оказывается не в тех руках, является способность внушить определенные стандарты поведения, образ мышления, а также формировать искусственные потребности, тем самым навязывая определенное, «нужное» сознание человека.

Понятие социальной идентичности было разработано в рамках теории социальной идентичности психологом Генри Тэджфелом в 1970-ые года. Теория объясняет алгоритмы внешнегрупповой дискриминации как следствие серии когнитивных процессов, вызванных выделением сходств и различий между представителями разных социальных групп [1]. Таким образом, социальная идентичность – это процесс отнесения индивидом себя к тем или иным социальным категориям, субъективное переживание им своей групповой социальной принадлежности.

При этом бывают случаи, когда индивид затрудняется относить себя к определенной группе, это несоответствие объективной принадлежности индивида в социальной группе и субъективного осознания своего места там.

Характеристиками социальной группы является, конечно, принадлежность к группе [8]. Например, человек идентифицирует себя с одной или несколькими социальными группами. Это может быть и религиозной конфессией, профессиональная деятельность, кружок по интересам (фан-клуб корейской группы). Важной характеристикой социальной идентификации является самоопределение через группу. Это формируется через сравнения своего «я» с другими. Индивид стремится выделиться положительными чертами своей группы и подчеркнуть отличия от других. Например, фанаты популярного бренда обуви Adidas соревнуются с фанатами бренда Nike. Противостояние характеризуется постоянными обсуждениями чем кроссовки одного бренда превосходят другие. Третьей чертой социальной идентичности явля-

ются эмоциональные переживания или эмоциональная значимость индивида по отношению к успехам или напротив, провалам социальной группы. Успех воспринимается как личное достижение, а неудача – как личная потеря. Социальная идентичность очень влияет на поведение человека, на то, как он ведет себя в обществе. Он может следовать традициям, нормам и ценностям своей социальной группы, просто чтобы поддержать свою принадлежность и присутствие в ней.

Формирование социальной идентичности может проходить по-разному, например, через категоризацию – человек строго делит на «своих» и «чужих». Например, «мы горожане», «они – жители сельской местности». Через идентификацию индивид способен ассоциировать себя с социальной группой, а также ее нормами, ценностями, социальными моделями. Например, человек, вступивший в партию ЛДПР или «Единая Россия» начинает идентифицировать себя с данной партией, ее участниками и принимать их правила поведения. Через социальное сравнение человек сравнивает свою группу чужой, подчеркивая преимущества своей группы. Например, фанаты киновселенной о супергероях Marvel (Человек-паук, Железный человек и др.) на такой основе соревнуются с киновселенной DC. (Бэтмен, Джокер и др.) Важным механизмом формирования социальной идентичности является, конечно, же социализация. Индивид социализируется через детский сад, свою семью, школьные кружки и общество в целом. Например, ребенок может перенять социальную идентичность через своих родителей (национальную).

Функциями социальной идентичности является самоопределение, то есть человек понимает свое место в обществе. Это может влиять на самооценку, например, принадлежность к престижной компании вызывает у человека чувство внутреннего удовлетворения, а также гордости за свои успехи. Важной функцией социальной идентичности является чувство безопасности, потому что человек – социальное существо и принадлежность к группе дает человеку ощущение покоя, дома, понимания, поддержки и т.п. Также социальная идентичность позволяет координировать свои действия, поведение, очень часто это видно при командной работе [2].

Массовая культура предлагает определенные, стандартизированные ролевые модели и стереотипы, с которыми мы можем начать ассо-

цировать себя, а также перенимать повадки, характерные черты, проявление и т.п. Это может способствовать развитию своей идентичности, но иногда это может нести ущерб человеку, например, если тот настолько увлечется каким-то персонажем из фильма, и начнет подавлять свою личность, полностью подстраивая себя под образ любимого героя, забывая и стирая свою индивидуальность, или начать сравнивать себя не в свою пользу с любимым героем, развивая при этом недовольство собой или комплексы. Как отмечено ранее, влияние массовой культуры может как положительно, так и отрицательно сказаться на формировании идентичности человека [2].

Часто подростки, не имея крепкого фундамента для понимания себя перенимают роли из фильмов, книг и комиксов, копируют поведение, стиль, образ мыслей любимого блогера или актера, это – способ «примерки» социальных ролей. Например, благодаря популярности определенной рекламы массовая культура не просто транслирует, но и внушает человеку как выглядит и ощущается успех, красота, состоятельность, престиж и т.п. Ведь не случайно, в 2025-2026 году появился тренд на постепенное признание в социальных сетях в том, чего ты не достиг, где не состоялся, что не успешен и сколько совершил ошибок. Люди настолько устали от навязывания «успешного успеха», транслируемого в социальных сетях, фильмах, кино, даже в обычной жизни вне экрана, что стали делать вирусным контент на искренность и признание того, что все люди не идеальная картинка без изъянов, а отдельный человек со своими трудностями и проблемами, которые могут не вписываться в «идеальный мир», транслируемого массовой культурой.

Важно осознавать, что социальная идентичность формируется не только из-за массовой культуры, но и под влиянием семьи, школы, родителей, личного опыта человека. Развитие идентичности требует саморефлексии и времени. Массовая культура предлагает огромный выбор для поиска образца поведения, идеалов, понимания успеха и т.п. Ее влияние на человека отрицать трудно, но важно понимать, что человек должен сам искать свои собственные ценности, цели, стандарты поведения и строить свою идентичность, опираясь на свои убеждения и уникальность. Необходимо сохранять критический взгляд и развивать навык слышать себя и осознавать, какие идеалы соответствуют и откликаются вашим внутренним ориентирам.

Список литературы

1. Астафьева, О. Н. Медиалогия как синтез наук: в объективе – изменяющаяся социокультурная реальность // Культурологический журнал. – №. 1. – 2013(11). сайт. – URL: <https://studfile.net/preview/9394711/page:4/>. (дата обращения: 15.03.2026).
2. Влияние массовой культуры на идентичность молодежи // proza.ru. сайт. – URL: <https://proza.ru/2024/11/08/1128?ysclid=mmvxxiu4fs988813790/>. (дата обращения: 18.03.2026).
3. Влияние массовой культуры на формирование ценностей и идентичности // b17.ru. сайт. – URL: <https://www.b17.ru/article/466035/?ysclid=mmw1u9eq1w269343823/>. (дата обращения: 13.03.2026).
4. Глобализация и социальные институты: социологический подход / Н.И. Лапин, И.Ф. Девятко, В.Н. Фомина и др.; отв. ред.
5. Захаров, А.В. Массовое общество и культура в России // Вопросы философии. – 2003. – №9. – С. 15.
6. Массовая культура // maximumtest.ru. сайт. – URL: <https://maximumtest.ru/uchebnik/10-klass/obshchestvoznaniye/massovaya-kultura/>. (дата обращения: 12.03.2026).
7. Мухлынкина, Ю.В. Этническая идентичность в эпоху глобализации// Научные ведомости. – 2008. – № 8 (48). – С. 233–244.
8. Теория социальной идентичности г. Тэджфела и Дж. Тернера // studfile. сайт. – URL: <https://studfile.net/preview/9394711/page:4/> (дата обращения: 15.03.2026).
9. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 400 с.

Trimasova Diana Evgenievna
Student, Advertising and Public Relations
Belgorod State National Research University, Belgorod

Email: ditrimasova@yandex.ru

Semchenko Irina Vladimirovna
PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology and
Youth Work, Belgorod State National Research University, Belgorod
Email: Semchenko@bsuedu.ru

THE ROLE OF MASS CULTURE IN THE FORMATION OF SOCIAL IDENTITY

Annotation. The article examines the role of mass culture as one of the key factors influencing the formation of social identity, mainly among young people and adolescents. Special attention is paid to the dual nature of the influence of mass culture products: on the one hand, as the main source of role and behavioral models, standards of ways of thinking, worldview and the process of socialization, and on the other – as a factor contributing to the development of conformity, loss of individuality and the desire to imitate. The article examines the phenomenon of imposing standards of «successful success». The work highlights the need for a critical understanding of cultural content and the importance of self-reflection for building a sustainable identity.

Keywords: mass culture; social identity; self-identification; youth; conformism; "successful success"; socialization

Трофимов Арсений Борисович

студент кафедры социологии

Владимирский государственный университет г. Владимир

E-mail: lupkovich06@gmail.com

Орлик Елена Николаевна

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии

Владимирский государственный университет г. Владимир

E-mail: enorlik@mail.ru

ИСТОКИ И ПРИРОДА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье рассматривается эволюция философской мысли о равенстве и неравенстве в обществе, начиная с античности и заканчивая XX веком. Подробно анализируются ключевые социологические концепции: марксистская теория классовой борьбы и эксплуатации, многомерная модель стратификации Макса Вебера, а также идеи Пьера Бурдьё о культурном и экономическом капитале, габитусе и стиле жизни. Особое внимание уделяется развернутой концепции Питирима Сорокина, который вводит понятие многомерного социального пространства, отличного от геометрического, и выделяет экономическую, политическую и профессиональную стратификацию.

Ключевые слова: социальное неравенство; истоки формирования социального неравенства; природа неравенства в обществе

Равенство членов социума волнует тот вопрос, который всегда занимал важное место в философии на протяжении многих сотен лет. Еще Платон в своих «Диалогах» начал рассматривать идею справедливости и равенства индивидов и групп в обществе, утверждая, что каждый человек должен находиться на своем месте и выполнять свою роль в социуме, при этом Платон также утверждал, что люди не обязательно должны быть равны по своим способностям или функциям. Уже Аристотель в своей концепции выделял два вида равенства: арифметическое, где каждому дается равное, и геометрическое, основанное на пропорциональном распределении по заслугам. Он видел справедливость как раз, как распределение ресурсов по достоинству. Особое место занимает Марк Аврелий, которого часто называют «философом на

троне». В своем произведении «Наедине с собой. Размышления» он отразил философию стоицизма. Император придерживался идеалистической позиции, рассматривая единство людей в необходимости следовать единому целому и природе. Он признавал индивидуальность, признавал разнообразие людей по различным признакам, но при этом подчеркивал важность уравнивания всех после смерти. В средневековой христианской философии концепция равенства осмыслилась в рамках божественного порядка и моральных норм и предписаний – прежде всего в трудах Фомы Аквинского и Аврелия Августина. Мыслители подчеркивали равенство всех людей перед Богом, одновременно признавая легитимность социальных иерархий. Эпоха Просвещения радикально трансформировала эти представления: многочисленные трактаты и памфлеты того периода провозглашали идеалы свободы, равенства, справедливости и просвещения, что послужило идейной основой грядущих революций и общественного пробуждения. В XIX веке Фридрих Ницше выдвинул противоположную концепцию сверхчеловека – личности, способной выйти за пределы общепринятых норм и создать собственные ценности, тем самым поставив под сомнение идею всеобщего равенства. В XX веке отечественный философ Иван Александрович Ильин в своей работе «Поющее сердце» отмечал: «Люди от природы не равны и различаются телом, душой и духом». Его позиция аргументированно подчеркивает бесконечное многообразие и уникальность каждого человека [3].

Первыми кто решил объективно описать истоки и появление социального неравенства стали Карл Маркс и Фридрих Энгельс. В 1848 году К. Маркс и Ф. Энгельс пишут «Манифест коммунистической партии», в нем они описывают формы неравенства и способы борьбы с ними. Классы выступают главным действующим лицом по теории Маркса. Классовое положение определяется принадлежностью к средствам производства – к капиталу. Исходя из этого выходит, что буржуазия - владельцы капитала, и пролетарии лишь предлагают свой труд, т.к. они не владеют капиталом. Классовые интересы определяются отношением к средствам производства – это ключевой тезис марксистской теории. В буржуазном обществе капиталисты, владеющие фабриками, стремятся максимизировать прибыль, создаваемую трудом рабочих, тогда как рабочие противодействуют подобной эксплуатации. При этом экономическая власть класса капиталистов трансформируется в

политическую: обладая ресурсами, он контролирует государственные институты и подавляет любые организованные формы протеста со стороны рабочего класса. Аналогичный механизм действовал в феодальном обществе: землевладельцы (феодалы) эксплуатировали труд крестьян благодаря своему монопольному праву на землю. Маркс отмечал что эпоха буржуазии упростила классовую структуру общества сведя ее к противостоянию двух лагерей – буржуазии и пролетариата. Из экономического неравенства, порожденного отношением к средствам производства, вытекают и все прочие формы социального неравенства. Его первопричина – это разделение труда на два социально неоднородных типа: исполнительский и организаторский.

Таким образом К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали историю как историю борьбы классов, где социальное неравенство является результатом эксплуатации одного класса другим. Эта классовая борьба приводит к социальным конфликтам, революциям и в конечном итоге к изменению общественного строя, открывая путь к более справедливому обществу. Кроме того, в капиталистическом обществе человек испытывает отчуждение: рабочий отчужден от результата своего труда, от самого процесса производства, от собственной сущности и от других людей. Такое отчуждение усиливает социальное неравенство и угнетение, делая положение пролетариата еще более уязвимым [2].

Основное значение для формирования современного представления о сущности, формах и функциях социального неравенства, наряду с Марксом, имел Макс Вебер – классик мировой социологической теории. Идейная основа взглядов Вебера состоит в том, что индивид, по его мнению, является субъектом действия, а типический индивид – субъектом социального действия. Макс Вебер рассматривал истоки социального неравенства с точки зрения комплексного подхода, отличного от марксистского экономического детерминизма. Он выделял три основных измерения социальной стратификации. Класс – экономическое положение индивида или группы, связанное с доступом к материальным ресурсам и возможностью получать доход. Класс определяется не только собственностью на средства производства, но и рыночным положением человека (например, квалификацией, профессией), статусом (престижем) то есть социальным уважением и признанием, которым пользуется индивид или группа в обществе. Статус может быть связан с образом жизни, образованием, происхождением, традициями

и культурными нормами. Важным является то, что статус не всегда совпадает с экономическим положением.

Таким образом, по Веберу, социальное неравенство возникает из сочетания различий в экономическом положении (классе), социальном признании (статусе) и политической власти. Эти три измерения могут пересекаться, но не обязательно совпадают: например, человек может иметь высокий статус, но низкий класс, или наоборот. Вебер подчеркивал, что социальное неравенство – это многомерное явление, которое нельзя сводить только к экономическим факторам. Он также обращал внимание на роль бюрократии, профессиональных групп и социальных сетей в формировании и воспроизводстве неравенства. Истоки социального неравенства по Максиму Веберу лежат в сложном взаимодействии экономических условий, культурных норм и политических структур общества [1].

Известный Французский социолог Пьер Бурдьё также уделил пристальное внимание вопросу социального неравенства. Его теория строится на изучении сходств и различий положения различных социальных групп в социальном пространстве. Для оценки этого положения Бурдьё применяет два ключевых показателя: экономический капитал – наличие у членов той или иной социальной группы материальных благ, а также уровень их доступа к важнейшим экономическим ресурсам, и культурный капитал – уровень образования, объем знаний, квалификация и другие интеллектуальные ресурсы. По мнению Бурдьё, верхняя часть общества полностью располагает как экономическим, так и культурным капиталом. При переходе от верхних слоев общественной иерархии к нижним распределение этих видов капитала становится все более неравномерным: по мере спуска по социальной лестнице могут встречаться группы, не обладающие ни одним из видов капитала, а на самом дне иерархии находятся те, кто полностью лишен доступа как к экономическому, так и к культурному капиталу. Социолог вводит понятие габитуса – что обозначает устойчивую склонность, сформированную средой обитания, действовать определенным образом в конкретных условиях. Он формирует социальные практики поведения представителей социальных групп, они, в свою очередь, складываются в стиль жизни. П. Бурдьё при этом обращает внимание именно на то, что фактором формирования стиля жизни становится не только

доход, но и габитусы, которые формируют вкус как качественную характеристику стиля жизни. Стил жизни, в свою очередь, представляет из себя систему знаков, влияющих на социальную неоднородность и позволяющих выявлять социальные различия как отражение социального неравенства. Это касается различий в потребительском предпочтении, который служит маркером положения социальных групп и подчеркивает их отличие друг от друга. Однако, стоит отметить, что потребительские предпочтения, о которых писал Пьер Бурдьё, формируются только при наличии у потребителя выбора, что подразумевает собой состояние, в котором предметы потребления (товары) находятся в относительном изобилии. Исходя из этого, можно сделать вывод, что теоретические положения П. Бурдьё применимы преимущественно к обществам изобилия, к которым относят капиталистические общества – развитые западные страны. П. Бурдьё как раз исследовал французское общество XX века, которое соответствовало этим характеристикам [1].

Одну из наиболее развернутых концепций социального неравенства, объясняющую природу социального неравенства в XX веке представил П. А. Сорокин. Он полагал, что общество без социального расслоения и подлинного равенства между его членами – это миф, реализовать который невозможно. По мнению Сорокина, появление неравенства в обществе напрямую связано с социальной стратификацией, под которой он понимал разделение людей на группы (классы) с иерархической упорядоченностью. Основой такой стратификации, по его взглядам, является неравномерное распределение прав, ответственности, обязанностей, привилегий, а также наличие или отсутствие социальных ценностей, власти и влияния в группе или коллективе. Ученый утверждал, что как только в группе складывается устойчивый уклад, возникает социальное взаимодействие и зарождаются элементы организации, одновременно неизбежно появляется и социальная стратификация. Любая сплоченная группа людей, по его мнению, обязательно подвержена социальной иерархии. Сорокин считал, что термин «страта» более точно и полно отражает социальную структуру общества, нежели понятие «класс», поскольку учитывает многогранность признаков, объединяющих или разделяющих людей. Под «классом» он понимал объединение людей, разделяющих схожие позиции по экономическим, политическим и профессиональным параметрам. Однако,

по его оценке, при детальном изучении стратификации термин «класс» оказывается недостаточно точным. Ученый отмечал, что зачастую он сводится к обобщению отдельных форм стратификации или чрезмерно акцентируется какая-либо одна из них под названием «социальный класс», что искажает истинную сложность и многогранность социальной структуры.

П. А. Сорокин трактовал социальное пространство как особую систему взаимодействий между людьми, где каждому участнику отводится определенная позиция. Эта модель обладает всеобъемлющей природой и применима к социальным структурам любого масштаба и уровня сложности. Ученый подчеркивал, что социальное пространство принципиально отличается от геометрического: физическая близость не гарантирует социальной близости. Например, король и слуга могут находиться рядом по местоположению, но в социальном плане – быть отдаленными друг от друга на бесконечное расстояние. В то же время, удаленность в геометрическом смысле не означает отсутствия социальной близости – два человека одной веры или одного воинского звания, находящиеся на разных континентах, могут быть тесно связаны социальными узами. Физическое перемещение на тысячи километров не меняет социального статуса индивида, тогда как оставаясь на месте, он может кардинально изменить свое положение в социальной иерархии. Сорокин определял социальное пространство как «мир», состоящий из всего населения планеты, где отсутствие других людей или наличие лишь одного индивида делает само существование социального пространства невозможным. Определение позиции человека или социального явления в нем означает установление его отношений к другим личностям или объектам, выступающим в роли опорных точек. Выбор таких позиций определяется тем, выступают ли они как отдельные личности, группы или их союзы. Согласно Сорокину, для установления социального статуса личности требуется учитывать множество параметров: семейное положение, гражданство, национальную принадлежность, религиозную идентичность, профессию, вовлеченность в политические партии, экономическое положение, а также происхождение. Важно также учитывать статус человека внутри каждой из ключевых социальных групп – например, разницу между монархом и обычным подданным в одном государстве. И, наконец, необходимо определить

положение данной группы населения в мировом масштабе (например, население США).

В отличие от трехмерного евклидова пространства, социальное пространство многомерно. Это множественность несовпадающих признаков, по которым группируются люди: государственная, религиозная, национальная, профессиональная, экономическая, политическая принадлежность, происхождение, пол, возраст и др. Каждая ось дифференциации уникальна, что и придает пространству многомерность. Чем сложнее дифференцировано население, тем больше параметров определяет его социальное положение.

Для отражения многомерности социального пространства П. А. Сорокин ввел понятие социальной стратификации, трактуя ее как «устойчивую особенность любой организованной социальной группы». Суть стратификации заключается в иерархической классификации населения на верхние и нижние слои (страты). Неравномерное распределение прав, привилегий, ответственности, обязанностей, социальных ценностей, власти и влияния являются основой для стратификации. П. А. Сорокин также подразделяет стратификацию на различные типы. Экономическая форма разделяла людей на имущих и неимущих, независимо от системы. Различия в доходах и уровне жизни – реальный факт.

Политическая форма показывала иерархические различия по рангам авторитетов и престижу, управляющие и управляемые. Независимо от терминов, политическая дифференциация существует при наличии разных уровней власти. Профессиональная иерархия разделяет людей в зависимости от вида занятий и престижности профессий, наличия управленческих позиций и подчиненных. Такая структура формируется независимо от способа занятия руководящими ролями. При этом все виды социальной стратификации тесно взаимосвязаны: высокое положение по одному из критериев зачастую сочетается с высоким уровнем по другим. Люди из верхних экономических слоев, как правило, занимают ведущие позиции в политической сфере и профессиональной среде. Аналогично, неимущие часто находятся в низших слоях. Тем не менее, эти формы совпадают лишь частично. «Реальная картина социальной стратификации сложна и представляет собой результат переплетения множества параметров» – писал Сорокин [2].

Таким образом социальное неравенство с точки зрения социологической науки является сложным многомерным явлением.

Список литературы

1. Цзинти Ван Социальное неравенство и формы капитала: классические и современные концепции // Социология и право. – 2019. – №2 (44). – С. 1–8.
2. Головин, С. А. Социальное неравенство: сущность и научные подходы // Преподаватель XXI век. – 2007. – № 3. – С. 1–14.
3. Иоселиани, А. Д., Ветров, К. А. Природа неравенства: социально-философский ракурс // Общество: философия, история, культура. – 2025. – № 4. – С. 23–29.

Trofimov Arseny Borisovich

Student of the Department of Sociology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: lupkovich06@gmail.com

Orlik Elena Nikolaevna

Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Sociology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: enorlik@mail.ru

THE ORIGINS AND NATURE OF SOCIAL INEQUALITY IN SOCIETY

Annotation. The article examines the evolution of philosophical thought about equality and inequality in society, starting from antiquity and ending with the XX century. The key sociological concepts are analyzed in detail: the Marxist theory of class struggle and exploitation, Max Weber's multidimensional model of stratification, as well as Pierre Bourdieu's ideas about cultural and economic capital, habitus, and lifestyle. Special attention is paid to the detailed concept of Pitirim Sorokin, who introduces the concept of a multidimensional social space other than geometric, and highlights economic, political, and professional stratification.

Keywords: social inequality; the origins of social inequality; and the nature of social inequality in society

Трутнева Анна Михайловна
ассистент кафедры социологии
Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail: amtrutneva@gmail.com

ЖЕНСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК ФУНДАМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация: данная работа посвящена вопросу женского предпринимательства в развивающихся регионах современной России. Статья включает в себя изучение основных теоретических концепций по данному вопросу, которые помогают лучше понять актуальность вопроса. Кроме того, проводится анализ современных социологических подходов к изучению женского бизнеса и влияния женской предпринимательской деятельности на региональную экономику, рынок труда и социальную устойчивость. Уделяется внимание институциональной поддержке, гендерным барьерам и роли государства в поощрении женского предпринимательства.

Ключевые слова: женское предпринимательство; гендерные барьеры; региональная экономика; ограничения

На данном этапе изменений в российской экономике немаловажным является уделять больше внимания трудовым ресурсам и расширению предпринимательской активности у населения. Исходя из этого, одним из наиболее перспективных направлений становится женское предпринимательство, которое в последнее время предстает перед нами не только как форма экономической самореализации женщин, но и как весомый фактор регионального развития.

Последние социологические исследования показывают, что женщины активно участвуют в малом и среднем бизнесе, предоставляют новые рабочие места, формируют новые модели социальной ответственности и способствуют развитию региональной экономики. В условиях регионального разнообразия нашей страны именно женский бизнес может стать инструментом снижения социального неравенства и повышения устойчивости предпринимательства в целом.

Существенным является тот факт, что женский бизнес чаще ориентирован на социально значимые сферы, а именно, образование, здравоохранение, сферу услуг, социальное предпринимательство, благотворительные организации, развитие локальных сообществ. Все это делает предпринимательскую активность женщин не только экономическим, но и социальным ресурсом развития регионов.

Последние исследования в сфере социологии показывают, что женское предпринимательство является сложным социальным феноменом. В первую очередь, потому что связан с переоценкой гендерных ролей, изменениями рынка труда и развитием общества. В течение длительного времени предпринимательство воспринималось как преимущественно мужская сфера деятельности. Стоит заметить, что сейчас происходит активный рост женского предпринимательства, что можно связать с переменами в социально-экономической структуре общества, общество начало относиться более доверительно к женским инициативам. В своей работе Тарануха Ю.В. подтверждает значительные изменения в данном вопросе, гендерное неравенство постепенно снижается во многих социально-экономических вопросах, женщины выбирают новые стратегии личного и экономического развития. Исследовательница выделяет, что специфика женского предпринимательства связана не только с совмещением семейных и профессиональных ролей, но и с особенной мотивационной основой и отличным стилем управления. Женщины умеют быть многофункциональными и проявлять гибкость в процессе управления бизнеса [7].

Кроме того, предпринимательство способствует формировать новые возможности для женщин, дает фундамент для социальной мобильности. Моисеева А.А. выделяет, что развитие в сфере бизнеса помогает женщинам активно повышать свой социальный статус [6]. Повышение социального статуса ведет за собой экономическую стабильность и независимость, открывает путь к новым общественным знакам. Более того, женщины часто формируют новые сообщества, которые создают актуальные общественные инициативы. Все это способствует не только личному росту, но и региональному развитию.

Многие исследования последних лет уделяют внимание вопросу социального капитала. Развитие горизонтальных связей, увеличение местных сообществ, формирование новых социальных инициатив, не

только помогает женщинам выстраивать свое дело, но и формирует активное локальное сообщество.

Это хорошо заметно в сельской местности и маленьких городах, женские инициативы помогают укреплять экономические системы регионов, благодаря занятости населения, увеличению рабочих мест, расширению возможностей для всех социальных групп.

Развитие регионов в большей степени зависит от экономической активности населения, от готовности подстраиваться под новые вызовы современного общества, быстро адаптироваться в новых обстоятельствах. В этом вопросе женское предпринимательство является неотъемлемой частью экономического роста в регионах.

Более того, женщины помогают развитию многопрофильности локальной экономики. Женщины чаще развивают социально ориентированные проекты, связанные с качеством жизни населения. Благодаря этому формируется более устойчивая структура региональной экономики, менее зависимая от сырьевого сектора. Женщины вносят разнообразие в предпринимательский потенциал регионов.

Немаловажным является то, что предпринимательская активность женщин влияет на демографическую и социальную стабильность регионов. Возможность самореализации и получения дохода снижает уровень социальной напряженности, способствует укреплению семей и повышению качества жизни. В собственном деле у женщин есть возможность самостоятельно регулировать свой доход, график работы, общую вовлеченность в свое дело, что мотивирует женщин развиваться в интересующей ей области деятельности.

Особую роль играет социальное предпринимательство. Исследования гендерных аспектов социального бизнеса в России показывают, что женщины чаще реализуют проекты, направленные на решение общественных проблем: помощь детям, пожилым людям, людям с ограниченными возможностями здоровья, поддержку образования и культуры. Женщины открывают частные детские сады, школы, группы дополнительного образования. Кроме того, женщины часто уделяют внимание досуговой деятельности детей, пожилых людей и взрослых, например, книжные клубы, танцевальные школы, современные пространства, частные театры и многое другое.

Можно сказать, что те проекты и предпринимательские инициативы, которые принадлежат женщинам, часто являются неотъемлемым

элементом регионального развития. Причина этого состоит не только в экономической сфере, но и в социальной.

При этом остается много ограничений, которые не способствуют активному росту бизнеса. В первую очередь, сохраняется гендерное неравенство. Строя свое дело, женщины часто встречаются с недоверием со стороны финансовых структур, недостаточной экономической поддержкой со стороны государства, недоверием со стороны общества в стабильности бизнеса. В нашем обществе остается много стереотипов, связанных с тем, что предпринимательство – это не женское дело, поскольку включает в себя много рисков, стресса и ограничений.

Все это объясняет тот факт, что женщины занимают ниши малого и среднего бизнеса, не имея возможности расширять горизонты своей деятельности.

Кроме того, не менее важным ограничением, является то, что женщинам приходится совмещать предпринимательство с семейными обязанностями. Женщины продолжают нести основную нагрузку по введению домашнего хозяйства и воспитанию детей, что подтверждают многие социологические исследования.

Еще одной проблемой выступает недостаточная поддержка предпринимательства в регионах. Во многих субъектах Российской Федерации отсутствуют специализированные программы обучения, наставничества и финансовой поддержки женщин-предпринимателей.

Кроме того, наблюдается территориальная неравномерность развития женского бизнеса. В крупных городах женщины имеют больше возможностей для получения образования, доступа к рынкам и деловым сетям, тогда как в периферийных регионах предпринимательская активность ограничивается низким уровнем инфраструктуры и слабой инвестиционной привлекательностью. Исследование Зориной А.Е. показывает, что важным фактором развития женского предпринимательства является готовность к риску [4]. Однако социальные установки и экономическая нестабильность нередко снижают предпринимательскую инициативу женщин.

В последние годы в России усиливается внимание государственных институтов к вопросам развития женского предпринимательства. Реализуются образовательные программы, грантовая поддержка, про-

екты по развитию социального бизнеса и самозанятости. Однако эффективность подобных мер во многом зависит от специфики конкретного региона и уровня взаимодействия власти, бизнеса и общества.

Перспективным направлением становится развитие цифровой экономики. Интернет-платформы и онлайн-сервисы позволяют женщинам создавать бизнес даже в удаленных территориях, снижая зависимость от географических ограничений. Данные новшества очень важны для регионов с низкой плотностью населения, где есть ограниченный рынок труда. Если общество будет способствовать развитию женского предпринимательства, формировать позитивное общественное отношение, постепенно исключать из своей жизни устаревшие стереотипы, то это в значительной степени увеличит уровень развития общества и расширит возможности для социальных изменений.

Как было замечено ранее, женский бизнес вносит большой вклад в региональную экономическую структуру, является важным ресурсом социально-экономического развития. Женщины создают новые рабочие места, развивают социальную инфраструктуру, укрепляют человеческий капитал, снижают неравенство в обществе и способствуют формированию новых сообществ.

Многие современные социологические исследования подчеркивают тот факт, что женская предпринимательская активность включает в себя не только экономическую функцию, но и способствует социальной модернизации общества в целом [5]. Женщины показывают нам актуальные модели управления, которые ориентированы на социальную ответственность, устойчивость и формирование сообществ. Несмотря на существующие барьеры, потенциал женского предпринимательства в России остается значительным. Для его реализации необходимы комплексные меры государственной поддержки, развитие региональной экономики и преодоление гендерных стереотипов в обществе. Таким образом, женское предпринимательство может рассматриваться как важный элемент регионального развития, обеспечивающий не только экономический рост, но и социальную устойчивость территорий.

Список литературы

1. Андрущенко, А. Л., Круглова, Е. Л. Gender aspects of social entrepreneurship in Russia // Цифровая социология. – 2024. – Т. 7. – № 2. – С. 55–61.
2. Ершова, И. В. Феномен женского предпринимательства: от признания к правовому регулированию / И. В. Ершова // Предпринимательское право. – 2023. – № 3. – С. 11–18.
3. Зорина, А. Е. Детерминанты готовности к риску как ресурса женского предпринимательства // Социологическая наука и социальная практика. – 2023. – Т. 11. – № 3. – С. 176–186.
4. Зорина А.Е. Детерминанты готовности к риску как ресурса женского предпринимательства // Социологическая наука и социальная практика. – 2023. – Т. 11. – № 3. – С. 176–186.
5. Игловская, М. В. Женское предпринимательство в России // Прогрессивные технологии и экономика в машиностроении: отдельный выпуск. – Томск : Изд-во ТПУ, 2021. – С. 40–42.
6. Моисеева, А. А. Концепция женского предпринимательства как механизм социального лифта // Семиотические исследования. Semiotic studies. – 2024. – Т. 4. – № 1. – С. 69–75.
7. Тарануха, Ю. В. Женское предпринимательство в экономических и социологических исследованиях // Общественные науки и современность. – 2024. – № 5. – С. 86–97.
8. Женское предпринимательство. сайт. – URL: <https://opora.ru/projects/zhenskoe-predprinimatelstvo/> (дата обращения: 10.05.2026).

Trutneva Anna Mikhailovna

Teaching Assistant, Department of Sociology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: amtrutneva@gmail.com

MOTIVATION OF WOMEN IN ENTREPRENEURSHIP: THE CASE OF MODERN RUSSIA

Abstract: This article examines female entrepreneurship as a key factor in the socioeconomic development of Russian regions. It analyzes modern sociological approaches to studying women's business and the impact of women's entrepreneurial activity on the regional economy, labor

market, and social sustainability. Particular attention is paid to institutional support, gender barriers, and the role of the state in stimulating women's entrepreneurship. Based on current research, it is concluded that women's entrepreneurship is not only an economic resource but also an important mechanism for the social modernization of Russia's regions.

Keywords: women's entrepreneurship; gender barriers; regional economy; restrictions

Федотов Антон Дмитриевич

студент кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: antonfedotov2305@gmail.com

Аргунова Вера Николаевна

доктор социологических наук, профессор кафедры социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир

E-mail: v_argunova@mail.ru

ПРЕСТИЖНОСТЬ НИЗКОКВАЛИФИЦИРОВАННОГО ТРУДА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье анализируется ситуация на современном рынке труда, связанная с востребованностью и популярностью профессий низкоквалифицированного труда. Дается определение понятию «низкоквалифицированный труд», выделяются основные группы профессий, входящих в данную категорию. На основе статистических данных выясняется, имеет ли престиж значимую роль в выборе специальности. Разбираются показатели заработных плат низкоквалифицированного труда на примере специальности «курьер». Обозначается целевая группа, участвующая в данных трудовых отношениях. Делается вывод о значимости престижа труда при выборе профессии.

Ключевые слова: престиж низкоквалифицированного труда; специальности низкоквалифицированного труда; факторы формирования престижа; роль престижа в современном обществе

В современной России все большее число людей предпочитают труд, не требующий специальных навыков. Во многом это связано с

изменением ценностных установок новых поколений: престиж профессии как основополагающий фактор ее выбора теряет свою значимость на фоне размера заработной платы. Данное явление способствует снижению интереса к специальностям, где престиж являлся ключевым фактором выбора, – к ним относятся учителя, врачи, инженеры и т.п. Главная цель данного исследования – определить степень престижности низкоквалифицированного труда и установить, насколько большую роль, в настоящее время, играет престиж в выборе профессий. Исходя из вышесказанного, основными задачами являются: определение профессий, подходящих под определение «низкоквалифицированный труд», систематизация факторов, влияющих на формирование престижа профессий и изучение мнений о престиже специальностей как причине ее выбора. Для корректного изучения проблемы будут использоваться теоретико-методологические исследования. Данное явление слабо изучено социологическим сообществом, а в экономическом обществе оно проглядывается только в статистических показателях различных платформ. Этот факт делает исследование еще более актуальным и востребованным. Работа поможет в первичном изучении данного вопроса и его дальнейшему развитию.

Под низкоквалифицированным трудом понимается работа, требующая выполнения простых систематичных задач, зачастую связанных с использованием ручных инструментов и применением определенных физических усилий. Такая деятельность, в большинстве случаев, соответствует первому уровню квалификации [7]. Согласно информации платформы Клерк.Ру [5], в список данных профессий входят: уборщики и прислуги, подсобные рабочие, курьеры, уличные торговцы, посыльные, контроллеры и многие другие.

Само понятие «престиж» формируется под действием множества факторов, влияющих на частоту его проявлений в общественной жизни [8].

Первый, но не по значимости, фактор – это степень занятости субъекта в трудовых отношениях – чем она выше, тем профессия считается престижней. Из этого следует, что деятельность, являющаяся подработкой, не признается обществом востребованной и значимой.

Второй фактор – это содержательность труда. Субъективно, человек ценит работу, связанную с применением умственных способно-

стей, больше, чем деятельность, связанную исключительно с физической силой. Слово «исключительно» используется для подчеркивания данного тезиса, ведь многие специальности, такие как военные, инженеры, архитекторы ценятся обществом больше, чем, например, «белые воротнички».

Третий фактор – наличие условий и пространства для самоутверждения и развития личности. Те специальности, в которых карьерный рост либо незначителен, либо полностью отсутствует, в глазах индивидов менее привлекательны. Этим фактом обусловлено человеческое уважение, например, к государственным служащим, ведь именно в системе управления динамика изменения социального статуса за счет повышения или понижения в должности наиболее заметна обществом и непосредственно влияет на его состояние.

Четвертый фактор – высокий уровень заработной платы. Прежде всего, человек вступает в трудовые отношения для удовлетворения своих потребностей, поэтому размер зарплаты, зачастую, выступает ключевым фактором формирования престижности профессии и ее выбора.

Теперь, когда основания присуждения той или иной профессии определенного уровня престижности уточнены, можно продолжить рассуждения об престиже низкоквалифицированного труда.

Степень занятости субъекта, в данном случае, играет малую роль, ведь, как правило, такие трудовые отношения имеют плавающий график – индивид сам решает, сколько и в каком формате он будет работать. Работодатели, в свою очередь, поощряют такую быструю смену кадров – она позволяет отобрать наиболее трудоспособных людей для дальнейшего полноценного сотрудничества.

Низкоквалифицированный труд, зачастую, задействует исключительно физическую силу, но степень ее использования определяется родом деятельности. Никто не будет спорить, что подсобные рабочие выполняют более тяжелую, в этом плане, работу, нежели контролеры.

Возможности для карьерного роста практически полностью отсутствуют. Исключением могут являться складские сборщики, но повышение их социального статуса ограничено должностями «супервайзер» и «администратор склада», причем достижение данных полномочий, с учетом сопровождающейся физической нагрузкой, часто не представляется возможным ввиду ухудшения здоровья.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что низкоквалифицированный труд не имеет престижности как таковой и представляет собой «грязную» работу. Но почему же специальности данной категории занятости входят в список самых востребованных профессий нашего времени? Статистика подтверждает данный тезис [2].

Определенный статус престижности низкоквалифицированному труду придает высокий уровень заработной платы. На фоне сокращения всеобщего сокращения кадров и зарплат в малых и средних негосударственных предприятиях, занятость первого уровня квалификации расширяет свое влияние и пополняет число сотрудников в разных сферах, при этом, ежегодно увеличивая минимальную оплату труда. Используя статистические данные платформы «ГородРабот.ру» [1, 2, 3, 4], рассмотрим данные аргумент на примере специальности «курьер».

Можно заметить, что средняя заработная плата курьеров в России за 2025-й год увеличилась с 101.216Р до 122.353Р. Но фоне такого стремительного роста данной специальности, общая средняя заработная плата к концу 2025-о года составила 127.911Р [1], но уже к февралю 2026-о года снизилась до 95.331Р [2]. В это же время, средняя оплата труда курьеров достигла показателя 113.497Р [4].

Вывод напрашивается сам – несмотря на практически полное отсутствие возможностей самореализации, тяжелый физический труд и ненормированный график данных трудовых отношений, низкоквалифицированный труд имеет умеренный уровень престижности в современном российском обществе. Такие специальности хоть и не пользуются самым большим уважением среди людей [6], но отрицать их значимость для формирования устойчивой экономики попросту нельзя, что понимает каждый гражданин. Такой труд, зачастую, выбирают молодые люди в возрасте от 16–25 лет. Это связано с тем, что данный слой населения еще не имеет качественного образования и большого опыта работы, но вступление в трудовые отношения, как они считают, уже необходимо, ввиду личных побуждений или сложной жизненной ситуации. Анализ статистических данных позволил сказать, что престиж профессии, в современном российском обществе, постепенно теряет свою роль как фактор выбора профессии, но не исчезает полностью. Множество людей стремятся к высокому социальному статусу, даже если он не всегда гарантирует высокую заработную плату [6].

Список литературы

1. ГородРабот.ру «Статистика зарплат в России за 2025 год». сайт. – URL: <https://russia.gorodrabot.ru/salaries?y=2025>
2. ГородРабот.ру «Статистика зарплат в России за 2026 год». URL: <https://russia.gorodrabot.ru/salaries>
3. ГородРабот.ру «Статистика зарплат в России за 2025 год – «Курьер». сайт. – URL: <https://russia.gorodrabot.ru/salaries/kurer?y=2025>
4. ГородРабот.ру «Статистика зарплат в России за 2026 год – «Курьер». сайт. – URL: <https://russia.gorodrabot.ru/salaries/kurer>
5. Клерк.Ру «Неквалифицированные рабочие». сайт. – URL: <https://www.klerk.ru/tool/okz/9/>
6. Лазаренко Надежда «SuperJob: самые престижные профессии в России – программисты и медики». сайт. – URL: <https://www.rbc.ru/life/news/68d541619a79472d20077527>
7. Приказ Министерства Труда и Социальной Защиты от 12 апреля 2013г. №148н «Об утверждении уровней квалификации в целях разработки проектов профессиональных стандартов». сайт. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=265332>
8. Стельмах, А. А. «Престиж профессии как один из элементов, формирующих систему координат ценностного отношения к профессии». – 2018. – №60-3. сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pres-tizh-professii-kak-odin-iz-elementov-formiruyuschih-sistemu-koordinat-tsennostnogo-otnosheniya-k-professii/viewer> (дата обращения 05.04.2026).

Fedotov Anton Dmitrievich
Student, Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
E-mail: antonfedotov2305@gmail.com

Argunova Vera Nikolaevna
Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
E-mail: v_argunova@mail.ru

PRESTIGE OF LOW-QUALIFIED LABOR IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Annotation. The article analyzes the situation in the modern labor market related to the demand and demand for low-skilled professions. A definition of the concept of “low-skilled labor” is given, and the main groups of professions included in this category are determined. Based on statistical data, it is analyzed whether it plays a significant role in choosing a specialty. The indicators of wages for low-skilled labor in the specialty “courier” are analyzed. The target group participating in these labor relations is designated. The conclusion is drawn about the benefits of employment when choosing a profession.

Keywords: prestige of low-skilled labor; low-skilled labor specialties; factors of prestige formation; the role of prestige in modern society

Царев Денис Эдуардович
студент кафедры социологии
Владимирский государственный университет,
г. Владимир

E-mail: denitzarev04@yandex.ru

Щитко Владимир Сергеевич
кандидат экономических наук, доцент,
зав. кафедрой социологии

Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail:sl100@mail.ru

РОЛЬ РУНЕТА В СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье рассматривается роль Рунета (русскоязычного сегмента сети Интернет) как ключевой среды жизнедеятельности современной российской молодежи. Анализируется влияние цифрового пространства на социализацию и коммуникацию, образовательные практики, формирование идентичности и ценностных ориентаций, а также на досуг и гражданскую активность. Показана амбивалентность Рунета: наряду с возможностями самореализации и доступа к знаниям выявляются риски информационной перегрузки, кибербуллинга, дезинформации и цифровой зависимости. Делается вывод о необходимости развития медиаграмотности и навыков осознанного поведения в сети.

Ключевые слова: Рунет; российская молодежь; цифровая социализация; медиапотребление; идентичность; медиаграмотность; киберриски

Цифровизация повседневности привела к тому, что для молодого поколения Интернет перестал быть внешним инструментом и стал «второй реальностью», встроенной в коммуникацию, обучение, досуг и социальную самопрезентацию. Рунет, как часть глобальной Сети и одновременно как культурно-языковая среда, имеет собственную экосистему площадок, норм и практик: от социальных сетей и мессенджеров до видеохостингов, новостных агрегаторов и образовательных ресурсов.

Актуальность темы определяется тем, что именно молодежь быстрее всего адаптируется к изменениям медиа и техносреды, а значит – именно она формирует устойчивые модели поведения, которые затем воспроизводятся в обществе. Цель статьи – описать основные функции Рунета в жизни российской молодежи и оценить их позитивные эффекты и риски.

За последние 25 лет Интернет стал частью общества. Количество его пользователей постоянно растет и в России достигло почти 130 миллионов человек. Основными пользователями Рунета являются дети от 12 лет до молодежи 27 лет [2].

Раньше люди читали книги или газеты, сейчас они смотрят в свой смартфон и с большой долей вероятности используют интернет-ресурсы: читают новости в пабликах, общаются в социальных сетях или смотрят любимый сериал. При этом зачастую пользователи смотрят развлекательный контент по рекомендации умной системы, предлагающей различные варианты информации в зависимости от настроения человека.

Благодаря интернету люди реагируют на события в окружающем мире со скоростью очевидца, находящегося рядом.

Рунет стал новым средством общения, который трансформировал всю систему коммуникации и вывел ее на качественно новый уровень. Еще пару десятилетий назад люди ходили в почтовые отделения, чтобы связаться со своими родственниками из другого города, еще раньше писали письма и неделями ждали ответа. Сейчас находящихся даже на другом континенте близких людей можно увидеть, лишь прикоснувшись к экрану смартфона.

Рунет изменил и формальные, и неформальные способы получения знаний.

В формальном образовании значимую роль играют онлайн-платформы, электронные библиотеки, образовательные материалы в открытом доступе, дистанционные форматы. Для молодежи это означает увеличение гибкости: можно повторять материал, выбирать темп, обращаться к альтернативным источникам объяснений.

В неформальном образовании важнее всего контентные экосистемы: видеолекции, образовательные каналы, подкасты, тематические телеграм-каналы, сообщества практиков (например, по программиро-

ванию, дизайну, языкам). В сравнении с учебниками цифровой образовательный контент часто более «прикладной» и адаптирован под аудиторию, что усиливает вовлеченность [1].

События, происходящие в последнее время в Мировой политике, сделали из Рунета «мощный форт» со своими площадками: VK, Яндекс, RuTube, MTS Music. После ухода (Instagram, Facebook – запрещены в РФ как экстремистские) и блокировок YouTube, российские площадки совершили огромный прорыв в мире медиа.

Что это означает для молодежи?

Весь музыкальный контент «переехал» из иностранных контент-площадок, на российские, что дает возможность для их развития.

Если говорить про медиа, то здесь молодежь имеет двойное мнение на пользование Рунетом. Просмотр любимых иностранных блогеров стал недоступен. Просмотр коротких видео в TikTok либо Shorts, тоже является проблемой. Листая VK видео, значимую часть которых составляют исторические и патриотические видео, молодежь оказалась зажата между государственными нарративами и полной интернет-свободой.

Нельзя не сказать о негативных сторонах Рунета. Остановимся лишь на некоторых из них.

В российских школах появилась проблема травли детей в интернете. Кибербуллинг – агрессия в цифровом пространстве – стал неотъемлемой частью жизни современных подростков. В России, по данным исследования «Лаборатории Касперского» (2022), 58% детей сталкивались с онлайн-травлей, а каждый третий школьник признавался, что скрывал такие случаи от взрослых. Рунет дает обидчикам анонимность и безнаказанность [3].

Особо актуальной сегодня становится проблема инфоцыганства. Существует огромное количество «инфоцыган» которые также пользуются анонимностью и безнаказанностью для получения выгоды от обманутых пользователей Рунета.

Таким образом, роль Рунета для современной молодежи неоднозначна. С одной стороны, он помогает расширять горизонты (образование, карьера, самовыражение мыслей). С другой стороны, Рунет является источником проблем: зависимость, тревога, опасность, а также клиповое мышление у подрастающих поколений.

Следовательно, ключевой задачей становится развитие у молодежи компетенций осознанности и критического мышления: медиаграмотности, навыков проверки информации, цифровой этики и психологической устойчивости. В перспективе эффективная молодежная политика и образовательные практики должны не только регулировать риски, но и поддерживать позитивные форматы цифрового участия, стимулируя ответственные и безопасные модели поведения в Рунете.

Список литературы

1. Интернет-зависимости современной молодежи // Файловый архив для студентов. сайт. – URL: <http://www.studfiles.ru/preview/5751252/>
2. Рунет – мир детей и молодежи. сайт. – URL: <https://cismms.ru/poleznye-materialy/runet-mir-detey-i-molodyezhi>
3. Кибербуллинг в российских школах. сайт. – URL: https://www.b17.ru/article/kiberbulling_v_rossiyskih_shkolah_algoritmy_deystviy_pri_probleme/

Tsarev Denis Eduardovich

Student of the Department of Sociology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: denistzarev04@yandex.ru

Shchitko Vladimir Sergeevich

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

Head of the Department of Sociology

Vladimir State University, Vladimir

E-mail: sl100@mail.ru

THE ROLE OF RUNET IN THE MODERN LIFE OF RUSSIAN YOUTH

Abstract. The article examines the role of Runet (the Russian-speaking segment of the Internet) as a key environment for the life of modern Russian youth. It analyzes the influence of the digital space on socialization and communication, educational practices, the formation of identity and value orientations, as well as on leisure and civic activity. The ambivalence

of Runet is shown: along with the opportunities for self-realization and access to knowledge, the risks of information overload, cyberbullying, disinformation, and digital addiction are revealed. It is concluded that it is necessary to develop media literacy and skills of conscious behavior on the network.

Keywords: Runet; Russian youth; digital socialization; media consumption; identity; media literacy; cyber risks

Цепинов Никита Антонович

аспирант

Пермский государственный гуманитарно-педагогический

университет,

г. Пермь

E-mail: nikita.cepinov@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Аннотация. В работе рассматривается деятельность учреждений социального обслуживания населения по интеграции лиц с инвалидностью в общество. Осуществляется анализ документов для рассмотрения деятельности учреждений. Выделяется проблема положения лиц с инвалидностью в учреждениях социального обслуживания, которая может мешать их интеграции в общество.

Ключевые слова: социальная интеграция; инвалидность; учреждения социального обслуживания населения; анализ документов

В России численность населения на 2025 год по данным Росстата составляет около 146 млн. чел. Количество лиц с инвалидностью на 2025 год составляет около 11 млн чел. То есть примерно 7,5% населения России является инвалидами. От общего числа лиц с инвалидностью 2,9% составляют лица с инвалидностью трудоспособного возраста [5]. В данном контексте проблема социальной интеграции лиц с инвалидностью становится актуальной.

Под социальной интеграцией в социологии принято понимать состояние и процесс объединения в единое целое, сосуществование ранее разрозненных частей и элементов системы вместе, на основе их взаимозависимости и взаимодополняемости, в том числе как процесс гармонизации отношений между различными социальными группами [2].

Социальная интеграция людей с инвалидностью предполагает их включение в систему общественных отношений, где их инвалидность не будет препятствием для реализации в обществе.

Выделяют несколько основных моделей инвалидности, на основе которых выстраиваются взаимоотношения между людьми без инвалидности и с инвалидностью в обществе:

- Медицинская, где в основе понимания инвалидности находится наличие патологии у человека;
- Социальная, где инвалидность рассматривается с точки зрения наличия барьеров в обществе для конкретной группы людей;
- Правовая, где инвалидность рассматривается с точки зрения отсутствия прав в рамках законодательства;
- Социокультурная, которая выделяет не только физические барьеры в обществе, но и культурные [4].

Важным институтом в процессе интеграции лиц с инвалидностью в общество выступают учреждения социального обслуживания населения. Их деятельность заключается в поддержке незащищенных слоев населения через оказание социальных услуг [3]. Исследование деятельности учреждений социального обслуживания может помочь в повышении эффективности интеграционных процессов в общество уязвимых слоев населения, в том числе и инвалидов.

В данной работе деятельность учреждений социального обслуживания будет исследоваться посредством анализа документов учреждений, а именно устава и положений.

Учреждения, документы которых будут анализироваться:

- «Профессионально-реабилитационный центр», техникум для инвалидов (Далее, ПРЦ);
- «Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Приморского района» (Далее, ЦСРИиДИ);
- «Владимирский комплексный центр социального обслуживания населения» (Далее, КЦСОН).

Документы учреждений были взяты с официальных сайтов, где предоставлена вся информация [1, 6, 7].

Основные цели и задачи учреждения определяют его устав и положения. Каждое из исследуемых учреждений направлено на социальное обслуживание населения. Отличие заключается в предоставляемых услугах и категориях граждан, которых обслуживает учреждение. В уставах учреждений прописаны следующие цели:

- ПРЦ: Организация предоставления профессионального образования для инвалидов и детей-инвалидов;
- ЦСРИиДИ: Социальное обслуживание инвалидов и детей-инвалидов;
- КЦСОН: Социальное обслуживание граждан пожилого возраста, инвалидов, бездомных.

В положении ЦСРИиДИ Приморского района предложено более развернутое определение цели учреждения: «Полное или частичное восстановление способностей инвалидов трудоспособного возраста, детей-инвалидов, детей раннего возраста, имеющих проблемы в развитии, к бытовой, общественной деятельности в целях их социальной адаптации и интеграции в общество».

Каждое учреждение состоит из отделений, которые выполняют конкретные направления работ в деятельности учреждений. Отличия между отделениями в одном учреждении заключаются прежде всего в категориях граждан, которых принимает отделения, формах и направлениях социальных услуг. Если выделять общее в задачах и целях отделений, то получится следующий список:

- ЦСРИиДИ:
 - Развитие индивидуальных способностей через творчество и привлечение к физкультурно-оздоровительным мероприятиям, культурный досуг, отдых;
 - Поддержка инвалидов трудоспособного возраста в решении проблем при социальной адаптации к условиям современного общества, самообслуживания, реализации собственных возможностей по преодолению сложных жизненных ситуаций;
 - Проведение трудовой терапии и обучения первичным трудовым навыкам получателей социальных услуг, содействие профессиональному и трудовому образованию и трудовой занятости;

- Создание благоприятных условий пребывания и реабилитационных занятий для клиентов Центра;
- КЦСОН:
- Предоставление социальных услуг;
- Проведение реабилитационных мероприятий;
- Оказание инвалидам и их семьям содействия в предоставлении медицинской, психологической, педагогической, юридической и социальной помощи;
- Улучшение условий жизнедеятельности инвалида и/или расширения его возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности;
- Создание условий для пребывания в учреждении;
- ПРЦ:
- Реализация образовательных программ;
- Осуществление медицинско-оздоровительного сопровождения;
- Содействие трудоустройству инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья, обучающихся в учреждении;
- Проведение просветительской и научной деятельности, направленной на реабилитацию инвалидов;
- Обеспечение создания специальных условий для получения инвалидами и лицами с ограниченными возможностями здоровья профессионального образования;
- Организация и проведение культурно-массовых, спортивных, физкультурных и физкультурно-оздоровительных мероприятий. Можно выделить несколько основных категорий задач, которые перед собой ставит каждое из учреждений в отношении к лицам с инвалидностью:
- Мероприятия, направленные на личностное развитие;
- Мероприятия, направленные на содействие трудоустройству;
- Мероприятия, направленные на медицинско-оздоровительное сопровождение;
- Мероприятия, направленные на социальную адаптацию;
- Создание условий для пребывания в учреждении.

Одним из направлений деятельности учреждений социальной защиты населения по работе с лицами с инвалидностью является их интеграция в общество. Их деятельность отражает социальный подход к проблеме инвалидности, что выражается в количестве предоставляемых социальными учреждениями услуг, направленных на развитие личностных, социальных, трудовых качеств у людей с инвалидностью, на помощь в организации жизни в рамках общества, на отстаивание своих прав и возможностей.

В то же время деятельность учреждений отражает иерархию по отношению к лицам с инвалидностью, которая выражается в их положении:

- Есть специалисты, которые предоставляют услуги и которые представлены по большей части людьми без инвалидности;
- Есть получатели услуг, которые являются инвалидами.

Получается ситуация, в которой люди без инвалидности стоят выше людей с инвалидностью. В основе стратификации находится медицинское отличие. То есть в данной связи можно говорить о медицинском подходе в отношении инвалидности, который выражает данная иерархия.

У людей с инвалидностью есть возможность взаимодействовать на равных в учреждениях социального обслуживания только с такими же как они. То есть учреждения социальной защиты репродуцируют неравенство, которое существует в обществе. В таком случае их задача по интеграции людей с инвалидностью в общество не может быть выполнена, потому как они априори создают условия для дезинтеграции лиц с инвалидностью из общества. Ролью учреждений по отношению к людям с инвалидностью в такой системе становится опека, патронаж. Решение данной проблемы возможно при создании системы в рамках учреждений социальной защиты, в которой лица с инвалидностью смогут взаимодействовать с людьми без инвалидности на равных позициях.

По итогам работы можно сделать следующие выводы:

- Учреждения социального обслуживания населения выполняют функции по интеграции лиц с инвалидностью в социум, что выражается в целях и задачах, указанных в их организационных документах;

– Данные учреждения отражают социальный подход к проблеме инвалидности, но в то же время установленная внутри учреждений иерархия репродуцирует медицинский подход к пониманию инвалидности;

– Возникает проблема, при которой социальная интеграция лиц с инвалидностью в общество при таких условиях не может быть реализоваться»

– Проблема может быть решена при создании системы, в которой люди с инвалидностью и без инвалидности будут находиться на равных позициях.

Список литературы

1. ГБУСО ВО «Владимирский комплексный центр социального обслуживания населения». сайт. – URL: <http://cso.elcom.ru/news.php> (дата обращения: 25.03.2026).

2. Герасименко, О. А. Социально-педагогическая интеграция. Выработка концепции / О. А. Герасименко, Р. П. Дименштейн. – под ред. А. А. Цыганок. – М.: Теревинф, 2001. – 140 с.

3. Конищева, Н. А. Роль социальных учреждений в предоставлении социальных услуг / Н. А. Конищева Вестник науки, 2025. – №1 (82). – С. 679–685.

4. Котова, О. В. Современные модели интеграции инвалидов в социум / О. В. Котова. – Социальная политика и социология, 2010. – № 1(55). – С. 209–218.

5. Статистика по инвалидизации в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 25.03.2026).

6. Техникум для инвалидов «Профессионально-реабилитационный центр». сайт. – URL: <https://p-rcenter.ru/> (дата обращения: 25.03.2026).

7. Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Приморского района. сайт. – URL: https://csridiprim.ru/o_centre/ (дата обращения: 25.03.2026).

Tsepinov Nikita Antonovich
Graduate student
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm
E-mail: nikita.cepinov@mail.ru

THE ACTIVITIES OF SOCIAL SERVICE INSTITUTIONS IN THE CONTEXT OF THE SOCIAL INTEGRATION OF PERSONS WITH DISABILITIES

Abstract. The paper examines the activities of social service institutions for the integration of persons with disabilities into society. Documents are being analyzed to review the activities of institutions. The problem of the situation of persons with disabilities in social service institutions, which may hinder their integration into society, is highlighted.

Keywords: Social integration; disability; social service institutions; document analysis

Цыбина Ольга Игоревна
студентка кафедры социологии
Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail: olya.tsybina0@mail.ru
Аргунова Вера Николаевна
доктор социологических наук, профессор кафедры социологии
Владимирский государственный университет, г. Владимир
E-mail: v_argunova@mail.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД ЧИКАГСКОЙ ШКОЛЫ: ВЛИЯНИЕ МИГРАНТОВ НА ГОРОДСКУЮ СРЕДУ

Аннотация. В статье рассматривается миграция и ее влияние на городское сообщество с точки зрения экологического подхода одного из представителей Чикагской социологической школы Р. Парка. Миграция рассматривается как форма вторжения в замкнутую экосистему города. Массовая миграция усиливает конкуренцию за ресурсы, ведет к кризису и дестабилизации сообществ, но одновременно конкуренция выступает механизмом восстановления порядка и расширения города. Миграция создает разрыв между биотическим и культурным уровнями

организации сообщества, что вызывает состояние «социальной дезорганизации». Результатом этого процесса становится появление «маргинального человека», укореняющегося в зонах перехода и оказывающего давление на более благополучные районы.

Ключевые слова: человеческая экология; чикагская школа; миграция; городская среда.

Современный этап развития городских сообществ характеризуется притоком населения в крупные центры, уплотнением жилой застройки и конкуренцией местных жителей и приезжих за доступ к ресурсам, такие как рабочие места, общественный транспорт, социальные учреждения. Миграция чаще всего происходит в большие города, которые стали или только становятся центрами культурного, социального и экономического разнообразия. Этот процесс неизбежно порождает новые формы социальной дифференциации.

Изучением миграции в контексте городского пространства занимались Р. Парк вместе с Э. Берджессом – одни из важнейших представителей Чикагской социологической школы в начале XX века. Этому явлению был посвящен труд Р. Парка «Человеческая миграция и маргинальный человек», однако тема миграции затрагивается и в других его научных работах.

Понимание миграционных процессов и их природы прослеживается в статье социолога «Экология человека», в которой Р. Парк рассматривает общество через призму биологического порядка.

Регулирование и упорядоченность жизнедеятельности организмов в природе обеспечивает, как утверждал Ч. Дарвин, борьба за существование – изначальная форма конкуренции. Те, кто выжил в этой борьбе, благодаря ей затем занимают места уже в физическом окружающем мире и вступают во взаимозависимость с другими организмами. Вследствие все это переплетается в сложную «ткань жизни», а она в свою очередь является основой социального порядка, относящийся и к отдельным видам, и к обществу в целом [4].

Взаимодействия организмов приобретают более тесный характер в привычном для этих организмов окружении. Если число взаимосвязей среди них увеличивается, а конкуренция постепенно уменьшается, то окружающая среда и ее жители превращаются в закрытую систему

[4]. За пределами этой системы те, кто не вошел в нее, образуют соревновательные кооперации: так появляются сообщества. Человеческое сообщество, подобно животному и растительному, стремится к поддержанию «биотического баланса», то есть равновесия между численностью популяции и ресурсами среды обитания [2].

Если в системе возникает нарушение равновесия между ресурсами и популяцией вследствие каких-либо изменений внутренних изменений условий жизни, но взаимосвязи между видами в ней могут быть нарушены или разрушаться вовсе. Причинами таких изменений могут быть голод, эпидемия или внезапное вторжение в среду других видов. В человеческом обществе в роли последней выступает миграция населения. Если в городскую среду въезжает большое количество мигрантов, они начинают бороться за ресурсы и прежде всего за пространство. Когда миграция массовая, то она резко увеличивает давление на эти ресурсы, что неизбежно ведет к кризису. С точки зрения экологии, это акт «вторжения», и он аналогичен появлению нового вида в замкнутой экосистеме. Даже несмотря на то, что условия, воздействующие на численность, в человеческом обществе намного сложнее, нежели в животных и растительных мирах, они все равно имеют сходства и осуществляются по одинаковым принципам.

Миграция действует как внешний толчок, который разбивает существовавшие традиции и может высвободить силы, доселе этого момента подконтрольные. В городской же среде это приводит к дестабилизации сложившихся сообществ и обострению борьбы за существование.

Когда равновесие в любом сообществе нарушено из-за вмешательства внешних факторов и изменения взаимосвязей внутри него, восстановлению разрушенного порядка способствует конкуренция. Р. Парк и Э. Берджесс рассматривали город как большой механизм сортировки, который распределяет население по различным естественным ареалам в зависимости от их экономического и социального статуса. Мигранты в условиях чужой среды обладают наименьшими ресурсами, поэтому втягиваются в борьбу за наиболее доступные и дешевые районы, которые Э. Берджесс в своей модели концентрических зон обозначил как «зоны перехода» – районы с самой старой и ветхой застройкой, которые примыкают к деловому центру.

По мере того как первое поколение мигрантов укореняется в новой для них городской среде и улучшает свое экономическое положение, оно начинает оказывать давление на соседние, более благополучные зоны. Такой процесс подобен сукцессии – последней стадии экологических процессов, при которой одна форма заменяется другой и устанавливается новое равновесие. Этот термин Р. Парк использует по отношению к явлениям, происходящим в человеческих обществах. Прежние обитатели благополучных районов, чей социальный статус значительно выше положения мигрантов, не желают находиться в конкурентной близости с новыми группами, поэтому используют свою мобильность, чтобы отступить дальше от центра, в более престижные и спокойные районы города.

Существует два экологических принципа – господство и последовательность. Они представляют собой способы, хотя и менее очевидные, которыми конкуренция контролирует равновесие в любых сообществах, будь то животные или человеческие. Эти принципы одновременно с этим являются и функциями конкуренции.

В интерпретации Э. Бержесса процесс, о котором говорилось ранее, представляет собой постоянное расширение в городе, где каждая внутренняя зона вторгается в следующую внешнюю зону, что происходит по большей части из-за конкуренции вследствие миграции. С расширением города в сторону пригородов давление профессиональных и деловых сообществ на него становится сильнее, вследствие чего увеличивается и их потребность пространства в экономическом центре. Затем она передается другим зонам и формирует модель концентрических колец [2]. Как пишет Р. Парк, функциональные области города (трущобы, центральные районы банков, торговые районы) существуют благодаря господству, а вследствие и конкуренции.

Принцип доминирования, который действует в определенных территориальных границах, определяет социальный тип городского сообщества и функциональную связь его частей. Следовательно, миграция влияет не только на физическое, но и на социальное «тело» города.

Экология человека как таковая не тождественна экологии растений и животных. Во-первых, человек не зависит от своего физического окружения так, как это устроено у животных: его отношение к этому окружению опосредовано вмешательством другого человека. Во-вто-

рых, благодаря разного рода изобретениям он способен не просто влиять на окружающую среду, но и осваивать ее. В-третьих, на фундаменте биотического общества человек построил институциональную структуру с традициями и обычаями.

Существующая структура сообщества сопротивляется внешними изменениям, но накапливает внутренние. В животных и растительных сообществах она предопределена на биотическом уровне и имеет инстинктивное и физиологическое основание. В человеческом же сообществе структура дополняется институциональным характером и обычаями, поэтому ими и регулируется и конкуренция в них, что усложняет социальный процесс, однако не меняет его существенно. Вследствие этого можно считать, что человеческое сообщество организовано на двух уровнях: биотическом – сообществе, основанном на конкуренции и борьбы за существование, – и культурном – сообществе, основанном на коммуникации и традиции [2]. Эти два сообщества представляют собой разные аспекты одного общества и являются созависимыми.

Миграция вырывает человека из привычной для него культурной среды и создает разрыв между этими уровнями: когда мигрант прибывает в другой город, он оказывается в ситуации, где нормы и обычаи, к которым он привык, больше не действуют, а новые еще не усвоены. Это состояние Р. Парк называет «социальной дезорганизацией». Оно ведет к росту отклоняющегося поведения, ослаблению семейных связей, а также атомизации личности. Последствием этих процессов является появление феномена «маргинального человека» – личности, которая живет на стыке двух культур, но не принадлежит полностью ни одной из них [1]. Город вследствие становится лабораторией, где происходит процесс ассимиляции и формирования нового, более сложного социального порядка, основанного не на обычаях, а на формальном законе и консенсусе.

Основываясь на экологическом подходе Р. Парка, можно сделать вывод, что миграция в его представлении не является негативным процессом. Она представляет собой естественную часть жизни любого сообщества, помогает сохранять равновесие внутри него. Когда миграция разрушает уже привычный социальный порядок в городском сообществе, происходит кризис, через который город переходит к фазе более

или менее стабильного равновесия и нового разделения труда. Следовательно, процессы миграции выступают мощными механизмами постоянного обновления городской среды.

Список литературы

1. Блинова, М. С. Миграции населения: подход социологов Чикагской школы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2011. – №4. – С. 172–189. сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsii-naseleniya-podhod-sotsiologov-chikagskoy-shkoly>

2. Луков, В. А., Тихомиров, Д. А. Чикагская социологическая школа: начало качественной стратегии в эмпирической социологии // Горизонты гуманитарного знания. 2019. – №1. – С. 89–107. сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chikagskaya-sotsiologicheskaya-shkola-nachalo-kachestvennoy-strategii-v-empiricheskoy-sotsiologii>

3. Парк Р. Э. Человеческая миграция и маргинальный человек / Park R. E. Human migration and the marginal Man // Park R. E. Race and culture. – glencoe, Ill.: free Press, 1950. – P. 345–346, 349–356. (collected papers. Vol. I) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология. 1998. №3. сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/98-03-021-park-r-e-chelovecheskaya-migratsiya-i-marginalnyu-chelovek-1-park-r-e-human-migration-and-the-marginal-man-park-r-e-race-and-culture>

4. Роберт Парк. Экология человека. Теория общества: Фундаментальные проблемы. – М., 1999. Перевод с английского: А. Ф. Филиппов. Перевод выполнен по изданию: Robert E. Park. Human Ecology. // Rober E. Park. On Social Control and Collective Behavior. Selected Papers. / Edited and with an Introduction by Ralph H. Turner. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1967. P. 69–84. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. — 02.03.2011. сайт. – URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5406>

Tsybina Olga Igorevna
Student, Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
Email: olya.tsybina0@mail.ru

Argunova Vera Nikolaevna
Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociology
Vladimir State University, Vladimir
Email: v_argunova@mail.ru

**THE CHICAGO SCHOOL ECOLOGICAL APPROACH:
THE IMPACT OF MIGRANTS ON THE URBAN
ENVIRONMENT**

Abstract. The article examines migration and its impact on the urban community from the point of view of the ecological approach of one of the representatives of the Chicago Sociological School, R. Park. Migration is considered as a form of invasion into the closed ecosystem of the city. Mass migration intensifies competition for resources, leads to crisis and destabilization of communities, but at the same time, competition acts as a mechanism for restoring order and expanding the city. Migration creates a gap between the biotic and cultural levels of community organization, which causes a state of "social de-organization." The result of this process is the emergence of a "marginalized person" who takes root in transition zones and puts pressure on more prosperous areas.

Key words: human ecology; Chicago school; migration; urban environment

Научное электронное издание

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ,
ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Материалы III Всероссийской научно-практической конференции

10 апреля 2026 г.

Издаются в авторской редакции

Авторы публикуемых статей несут ответственность за патентную чистоту, достоверность и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за разглашение данных, не подлежащих открытой публикации, и заимствованных данных.

Системные требования: Intel от 1,3 ГГц; Windows XP/7/8/10; Adobe Reader; дисковод CD-ROM.

Тираж 9 экз.

Издательство Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Владимир, ул. Горького, 87.